

АНАСТАСИЯ ЭЛЬБЕРТ

МИР
МЕЖДУ НАМИ

ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ -
ЭТО НЕ ВЫБОР

Глава первая

I have to believe that sin
Can make a better man
It's the mood that I am in
That's left us back where we began.

«Depeche Mode», «One caress»

Мирквуд, Европа

— Господин Фельдман, вы обещали, что сегодня не будете работать.

Молодая медсестра присела на стул возле кровати и положила на колени принесенные документы. Она смотрела на Адама в упор, но тот не повел и бровью — абзац был не дописан, и это означало только одно: он занят, и никто не вправе ему мешать.

— Нельзя так относиться к своему здоровью, господин Фельдман, — предприняла очередную попытку достучаться до пациента медсестра. — Я не говорю, что вы должны перестать работать. Но вам нужно отдохнуть!

Адам закрыл ноутбук.

— Послушайте, сестра, — сказал он. — Я закончу, а потом мы обсудим все темы на свете.

— Тогда позвольте задать пару вопросов касательно вашего самочувствия. Результаты анализов с вами обсудит доктор.

Адам поднял глаза на медсестру.

— Доктор? — переспросил он. — Тот, что смотрел меня вчера?

— Нет, это был дежурный врач. Вас осмотрит ваш личный доктор. — Медсестра улыбнулась. — Он вам понравится.

— Задавайте свои вопросы. Надеюсь, много времени это не займет. Вы ведь хотите прочитать мой новый роман?

Слабая точка была найдена.

— Конечно, господин Фельдман! И не только я! — Она выдержала паузу и добавила, приняв серьезный вид: — Но если вы не позволите себе отдохнуть хотя бы пару дней, то новую книгу придется отложить, и вашим преданным читателям придется ждать непростительно долго.

Адам нетерпеливо мотнул головой, и медсестра, закивав, склонилась над листами.

— Как давно вы были у врача?

— Не помню, — честно признался Адам и вернулся к рукописи.

— Как часто у вас болит живот?

— Часто, но кровью меня не рвало никогда. До вчерашнего дня.

— Вы когда-нибудь посещали гастроэнтеролога?

— У меня нет ни язвы желудка, ни гастрита, если вы об этом.

Медсестра зашелестела документами.

— Как вы себя чувствовали в последнее время, господин Фельдман? Слабость, перепады давления, сонливость, снижение работоспособности? Что-то, что могло бы заставить вас обратиться к врачу?

— Я не пойду к врачу, даже если мне приставят пистолет к виску.

Медсестра отложила документы и достала из кармана халата пейджер.

— А вот и доктор, — сказала она, и на ее лицо вернулась прежняя улыбка — немного рассеянная и смущенная. — Как раз вовремя.

Адам ожидал увидеть пожилого джентльмена в очках, на худой конец — привлекательную женщину чуть за сорок. Но доктор оказался высоким голубоглазым брюнетом, судя по всему, не так давно отпраздновавшим двадцать пятый день рождения. Брюнет был одет в брюки классического покроя с идеально отглаженной «стрелкой» и голубую, под цвет глаз, шелковую рубашку, которую Адам надел бы разве что в театр. Он походил на богатого студента, сделавшего одолжение своему профессору и пришедшему на пару часов практики.

— Благодарю вас, Мари, вы свободны, — обратился доктор к медсестре.

— Я закончила обход, доктор.

Щеки Мари залились румянцем.

— До конца вашей смены осталось полтора часа?

— Да, доктор.

Брюнет с улыбкой кивнул ей.

— Подождите меня в кабинете. Вы устали. Выпейте кофе.

Адам проводил взглядом медсестру.

— Доктор Вивиан Мори, — представился врач.

Если житель Мирквуда ни разу не слышал о докторе Мори, значит, газеты он не читает. Один из самых молодых профессоров городского университета, автор нескольких книг и десятков научных работ. Адам видел его фотографии в газетах. Особенно хорошо он помнил статью о благотворительной поездке в Ливан: врач собрал небольшую команду коллег и финансировал поездку от первого до последнего цента.

Доктор Мори занял стул, на котором несколько минут назад сидела медсестра. Адам отметил, что походка у врача очень легкая — создавалось впечатление, будто Вивиан не прикасается к земле. Слишком женственная для мужчины. В облике врача сквозило что-то аристократичное и тонкое, и это ему не нравилось.

— Для начала отвечу на часто задаваемые вопросы, — продолжил доктор Мори, положив ногу на ногу — еще один жест, который Адам терпеть не мог. — Я на самом деле доктор медицины, и специализации у меня две: психоанализ и онкология. Мне тридцать три года, и я уже давно не студент. Что до походки — я больше десяти лет танцевал классические танцы. Моя сексуальная ориентация в полном порядке, я люблю женщин, так что повода для волнений нет.

Адам натянуто улыбнулся.

— Как вы себя чувствуете? Выглядите вы лучше, чем вчера. Да, я уже успел посмотреть на вас. Вы спали. У вас до сих пор болит живот?

— Все прошло. Надеюсь, меня скоро отпустят домой.

Вивиан кивнул.

— Больница — не самое веселое место в этом городе. Вы работали? Простите, я отвлек вас. Как продвигается новая книга?

— Думаю, месяца через четыре она уже появится в магазинах.

— Целых четыре месяца?! Помилуйте, господин Фельдман! Я дважды перечитал «Мир между нами», не говоря уж о четырех предыдущих! Вас не раздражает, когда читатели говорят с вами о вашем творчестве?

— Напротив, мне приятны такие разговоры.

— «Прозрачный гранит» — вот какой роман мне нравится больше прочих. Это ваша вторая книга, если не ошибаюсь? Замечательная вещь. Главный герой в чем-то похож на вас?

Адам развел руками.

— Даже не знаю, что сказать... в личностном плане, полагаю, похож.

— Я имею в виду пороки. Вы тоже делаете из них культ?

— Пороки — это неотъемлемая часть человеческой жизни, доктор. Что до культа... над этим стоит подумать.

— Мне нравится ход ваших мыслей. Как-нибудь я приглашу вас на бокал вина. Или вы предпочитаете коньяк? Я не пью ничего, кроме вина, но гостям предлагаю то, что они хотят. Кстати, угощайтесь. Да, здесь можно курить. Я разрешаю.

Вивиан достал из кармана медицинского халата портсигар и протянул его Адаму, но тот отказался. Доктор пожал плечами и, достав сигарету, поднес к ней огонек зажигалки. Табак был завернут в коричневую бумагу, а дым пах чем-то сладким, напоминавшим то ли ваниль, то ли гвоздику.

— Вы зря отказываетесь, — заметил Вивиан. — Знаете, что убьет вас, господин Фельдман?

— Курение? — улыбнулся Адам. — Пороки? Работа?

— Вы сами убьете себя, друг мой.

Особых поводов для веселья не было, но Адам не удержался от смеха.

— Вы хотите сказать, что у меня рак?

— Доброкачественное новообразование, которое мы легко и быстро удалим. Но когда люди противятся своим желанием, это их убивает. И это обиднее, чем умереть от рака. — Вивиан снова протянул ему портсигар и повторил: — Угощайтесь.

Адам, не зная, как реагировать на шутку врача, взял предложенную сигарету и осторожно понюхал ее. Вивиан одобрительно кивнул.

— Не волнуйтесь, там нет ничего страшного. Только пропитанная опиумом бумага и смесь трав. Я зайду под вечер. Оставьте вам пару сигарет?

— Нет, благодарю.

— Может быть, я попрошу Мари заглянуть к вам на часок?

Адам взглянул в лицо врача, пытаясь понять, что он имеет в виду — приятный сладковатый дым сигареты навевал сон. Вивиан смотрел на него, положив руки в карманы, и улыбался. При более близком рассмотрении его глаза, спрятанные за стеклами небольших очков с тонкими стеклами, оказались не голубыми, а темно-синими.

— Спасибо, доктор. На сегодня достаточно лекарств.

— Очень жаль. Тогда все лекарство достанется мне. Включая удовольствие.

Глава вторая

Через пару недель после операции Адаму разрешили не только самостоятельно вставать с кровати, но и позволили прогуливаться по коридору, а потом — и по парку больницы. Доктор Мори сообщил пациенту, что дела идут хорошо, но работать не разрешал: несмотря на сдержанность и воспитанность, в этом вопросе врач проявил непреклонность. Взамен компьютера, бумаги и ручки Вивиан принес пациенту несколько книг, и тот был приятно удивлен — выбор оказался удачным.

Доктор Мори произвел на Адама неоднозначное впечатление. То есть, впечатление он, конечно, произвел хорошее — тот самый случай, когда сделанные после первого знакомства выводы не соответствуют действительности. Коллеги уважали его, несмотря на то, что он, похоже, был самым младшим среди врачей. С докторами Вивиан беседовал вежливо и дружелюбно, иногда позволяя себе циничные медицинские шутки, которые имели успех у окружающих. Также новый знакомый Адама часто общался с пациентами: он знал, кто как себя чувствует, у кого какое настроение, поздравлял с днем рождения или другой знаменательной датой, преподнося небольшой подарок.

С коллегами-женщинами у доктора Мори отношения были другими. Он не рассказывал пошлых шуток, не позволял себе прикасаться к кому-либо на людях, но в том, что у этого вопроса существует другая сторона, сомневаться не приходилось. Это было заметно по тому, какими глазами на доктора смотрела женская часть коллектива. Против служебных романов Вивиан ничего не имел, да и коллеги, которые, разумеется, знали, как обстоят дела, его не осуждали. Во всем, что касалось пациенток, доктор Мори строго держал дистанцию «врач-больной», но это не мешало женщинам краснеть, улыбаться и флиртовать, иногда неприкрыто и откровенно.

Да и сам Адам за эти недели сдружился с доктором Мори. Вивиан был приятным собеседником, но предпочитал слушать, а не говорить. Адам, который, в свою очередь, не привык выступать в роли рассказчика, примерил на себя нехарактерное для него амплуа и пришел к выводу, что в такой роли ему комфортно. Казалось, что с Вивианом можно говорить буквально обо всем. Адам не раз ловил себя на мысли, что именно такого человека он хотел бы видеть в качестве близкого друга.

Доктор Вивиан Мори был красив, умен, образован, нравился женщинам и имел великосветские манеры. Любой нормальный человек сказал бы о нем «идеален». И это было единственной деталью, настораживавшей Адама в его новом приятеле.

***

Отдых пошел Адаму на пользу. Он не прикасался к рукописи две недели, и в голове появились свежие задумки. Теперь ему не терпелось продолжить работу. Впрочем, была у него и другая мысль — провести еще несколько дней в состоянии дремлющего ленивца, и в глубине души он надеялся, что доктор порекомендует что-то подобное.

***

Доктор Мори сидел за письменным столом и заполнял документы. Кабинет был небольшим и светлым, и первым, что бросалось в глаза, было отсутствие ненужных предметов. Продуманная до мелочей обстановка — вместительный шкаф с прозрачными дверцами, где лежали больничные карты, письменный стол, рабочее кресло и два кресла с другой стороны, для посетителей, в углу — журнальный столик и два удобных кресла, но уже

не офисных, а «домашних». Своими достижениями доктор, похоже, хвастаться не любил: и дипломы, и грамоты, и благодарственные письма висели на стене рядом со столом, так что разглядеть их мог только тот, кто займет одно из кресел.

Заметив посетителя, Вивиан поднял голову и снял очки.

— Проходите, — сказал он. — Вас можно поздравить, вы вырвались на свободу.

— Не знаю, что насчет свободы, но отдохнул я замечательно.

— Что я могу сказать вам, мой друг? Вы вполне здоровы. Первое время я советую воздерживаться от соленого и острого, а также не налегать на кофе. Спиртные напитки запрещены. Побольше ходите пешком.

На столе доктора Адам увидел три фотографии в тонких серебристых рамках. На первом фото — как подумалось ему, такой снимок должен находиться на столе любого врача — фотограф запечатлел Вивиана в мантии и профессорской шапочке с гербом университета Сорбонны. На втором фото доктор Мори находился в компании коллег — судя по флагам за их спиной, этот снимок был сделан во время знаменитой поездки в Ливан. А третье фото не было связано ни с работой, ни с учебой. Вивиан сидел в кресле рядом с камином и держал в руках бокал с вином.

— Вы совсем не изменились, — сказал он с улыбкой, бросив взгляд на Вивиана.

— Не всегда внутренние изменения отражаются на нашей внешности, господин Фельдман. Вы бывали во Франции?

— Ни разу.

Доктор Мори отложил очки и откинулся на спинку кресла.

— Это замечательная страна, — сказал он отстраненно. — Когда-то я думал, что буду жить там и читать лекции в Сорбонне, а по вечерам ужинать в дорогом ресторане с красивой француженкой.

— И вы променяли это на Мирквуд? Почему?

— Это разговор для посиделок дома за рюмкой коньяка, мой друг. Не сейчас. Но могу вас уверить — я люблю Мирквуд ничуть не меньше Парижа, и к нашему университету питаю теплые чувства.

— Как часто вы преподаете?

— Три раза в неделю. И иногда по пятницам. Для самых прилежных студентов.

В кабинете было жарко, и Адам снял свитер, сложив его на коленях.

— Любопытно. Я ни разу вас там не видел.

— Здание медицинского факультета находится на некотором расстоянии от основного здания кампуса. Что вы преподаете? Литературу, как и большинство писателей?

— Писательское мастерство.

Вивиан взял чашку с кофе.

— Не думал, что можно научить писать.

— Нельзя. Можно открыть в себе писателя.

Пейджер доктора Мори пару раз пискнул. Он посмотрел на экран.

— Прошу прощения, мой друг, вынужден оставить вас. Я вернусь через несколько минут. Пожалуйста, не скучайте.

Когда за Вивианом закрылась дверь, Адам в очередной раз оглядел кабинет. Только сейчас он заметил, что здесь много комнатных растений, причем большая часть из них была привезена из других стран. Больше всего его впечатлила комнатная пальма, стоявшая в углу — она выглядела уменьшенной копией ее крупной «родственницы». Пальме не хватало разве

что крохотных кокосов и лазающих по стволу карманных обезьянок.

В кабинете было тихо. Почти неслышно играла музыка по радио, щебетала примостившаяся на окне птица. Адам задумался о своем и не сразу осознал, что в кабинете не один.

— Пациенты ждут доктора, доктор ходит по своим делам. Знакомая картина.

Приятный женский голос заставил Адама вздрогнуть от неожиданности, и он резко обернулся. Напротив него стояла красивая темноволосая женщина. Одета она была странно — в длинное платье старинного покроя: качественная ткань, корсет, открытые плечи и декольте. Подошло бы для бала при дворе в Англии начала нового времени. Пока Адам размышлял, как реагировать на неожиданное появление женщины, она изогнула слегка подведенную бровь и склонила голову.

— Вы немой?

— Нет, просто... вы меня напугали.

— Если я не вовремя, то подожду за дверью. В таком наряде я сойду за пациентку. Я не о раке, если что.

Адам улыбнулся.

— У вас великолепное платье.

Женщина заняла второе кресло.

— Не обращайтесь внимания — я только что с репетиции. Вивиан сказал, когда он вернется?

— Через несколько минут. А вы к нему по делу?

— Не слишком ли наглый вопрос, особенно если учесть, что вы задаете его незнакомой женщине?

— Вы правы. Меня зовут Адам. А вас?

— Афродита. Адам. Адам Фельдман? Писатель? Вивиан обожает ваши книги! Он наверное, замучил вас вопросами о сюжетах и героях?

Адам поднял с ковра свитер, который уронил во время неожиданного появления Афродиты.

— Мне нравится беседовать на подобные темы.

— Он может говорить об этом часами, я его знаю. Но уж лучше о книгах, чем о медицине.

— Вы играете в театре?

— Иногда и в кино.

Афродита достала из сумочки портсигар и, достав из него тонкую сигарету, закурила. Она повернулась к Адаму боком, и он увидел на ее шее татуировку — два следа кошачьих лапок.

— Так вы пришли к доктору по делу, Афродита? — снова заговорил Адам.

— Я пришла для того, чтобы пригласить его на обед.

— Значит вы... — Адам запнулся, почему-то решив, что это прозвучит глупо. — Его женщина?

Афродита в очередной раз изогнула бровь: сейчас удивление выглядело более правдоподобным.

— Его женщина? — переспросила она. — Я ничья женщина. По крайней мере, на данный момент.

— Извините. Это было бестактно с моей стороны.

— Судя по всему, вы не обременяете себя тактичностью. А вы к доктору по делу?

— Он должен заполнить документы по выписке из больницы.

— В добрый час. Чувствуйте себя хорошо и старайтесь не попадать сюда. — Она улыбнулась. — По делу.

Вернувшийся Вивиан на ходу снял халат.

— Ни минуты покоя, — пожаловался он. — Когда приводят интернов, я всегда как на иголках. — Он посмотрел на Афродиту. — Дорогая. Мы договаривались, что я за тобой заеду.

— Я решила прогуляться, — заявила Афродита. — И показать платье.

— Ты имела успех?

— Разве бывает иначе?

Вивиан сел за стол и снова взял документы.

— Вот необходимые бумаги, мой друг, — сказал он, обращаясь к Адаму. — Помните о моих рекомендациях. Я не хочу снова видеть вас в приемном покое. Лучше воспользуйтесь этим.

На стол легла визитная карточка: на ней были указаны телефонные номера Вивиана, а также электронная почта и домашний адрес.

— Буду рад вашему звонку, — сказал доктор Мори и с улыбкой кивнул Адаму. — История про Париж ждет вас.

Глава третья

Афродита стояла напротив большого зеркала и изучала свое отражение. Она поворачивалась то одним, то другим боком, придерживая полы шитого золотом белого хитона.

— Я похожа на гетеру? — спросила она.

— Разве что если отрезать от этой ткани две трети.

— Я почтенная гетера!

— Одну треть.

Вивиан сидел в кресле возле окна и читал при свете торшера. На столе чуть поодаль стояла бутылка вина и два бокала, один из которых был наполовину пуст.

— Может быть, на самом деле немного отрезать? — предположила Афродита, оглядывая хитон. — Ну уж нет! Лучше сделать декольте поглубже. И открыть спину.

Она еще немного полюбовалась на себя, собрав волосы и оглядев шею, после чего подошла к столу и, взяв полупустой бокал, заняла второе кресло.

— Сегодня ты молчишь и молчишь, — печально сказала она.

— У меня был тяжелый день.

— Ты уверен, что причина именно в этом? — Афродита посмотрела на него. — Болит?

Вивиан с улыбкой покачал головой и отложил книгу.

— Не больше, чем всегда. Лучше расскажи, как прошел твой день. Что вы изучали в университете?

— У нас был семинар по импровизации. Я произнесла монолог женщины, которая влюбилась в изнасиловавшего ее мужчину. В зале даже плакали, представляешь?

— Как кто-то сказал задолго до нас, слезы — лучшая награда для творца. — Вивиан взял со стола сигареты. — Факультет актерского мастерства. Кто бы мог подумать. Людей учат играть то, что написали другие, но почему-то не рассказывают о том, как писать свое.

— Я бы с удовольствием что-нибудь написала, — мечтательно сказала Афродита.

— Тогда возьми. Это тебе.

Девушка с минуту изучала лист бумаги, который Вивиан достал из книги.

— Что это? — любопытствовала она.

— Курс писательского мастерства, который ведет Адам Фельдман. Включает не только теоретические занятия, но и практические семинары. Проза, стихи. Драматургия. Он недавно начал новый курс, ты пропустила только один урок.

— Да, звучит неплохо... и курс, и семинар как раз тогда, когда у меня «окна» в расписании... не знала, что Адам Фельдман преподает. Как он тебе? Более скучный, чем его книги?

— Он интересный человек.

Афродита вернула бокал на стол и тоже взяла сигарету.

— Книги у него замечательные, — сказала она. — Хочется думать, что в жизни он хотя бы отдаленно напоминает своих героев.

— Можешь проверить.

— Он женат?

— Нет.

— Уже хорошо. Хотя даже если бы и был, мне бы это не помешало.

Афродита положила голову на спинку кресла и выпустила в потолок тонкую струйку дыма.

— Он спросил, твоя ли я женщина, — сказала она.

— И что ты ответила?

— Что я ничья женщина. А вот ты — мой мужчина.

Вивиан потушил сигарету.

— Потому что ты со мной спишь?

— То, что я с тобой сплю, делает меня твоей женщиной?

— Нет. Но то, что ты спишь с другими, не делает тебя чужой.

Афродита поднялась и подошла к нему.

— Даже пара затяжек опиума не мешает вам мудро мыслить, доктор. — Она положила тлеющую сигарету в пепельницу. — Какой женщиной я буду сегодня? Пожалуй, чужой.

***

Когда крепкий латте был допит, а омлет с зеленью, вкусный, но слишком сытный для того, чтобы съесть его полностью, был отставлен в сторону, Адам отложил книгу и устало потер глаза. Спал он хорошо, но мало — всего три часа. Он начисто забыл о том, что сегодня в университет нужно приехать к первой паре и лег спать непростительно поздно. Но не читал и не работал над рукописью, а занимался другим, очень необычным для него делом — смотрел кино.

Черновик романа был завершен, и после первой вычитки Адам отправил рукопись литературному агенту. Агент вот уже неделю молчал, не удосуживаясь высказаться по поводу прочитанного даже электронным письмом в пару строк. Обычно он уже после первых страниц звонил Адаму (часто с утра, когда тот даже не успевал открыть глаза, не говоря уж о том, чтобы выпить кофе и позавтракать) и начинал вдохновенный монолог. Молчание агента можно было принять либо за недовольство прочитанным, либо за шок от гениального романа «самого великого писателя современности».

Неделя у Адама выдалась свободная, если не считать мелких дел, и он, подумав, решил отдохнуть от работы. Он дочитал три книги, купил пару новых дисков, отвез машину в гараж, сделал основательную уборку и заполнил холодильник. А после этого приготовил чашку крепкого кофе, закурил, сел возле компьютера и, открыв браузер, набрал в строке поиска «доктор Вивиан Мори».

Вивиан Мори — а если быть более точным, Дитрих Вивиан Рихард Пьер Мори фон Турн унд Таксис — был младшим ребенком в семье, и принадлежал к древнему роду немецких аристократов. Точнее, его отец Рихард принадлежал к древнему роду немецких аристократов. Мать, Элизабет Франсуаза Мори, была обычной француженкой. И Вивиан был младшим ребенком не совсем в семье — это было дитя страсти молодого врача и скучающего аристократа, который поехал в Париж и, познакомившись там с Элизабет, провел с ней одну-единственную ночь. Рихард был старше матери Вивиана на пятнадцать лет, но это его (Рихарда) не печалило. Впрочем, не печалило это и мать — она приняла свое решение и вырастила ребенка одна. Рихард регулярно навещал Элизабет и сына в Париже, в перерывах между визитами переводил женщине приличные суммы денег, а после своей смерти, на момент которой Вивиану исполнилось двенадцать, завещал мальчику часть состояния.

Окончив школу, Вивиан поступил на медицинский факультет университета Сорбонны, а его мать вышла замуж. Муж, Джозеф Стайп, богатый юрист, увез Элизабет в Америку. С

отчимом отношения у доктора Мори не ладились, чего нельзя было сказать о Рене, его сводной сестре.

Итак, доктор Мори окончил университет и начал работать ассистентом профессора Аллара, известного парижского психиатра. Через пару лет (по примерным подсчетам, которые сделал Адам, доктору Мори тогда было двадцать семь, с учетом того, что он поступил в университет в восемнадцать) он начал свою практику. На этом история обрывалась. Вивиан проработал около года, и коллеги признавали, что молодой специалист подает большие надежды. История начиналась вновь уже в Мирквуде, когда доктор Мори, отпраздновав свой тридцать первый день рождения, блестяще защитил вторую диссертацию. На вопрос «по какой причине доктор покинул Париж» Адам ответа не нашел.

Тот факт, что склонность к медицине Вивиан получил от матери, сомнений не вызывал. От отца он перенял тягу к изысканным удовольствиям, часть из которых вряд ли можно было назвать приличными. Также он ценил искусство, в частности, театр, музыку и литературу — одна из статей рассказывала, что дома у доктора Мори есть большая коллекция редких книг.

Тайной для Адама оставалось только одно — как Вивиан ухитрился собрать эту коллекцию в городской квартире. Из прочитанного можно было сделать вывод, что тот владеет если не вычурным викторианским особняком на окраине города, то хотя бы домом в одном из хороших районов. Но доктор Мори жил в обычной квартире. Правда, в хорошем районе. И квартира была двухэтажной.

В свои тридцати три Вивиан оставался холостяком. Желтая пресса, на все голоса обсуждая его женщин, ни разу не писала о каком-либо серьезном романе. И эту чудную картину прекрасно дополняла Афродита Вайс, с которой он жил уже четыре года, и которую та же желтая пресса называла «гражданской женой доктора Мори».

Гражданская жена доктора Мори была младше его на десять лет — ей недавно исполнилось двадцать три. Девушка из простой семьи — ровным счетом ничего примечательного, если не говорить о внешних данных. И ее знакомство с Вивианом, и то, почему через три месяца после этого знакомства она перевезла свои немногочисленные вещи к нему домой, тоже оставалось тайной — не говоря уж о том, почему доктор Мори изменил своему тонкому вкусу и решил, если можно так выразиться, связать свою жизнь с выросшей в трущобах женщиной.

Их отношения удивляли еще больше. Вивиан менял женщин каждую неделю, Афродита поступала так же, только предпочитала и женщин, и мужчин. Она училась в университете на факультете актерского мастерства, снималась в кино и играла в театре. В ее сумочке всегда была кредитная карточка и чековая книжка — обе на имя доктора Мори. У нее был такой гардероб, которому могла позавидовать Софи Лорен. А также у нее был белый «порше», на котором она разъезжала по городу.

Вместе Вивиан и Афродита на людях появлялись редко. Они жили вместе, но спали порознь? Адам сомневался, что здоровая психически и физически женщина сможет жить с доктором Мори и не спать с ним. Ее выдержки хватит максимум на пару дней. Это было еще одной загадкой, которую он разгадать не смог. И решил, что загадок достаточно. А поэтому скачал из сети пару фильмов с участием Афродиты Вайс.

В двух фильмах она играла разные по характеру роли, но Адам не мог отделаться от ощущения, что каждая из ролей написана для нее. Если при встрече она произвела на него впечатление недалекой, пусть и острой на язык особы, то в кадре она была другой. Она была... собой?

После просмотра фильмов Адам нашел в сети трейлер к сериалу «Мирквуд» по одноименному роману, написанному в соавторстве двумя писателями. Трейлер ему понравился, но поиски сериала успехом не увенчались. Зато на следующий день он обнаружил заветный диск в одном из городских магазинов.

Сериал был, скорее, длинным фильмом, разделенным на несколько частей: красивая и печальная история женщины по имени Изабель Торнворд. Адам не знал Изабель лично, и его не особо волновало, насколько правдива история. Но после шести часов, начавшихся с момента нажатия на кнопку «play» в DVD-проигрывателе и закончившихся финальными титрами, он понял две вещи. Во-первых, он обязан найти роман. Во-вторых, Афродита Вайс рождена для того, чтобы быть актрисой... и, вероятно, он в нее влюблен. А, может, в Изабель Торнворд, роль которой она исполнила блестяще. Потом Адам понял и третью вещь: спать осталось три часа, а завтра нужно будет стоять перед аудиторией и хотя бы из вежливости не зевать на виду у студентов. Но теперь, посматривая на часы и подумывая, не заказать ли еще латте, он не жалел ни о чем. Фильм был прекрасен. И роман будет не хуже.

Звонок сотового телефона вернул его к реальности. Определитель показал номер литературного агента.

— Я думал, что ты обо мне забыл, — сказал Адам.

— Забыл?! Да я обо всем забыл! Ты понимаешь, что это гениально, Фельдман? По моему, нет!

— Так тебе понравилось, Чарли?

На том конце провода выдержали долгую паузу.

— Ну не идиот ли ты, Фельдман? Нет, мне не понравилось. Потому что это гениальный роман! Его нельзя оценивать. Его нужно обсуждать долго, часами...

— У меня нет долгих часов, Чарли. Скоро лекция.

— Я сегодня же пошлю рукопись в издательство.

Услышав это, Адам даже поднялся со стула от переизбытка чувств.

— Это черновик! Я вычитывал второпях, потому что ты достал меня напоминаниями о сроках!

— Не валяй дурака, Фельдман. Ты знаешь, что я твоих «блех» вижу невооруженным глазом. Пара опечаток — но у кого не бывает. Роман готов. Или я когда-нибудь тебя подводил?

— Нет. Ты просто когда-нибудь загонишь меня в гроб, только и всего! Я не могу позволить тебе отсылать черновик! Я уже нашел там пару сюжетных несоответствий!

— Тогда спешу тебя обрадовать — пять минут назад я уже отослал рукопись.

Адам медленно опустился на стул.

— Скажи мне, что ты шутишь, Чарли. Без моего согласия ты бы этого не сделал.

— Ладно, ладно. Я ничего не отсылал. Так уж и быть, даю тебе неделю на то, чтобы внести правки, которые там не нужны, и поправить сюжетные несоответствия, которых там нет. Но запомни, Фельдман. У тебя есть неделя. Ни днем, ни часом больше.

— Ты точно когда-нибудь загонишь меня в гроб, Чарльз.

— Зови меня просто Чарли. Ну, разве я не молодец? Бывай.

— Доброе утро, господин Фельдман. Простите, я подслушала ваш разговор. Новая книга уже готова?

Афродита Вайс, положив сумочку на стол, заняла кресло напротив. На этот раз на ней был строгий костюм-«тройка» темно-серого цвета. Афродита положила ногу на ногу,

сделала вид, что снимает босоножку на высоком каблуке, но на самом деле просто поиграла ей, и посмотрела на Адама.

— Да.

— Я, пожалуй, закажу кофе. — Она подозвала официантку. — Будьте добры, принесите макиато. Без сахара. И покрепче.

Адам в очередной раз оглядел Афродиту. Собранные в строгую прическу волосы, легкий макияж и очки (видимо, с обычными стеклами, но это только добавляло созданному образу шарма), на шее вместо галстука — шелковый платок с приколотой к нему брошью в виде небольшой ящерицы. Она, как и в прошлый раз, достала портсигар и прикурила от небольшой «зиппо» с изящным узором.

— Что вы делаете тут в такой час? — спросил Адам, принимаясь за еду.

— Я записалась на ваш курс. Прошу прощения, что пропустила первое занятие. Но я обязательно перепишу конспект. Я прилежная студентка.

— Вы пишете?

— Нет. Но хочу написать сценарий.

— Я уверен, что у вас получится. Кстати, я посмотрел несколько ваших фильмов. Вы прекрасно играете. Особенно мне понравился «Мирквуд».

Официантка принесла кофе. Афродита подвинула к себе чашку, но попробовать не торопилась. Она сделала пару затяжек и, прищурившись, посмотрела на Адама.

— Правда?

— Да. Конечно, я понимаю, что это не только талант, но и тяжелая работа. Все творческие люди это понимают. Но играете вы великолепно.

— Вы на самом деле так считаете?

Адам поднял на нее глаза — так, будто хотел убедиться, шутит ли она или говорит серьезно.

— А я похож на человека, который говорит такие вещи просто так?

— Нет. Мне приятно, когда вы это повторяете.

Адам закивал и отставил в сторону омлет.

— Я хочу задать вам вопрос. Если не хотите, можете не отвечать. Что вас связывает с доктором?

Афродита улыбнулась и сделала глоток кофе.

— А вы положили на него глаз?

Адам поднял бровь.

— А что если так?

Она расхохоталась.

— Мы живем вместе. Думаю, вы читали газеты.

— А кем вы приходите к нему на самом деле?

Афродита сделала очередную затяжку и сбросила пепел, легко постучав по сигарете покрытым темно-красным лаком ногтем.

— Я ведь говорила. Ничьей женщиной.

— Да, но вы живете под одной крышей. Вы как-то проводите время вместе по вечерам. Читаете? Беседуете? Смотрите кино?

— Читаем, беседуем, смотрим кино. Иногда Вивиан смотрит, как я репетирую роли. Иногда он делится со мной тем, что произошло у него на работе. Иногда мы ходим вместе в оперу или в театр. Иногда мы гуляем в парке и кормим уток. Но большую часть времени мы

занимаемся сексом. Иногда нюхаем кокаин. Иногда курим опиум. Иногда занимаемся сексом с кем-то еще. У нас часто бывают гости. Вы пробовали секс втроем?

Адам тоже достал сигареты. Афродита протянула ему свою зажигалку.

— Ни разу. Вам нравятся женщины?

— Мне нравится все, что доставляет мне удовольствие. Это — одна из вещей, которая связывает меня с доктором. Ему тоже нравится все, что доставляет удовольствие. Когда вы соберетесь к нам на кофе, Адам? Мы ждем.

— Пока что я с удовольствием пригласил бы на кофе вас.

Афродита улыбнулась.

— Меня нужно заслужить.

— А как вас в свое время заслужил доктор?

Кокетливая улыбка на ее губах сменилась печальной.

— Скорее, это я его заслужила. Скажем так — от меня он получает то, чего не может получить от других женщин.

— Это интересно. Так что вы думаете насчет приглашения на кофе?

— Вы не ответили на мой вопрос. Как бы вы меня заслужили?

— Я подумаю.

— Не забудьте сообщить мне ответ.

Адам посмотрел на часы.

— Нам пора, — сказал он. — В аудитории нельзя пить кофе, но для вас я могу сделать исключение.

Афродита поднялась и взяла сумочку.

— Вы уже частично заслужили меня, Адам.

Глава четвертая

— ... я бы назвал эту вещь самой личной, когда-либо написанной мной. Как это всегда и бывает, я до последнего момента не знал, как будут обстоять дела. Но это и интересно в профессии писателя.

Адам взял стакан с водой и сделал пару глотков. Зал был слишком большим для двадцати-тридцати человек, занимавших первые ряды. Кафедра напоминала Адаму лекционный зал университета, но он был рад тому, что на этот раз читателей немного. Объяснялось это, прежде всего, тем, что официальная презентация книги состоялась неделю назад, и тогда зал не мог вместить всех желающих — организаторам в последний момент пришлось ломать голову над тем, откуда взять дополнительные стулья. Теперь Чарли организовал встречу в небольшом читательском клубе, в соседнем помещении известного книжного магазина. Читателям эта идея понравилась, а Адаму — еще больше.

— А теперь вы можете задавать вопросы. — Адам оглядел зал. — Я знаю, вы долго ждали этого момента.

Публика зашелестела блокнотными листами.

— Скажите, господин Фельдман, не хотели бы вы попробовать себя в ином жанре? — спросила светловолосая девушка, сидевшая во втором ряду. — Мне кажется, что вы могли бы написать замечательный детектив.

— Я верю в теорию о золотой жиле, — ответил Адам. — Я нашел то, что получается у меня лучше всего. Точнее, жанр, в котором мне комфортно писать. В свое время я много экспериментировал, но пришел к мысли, что стоит сосредоточиться на одном и делать это так хорошо, как я могу. И даже лучше.

— Насколько мне известно, вы когда-то писали рассказы, — заговорил молодой человек в очках, сосед девушки. — Где их можно прочитать?

Адам поморщился.

— Вы на самом деле хотите почитать мои старые рассказы? Я бы скорее предложил вам неисправленный черновик.

Тихий смех в зале сменился молчанием.

— Рассказы можно найти в городской библиотеке. Когда-то я отсылал их во все известные и неизвестные журналы.

После тридцати минут ответов на вопросы Адам почувствовал, что говорить больше не может, и начал отвечать короткими фразами. А еще через четверть часа решил, что встречу нужно заканчивать — близилась полночь, а дома ждал очередной фильм с Афродитой Вайс.

— Последний вопрос, — заговорил он, — и на сегодня все. Думаю, у всех есть адрес моей электронной почты, и все знают, как меня найти на Facebook. Но на всякий случай напишу это здесь.

Он поднялся, подошел к небольшой белой доске и взял маркер.

— У меня есть вопрос, господин Фельдман, — услышал он смутно знакомый голос. — Как часто вам необходимы новые ощущения для того, чтобы творить? И как вы их получаете?

Адам обернулся и встретился взглядом с доктором Мори, который сидел в третьем ряду. Через пару секунд тот поднялся и приветственно кивнул ему. На Вивиане был темно-зеленый костюм, который по фасону больше напоминал старомодный камзол, в руках он

держал белые перчатки и трость, а рядом с ним на свободном стуле лежала шляпа-цилиндр. Адам подумал, что в таком образе доктор смотрится гармоничнее, чем в белом халате. А также о том, что в подобном виде мало кто ходит по улице, даже если учесть, что в Мирквуде нормальным поведением считалось ненормальное.

Женская половина зала повернула головы в сторону доктора Мори. Он смущенно улыбнулся.

— Я могу присесть, Адам? Я чувствую себя неловко, когда оказываюсь в центре внимания.

— Конечно, доктор. Спасибо, что пришли. Я не заметил вас в зале.

— В следующий раз я надену что-нибудь поэфффектнее.

Куда уж больше, подумал Адам.

— Новые ощущения необходимы регулярно. Все новое вдохновляет.

— Думаю, вы поняли, какие ощущения я имею в виду?

Пауза затягивалась. Доктор Мори ждал ответа. А вместе с ним ждал весь зал.

— Вы имеете в виду пороки, доктор? — заговорил он наконец.

— Вы детально описываете ощущения после принятия кокаина. Это интересно.

— В нашем городе много заведений, где можно попробовать что-то новое. Полагаю, вы в курсе.

— Полагаю, мой вопрос вас смутил?

— Скорее, оказался неожиданным.

— Неожиданно, господин Фельдман, бывает только оргазм у женщины до того, как вы получили удовольствие.

В зале рассмеялись. Доктор Мори прижал руку к груди, изобразив смущение

— Прошу прощения. Я задал больше одного вопроса, мне следует замолчать, пока я не сказал лишнего.

Когда читатели разошлись, Вивиан подошел к Адаму.

— Надеюсь, я не поставил вас в неловкое положение своей шуткой?

В ожидании ответа доктор Мори смотрел собеседнику в глаза — так, словно хотел получше разглядеть его реакцию.

— Я ожидал от вас более тонкого юмора.

— Прошу прощения.

Адам взял папку, и они с Вивианом пошли в направлении выхода.

— Вы позволите подвезти вас? — заговорил доктор Мори.

— Не вижу причин для того, чтобы отнимать у вас время. Я могу позволить себе поспать пару лишних часов, а для врачей это роскошь.

— Я провел на работе двадцать часов, мне по праву полагается выходной.

Адам устроился на пассажирском сидении темно-вишневого «БМВ» доктора Мори и пристегнул ремень. Вивиан занял водительское кресло.

— Где вы живете?

— Недалеко. Выезжайте, я покажу дорогу.

— Нет, так не пойдет. У меня есть вопросы, которые я не задал в зале, но хотел бы задать сейчас. Вы, конечно, уже отмечали выход книги и вправе мне отказать, но я помню о своем обещании.

— Это была рюмка коньяка у вас дома, доктор.

Вивиан покачал головой.

— В другой раз. Сейчас можно пойти в хороший клуб. Или вы предпочитаете скромный бар?

— А почему бы нам не прокатиться за городом?

— Ну что же. Прокатимся, и с ветерком.

***

Когда городские огни остались позади, Вивиан прибавил скорость. Адам, который не любил быструю езду, напрягся и сел прямо.

— Не волнуйтесь, — успокоил его доктор Мори. — Я осторожный водитель.

— По правде говоря, я не любитель поездок.

— Но вы сами предложили покатиться.

— Мне хотелось свободы от людей.

Вивиан понимающе кивнул. Прямая дорога постепенно превратилась в серпантин, и они начали подниматься в гору.

— Знаете, Адам, я задал вам этот вопрос не только потому, что хотел услышать ответ — хотя, конечно, и это тоже — но и потому, что хотел понаблюдать за вашей реакцией. Вы боитесь своих реакций.

— Так я заинтересовал вас как психоаналитика?

— Скорее нет, чем да. Вы заинтересовали меня как человека. В вас есть что-то странное. Неправильное. Нелогичное.

— То же самое я могу сказать и о вас.

Доктор Мори неопределенно хмыкнул, не отрываясь от дороги.

— И что же во мне странного? Мой стиль в одежде? Мое отношение к жизни? История про Париж, которая не дает вам покоя?

— Вы — из тех людей, к которым не хочется приближаться, но рано или поздно приближаешься. Что-то...

— Порочное? — предположил Вивиан. Это было сказано будничным тоном — так, будто он слышал подобное от каждого встречного. — Что же вас удивляет, Адам? Порок притягателен. Это темная комната с зеркалами. Вы не представляете, что можете там найти. А добродетель — это освещенная солнцем комната, где все лежит на местах, нет ни шкафов, ни комодов. Все на виду. — Он бросил взгляд в зеркало заднего вида. — Люди, которых притягивает порок, делятся на две группы. Первым пороки помогают открыть новые грани реальности. А вторым — убежать от себя.

— К какой группе вы относите себя?

— Ко второй.

Доктор Мори свернул на обочину и остановил машину.

— Подышим свежим воздухом, — предложил он. — С вершины горы прекрасный вид на город, а небо здесь восхитительное.

Адам вышел из машины и, подойдя к обрыву, посмотрел на город. Вид отсюда открывался такой, что захватывало дух. В полном смысле этого слова — он побаивался высоты.

— В жизни каждого из нас, — продолжил свою мысль доктор Мори, — есть что-то, с чем мы вынуждены мириться. Иногда это привычка, от которой мы не хотим избавляться. Иногда — страсть. Иногда — надоедливые мысли. А иногда это боль. Время от времени вы словно состоите из боли. И думаете только об одном — умереть и больше ничего не чувствовать.

Адам безмолвно покачал головой. Вивиан присел на капот и тоже посмотрел на город. Он прижал ладонь к груди и погладил шелк рубашки.

— Мой добрый приятель, — сказал он так же буднично, как несколько минут назад охарактеризовал свою сущность. — По самым оптимистичным прогнозам, мы проведем вместе еще около двух лет.

— Вы поэтому курите опиум?

— Удачно подобранная доза — разум остается трезвым, привыкания не вызывает, если не злоупотреблять, но помогает расслабиться.

— Она не операбельна?

— Вы бы согласились пройти все круги Ада, зная, что через пару-тройку лет вам придется сделать это снова?

Адам положил руки в карманы и отошел от обрыва.

— Вы не боитесь смерти, доктор?

— Я боюсь прожить бессмысленную жизнь.

В ночной тишине было слышно стрекотание сверчков.

— Скажите, а Афродита... что она думает по этому поводу? — заговорил Адам.

— Она придерживается вашей точки зрения. Она делилась со мной впечатлениями по поводу семинара. Ей понравилось, и она с нетерпением ждет следующих занятий.

— У вас странные отношения.

Вивиан закурил и закинул голову назад — то ли для того, чтобы расслабить шею, то ли для того, чтобы посмотреть на звезды.

— Нас это устраивает.

— Вас устраивает тот факт, что вы — чужие люди, хотя живете под одной крышей?

— Мы перестали быть чужими людьми еще до того, как она переехала ко мне. На ее глазах застрелили мужа, она упала в обморок прямо посреди улицы. Я возвращался домой ночью, пешком, и нашел ее. Ни один сукин сын не подумал остановить машину, мне пришлось нести ее до больницы на руках. К тому времени было глупо надеяться на то, что ребенок выживет. Выкидыш на пятом месяце — это смертный приговор. — Он поправил шарф, укутывая шею. — Три дня она была без сознания, потом три дня бредила и не понимала, что происходит вокруг. Я не отходил от ее кровати, почти не спал. Мое лицо было первым, что она увидела, придя в себя.

Адам снова кивнул.

— У нее было нарушение сна, она слишком долго принимала снотворное вместе с амфетаминами, по ночам мы сидели в палате и разговаривали. А после того, как она выписалась из больницы, я предложил ей переехать ко мне. Она обещала подумать, мы обменялись телефонами. Три месяца я не слышал от нее ни слова, а потом она позвонила и сказала: «Мне не надо помогать с вещами. Я справлюсь сама». Она самостоятельная девушка. Я бы сказал, что она за мной присматривает.

— Невеселая история, — резюмировал Адам.

— Прошу прощения, если испортил вам настроение. Иногда людям хочется поделиться чем-то личным.

— Я рад, что вы мне доверяете, доктор.

— Славно. Похоже, вы любите невеселые истории? Значит, повествование о Париже придется вам по душе.

Вивиан убрал волосы со лба, и Адам заметил на внутренней стороне его руки, чуть выше

запястья, небольшую татуировку скорпиона. Доктор Мори, поймав его взгляд, легко улыбнулся и кивнул.

— Так выглядит моя жизнь. Что бы я ни делал, я кусаю себя за хвост.

Глава пятая

— Сегодня здесь шумновато.

— В честь того, что твоя жена разрешила тебе провести вечер вне дома.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я подкаблучник?

Заказанная около часа назад бутылка коньяка почти не опустела, а сидевший напротив Адама Джеральд Гентингтон пребывал в дурном расположении духа. Это могло означать две вещи: либо работа над новым романом идет не так, как надо, либо он недостаточно выпил. Адам знал Джеральда уже не один год, и ему было хорошо известно, что настроение его друга неразрывно связано с этими двумя вещами. Когда Джеральд мог работать, он не приближался к спиртному на расстояние пушечного выстрела. Когда он не мог работать, спиртное помогало ему настроиться на нужный лад. Или забыть о творческом кризисе.

— Что ты, что ты, — заговорил Адам, не скрывая иронии. — Твоя жена построит полк солдат, не моргнув и глазом. Но кто она такая, чтобы управлять твоей жизнью?

— Сегодня моя жена работает в ночную смену, — в тон ему ответил Джеральд. — Я могу позволить себе провести вечер так, как хочу, и не выслушивать ее наставления. Кстати, если бы не ты, я сидел бы дома и работал.

— Да, что ни говори, тебе было бы спокойнее. — Адам посмотрел на часы. — Стив опаздывает на десять минут. А еще называет себя профессионалом.

Джеральд допил остатки коньяка и поставил рюмку на стол.

— Я говорил тебе, что Вивиан — мой психоаналитик?

— Впервые об этом слышу. И что ты о нем думаешь?

— Впечатляющий персонаж.

Официантка взяла со стола пепельницу и заменила ее чистой, после чего удалилась, поставив рядом с бутылкой очередное блюдо с лимонами и вазочку с большими маслинами без косточек.

— Ты решил, что он впечатляющий персонаж потому, что он — твой психоаналитик?

— Не язви, Адам. Ты видел, какие у него глаза? В нем есть что-то не от мира сего. Я уже не говорю о том, как он проводит свободное время. Все нормальные врачи читают книги, а он расхаживает по ночным клубам. А потом надевает белый халат и превращается в доброго доктора.

Адам в очередной раз наполнил рюмки.

— Прямо оборотень, а не доктор, — сказал он, не меняя ироничного тона.

— А эта его Афродита — еще та штучка. Успевает все — и учиться, и играть, и ходить по салонам красоты, и покупать шмотки от кутюр, и крутить три романа одновременно, и разгуливать по закрытым вечеринкам.

— Как ты думаешь, почему они до сих пор не женаты?

Джеральд, который сделал глоток коньяка, прижал ладонь к губам, чтобы не смеяться вслух.

— А зачем им это? По-моему, их обоих устраивает положение дел. Занимаются тем, чем хотят, спят, с кем хотят — а когда спать не с кем, то друг с другом. Или ты за законный секс? Не думаю, что это прибавит ему пикантности.

— Что ни говори, странно все это.

— Ты еще не привык к тому, что в э том городе все вверх тормашками? — Джеральд

повернулся к лестнице. — А вот и мисс Я Все Успеваю. Легка на помине.

Сегодня на Афродите Вайс было белое шелковое платье, которое подошло бы, скорее, для интимного вечера тет-а-тет, чем для выхода в свет: едва прикрывающая бедра юбка, открытая спина и длинный рукав, который платью скромности не прибавлял. Она потрепала волосы и, оглядев сидевших, салютовала им бокалом с шампанским.

— Адам Фельдман и Джеральд Гентингтон, — констатировала она. — Вы сидите в зоне для особо важных персон и не спускаетесь в зал потому, что не любите танцевать, или прячетесь от поклонниц?

— Мы ждем знакомого, — сказал Адам.

— Вивиан просил передать вам привет, если я вас встречу. Он сказал, что в прошлый раз вы хорошо провели время. Надеюсь, он не имел в виду ничего серьезного, и мне не стоит обижаться на то, что вы меня не позвали?

— Мы прокатились за городом и подышали воздухом.

Афродита переложила бокал в другую руку.

— Ах, чисто мужские разговоры? Ему этого не хватает. — Она посмотрела на Джеральда. — Как поживает ваша жена? Надеюсь, она хотя бы иногда отдыхает? Или так же, как Вивиан, работает по семнадцать часов в сутки? Ох уж эти врачи.

— После того, как она получила должность руководителя кардиологического отделения, свободного времени у нее не прибавилось.

— Надеюсь, на субботу ни у кого из вас нет особо важных планов, джентльмены? Нас с Вивианом пригласили на бал-маскарад, я буду рада вас видеть.

Адам жестом пригласил ее присесть.

— Составьте нам компанию, — предложил он. — Я вижу, вы пришли в одиночестве.

Она с улыбкой покачала головой.

— Вечер только начался, господин Фельдман. Я пришла в одиночестве, но все может измениться.

— Ваш... мужчина решил остаться дома?

Афродита подняла глаза к потолку.

— Да, — ответила она после короткой паузы. — Он не очень хорошо себя чувствует. Если вам станет скучно, вы сможете найти меня внизу.

Она сделала книксен, который, несмотря на неподходящее платье и высокие каблуки, вышел изящным, и направилась к лестнице.

— Хочешь поразвлечься? — предложил Адам, кивнув в сторону уходящей Афродиты. — Не думаю, что тебе будет интересен наш со Стивом разговор.

— Нет, спасибо. Кокаин я уже давно не нюхаю, и «траву» не курю. Проверю, нет ли там кого-нибудь из знакомых. — Джеральд поднялся и жестом пригласил подошедшего к столу мужчину занять свое место. — Добрый вечер, господин Адамс.

Стивен Адамс, криминальный адвокат, недавно начавший свою практику, через неделю должен был отпраздновать свой тридцатый день рождения. Они с Адамом познакомились три года назад, когда последний собирал материал для очередной книги. Город говорил о двух убийствах, и все обсуждали судебный процесс, на котором Стивен выступал в качестве защитника.

Молодой адвокат смотрелся комично — такой вывод сделало большинство участников, включая зрителей и присяжных. К тому времени обстановка накалилась, все были на стороне семей убитых, а судьям не терпелось вынести обвинительный приговор. Прокурор

не слишком напрягался, так как тоже был уверен в своей правоте. Но адвокату каким-то непостижимым образом удалось на первом заседании поколебать всеобщую уверенность в виновности своих подзащитных. На втором заседании судьям и присяжным только и оставалось, что вынести оправдательный приговор, а полиция начала очередное расследование — все это время истинный убийца гулял на свободе.

Адам не страдал болезненным чувством справедливости, и его не волновал вопрос, что именно произошло: обвиняемые на самом деле ничего не совершали или же то был провернутый адвокатом трюк. Он был уверен в одном: знакомство он завел полезное.

— Во что ты вляпался?

Стивен, как всегда, сразу же заговорил о деле. Он сел на место Джеральда, повесил на спинку стула плащ и взял пустую рюмку, которую официантка поставила напротив него.

— Ты же знаешь, что ничего страшного не произошло.

— Никогда не помешает уточнить.

Адам взял еще несколько маслин и предложил другу угощаться. Стивен поморщился — маслины он не любил. Зато с удовольствием выпил рюмку коньяка и сразу же наполнил ее снова.

— Вивиан Мори, внебрачный сын немецкого миллиардера-аристократа и француженки-врача. Отец оставил ему приличное наследство. Часть наследства лежит в швейцарском банке, вторая часть — в нашем городском банке. Шестизначная сумма. Доктор живет хорошо, но не любит тратить деньги впустую. С отличием окончил университет Сорбонны, проходил практику у известного парижского психиатра. Будучи студентом, принимал активное участие в общественной жизни университета. Занимался танцами и даже преподавал. Был душой коллектива, но вместе с тем человеком себе на уме и мог выкинуть какую-нибудь странность. У него было несколько друзей, с которыми он близко общался. Они раз в месяц устраивали вечеринки для узкого круга. И во время вечеринок вытворяли вещи, о которых не принято говорить вслух.

— Ходили на кладбище и выкапывали трупы для того, чтобы их вскрывать?

Стивен взял рюмку и сделал пару глотков.

— Не думал, что у писателей так худо с фантазией, — сказал он. — Студенты-медики тоже умеют развлекаться. Причем делают это так, что завидуют все.

— Хорошо. А теперь расскажи мне что-то, чего я не знаю.

— Ты, похоже, уже неплохо осведомлен? Кстати, мы знакомы. Как-то он помогал мне проводить психологическую экспертизу. Не знаю, чем они занимались на студенческих вечеринках, но в работе он профессионал. Да и в общении приятный парень.

— А что это за история про Париж?

Стивен достал газетную вырезку из папки, которую принес с собой, и выложил ее на стол.

— Ты умеешь читать по-французски? — спросил он.

— Увы, нет.

— Это статья о пациентке доктора, которая покончила с собой.

Адам поднял бровь.

— Треть пациентов психоаналитиков кончают жизнь самоубийством. Или то был необычный случай?

— Депрессия. Если хочешь узнать детали, расспроси доктора. Ах да. У них был роман.

— Не заметил в нем стремления сблизиться с пациентками.

Стивен вернул статью в папку.

— Говорю же. Расспроси доктора.

Адам подвинул к себе блюдо с лимоном.

— А что насчет его «гражданской жены»?

— Афродита — ее настоящее имя. Вайс — фамилия матери. Когда ей исполнилось семь, родители оставили город, и она переехала к дяде с тетей. Жилось ей там не лучше, чем дома — разве что дядя с тетей жили мирно, никто не пил и никто никого не бил. Денег у них не было, работал только дядя, тетя сидела дома с детьми. Она была профессиональной швеей, что было на руку, потому что они не могли себе позволить покупать одежду. Афродита донашивала вещи двоюродных братьев и сестер, иногда тетя шила ей платья. Зимой с теплыми вещами было туго, она ходила в легких пальто и никогда не носила нормальной обуви. Девочкой она была нервной и болезненной, мечтала о хорошей жизни, о том, что у нее будет много красивых платьев и денег. И что когда-нибудь она встретит прекрасного принца. В пятнадцать она его встретила. Денег у принца было много, а еще больше — проблем, потому что он был одним из сыновей криминального авторитета. Они встречались три года, в семнадцать Афродита переехала к нему. В восемнадцать вышла за него замуж, к тому времени была на третьем месяце беременности. А через два месяца, когда они возвращались домой с какой-то вечеринки, его застрелили у нее на глазах. Ей стало плохо, она хлопнулась в обморок. И по счастливой случайности мимо проходил доктор Мори.

— Занимательно.

— Отношения у них забавные. Как ты знаешь, они живут вместе. Редко появляются на людях как пара. Вивиан оплачивает ее учебу в университете. Она тратит его деньги. Регулярно они ссорятся — точнее, она собирает вещи и уходит, но потом возвращается. Что между ними происходит на самом деле — не знает никто.

Адам ответил на предложение подошедшей официантки принести еще коньяка отказом. Стивен взял плащ и поднялся.

— Мне пора бежать. Надеюсь, мой ответ тебя удовлетворил?

— Если не думать о том, что у меня появилась еще куча вопросов.

— Советую задать эти вопросы доктору. Но до этого подумай еще разок, на самом ли деле тебе это нужно.

Глава шестая

На город спускалась ночь, и в квартире было сумеречно, но Афродита не торопилась включать свет в ванной. Она стояла в полумраке перед зеркалом и расчесывала волосы, сосредоточившись на своих мыслях. Появившийся за спиной Вивиан показался ей привидением.

— Господи, ты меня напугал! Подкрадываешься, да еще и в темноте!

— Я хотел включить свет, но передумал. Решил, что после вчерашнего у тебя болит голова.

— После вчерашнего? О чем ты?

— Ты не ночевала дома, вечер, наверное, у тебя выдался замечательный.

Вивиан подошел к ней и присел на высокий стул рядом с ванной.

— Я нигде не ночевала, — ответила Афродита, снова взяв щетку для волос. — Я пришла домой около семи. Ты спал.

— Ты уже второй раз за месяц приходишь домой под утро.

— Ты тоже два раза за месяц не ночевал дома.

— Только один раз. Во второй раз я был на работе.

Она передернула плечами, не отвлекаясь от своего занятия.

— Мне кажется, в последнее время мы слишком часто обсуждаем эту тему, — снова заговорил Вивиан. — Ты помнишь, о чем мы договаривались?

— Не больше одной ночи в месяц. Но ты на этот раз позволил себе...

— Не знаю, как насчет твоих любовников, но пациенты не могут сказать «сегодня у меня не будет сердечного приступа» или «сегодня я не попаду в аварию», и удивляют в самый неподходящий момент. И порой чаще, чем два раза в месяц.

Афродита положила щетку возле зеркала и посмотрела на него.

— Ты, в отличие от меня, можешь совмещать приятное с полезным. Большинство твоих любовниц могут подождать, пока ты разберешься с пациентами. Вы работаете вместе.

— Так как ты провела вчерашний вечер?

— Опрокинула пару рюмок в клубе, поехала домой к одной из подруг, мы пошли в другой клуб... и там сидели до утра. Я видела твоего Адама. Он был в компании Джеральда Гентингтона, а потом Джеральд ушел, и к нему подсел Стивен Адамс.

— Адвокат?

Афродита кивнула и принялась заплетать волосы в косу.

— Они так мило шептались целых полчаса.

Вивиан поднялся и подошел к ней. Афродита сморщила нос.

— От тебя пахнет женщиной, — уведомила его она.

— Тебе это не нравится?

— Слишком сложный вопрос, чтобы ответить на него в двух слова.

— Я пошел спать в восемь вечера и проснулся недавно. Наверное, в моей кровати побывала таинственная незнакомка?

— Зная тебя, предположить можно все.

— Незнакомка позволила себе зайти в мой кабинет, порыться в ящиках письменного стола и забрать то, что ей не принадлежит.

Афродита улыбнулась и, бросив взгляд в зеркало, провела рукой по волосам.

— Что взяла незнакомка? Твою любимую закладку с золотистой кисточкой? Паркер? Или негодяйка стащила карандаш, которым ты подчеркиваешь цитаты в книгах?

— Верни то, что ты взяла, Дита.

Она понимающе кивнула и направилась в сторону кухни.

Вивиан наблюдал за тем, как она включает чайник, достает из шкафа кофейную чашку и открывает холодильник в поисках чего-то, что могло бы стать подходящим для позднего завтрака.

— Ты будешь молчать? — спросил он. — Или ответишь?

— Мне надоело смотреть на то, как ты убиваешь себя этой гадостью.

— Ты хочешь посмотреть на то, как я умираю без этой гадости?

— Без нее ты не будешь умирать медленнее.

Афродита взяла нож и разрежала извлеченное из холодильника яблоко на две части.

— Хочешь? — предложила она. — В красных яблоках много витаминов. Но только если есть с кожурой.

Вивиан присел у стола и закурил, подвинув к себе пепельницу. Афродита вернула одну из половинок яблока в холодильник, а вторую разрежала на две части и принялась вынимать сердцевину.

— Какое у тебя давление? — спросила она.

— Не стоит интересоваться чем-то только из вежливости.

— Ты не хочешь поехать в больницу? Они поставят тебе капельницу...

— Я не собираюсь никуда ехать. Я хочу, чтобы ты вернула мне чертов пластырь! Сейчас же!

Афродита, уже взявшая было вскипевший чайник, поставила его на место.

— Я так больше не могу, — сказала она. — Ты говоришь, что мы мало времени проводим вместе. Упрекаешь меня в том, что я не ночую дома. Но когда я говорю, что тебе нужно пойти к врачу, ты не собираешься этого делать! Когда-то ты говорил мне, что человеческая жизнь — это самое дорогое, что только может существовать. И что за нее надо бороться всеми силами. А что я должна думать теперь? Ты хочешь, чтобы я продолжала быть дурой и делать вид, что ничего не замечаю? С утра уходить на учебу, потом ехать на съемки, по вечерам гулять по клубам и не обращать внимания на то, что происходит? Тебя убьет не рак, а опиумный пластырь, без которого ты не можешь жить!

Вивиан подошел к ней и взял со стола одну из четвертинок яблока.

— Иногда, — продолжила Афродита, — мне начинает казаться, что этот пластырь для тебя важнее, чем я.

— Иногда, — в тон ей ответил Вивиан, — мне хочется, чтобы ты почувствовала мою боль. Всего лишь на минуту. И тогда ты все поймешь.

— Когда было больно мне, рядом был ты. И я решила, что мне стоит жить. А теперь рядом с тобой есть я, но тебя это не волнует.

Он протянул руку и погладил ее по волосам.

— Порой я думаю, что жизнь для тебя — это кино. И ты каждую минуту играешь сцену.

— Порой мне кажется, что вся моя жизнь — это один большой фильм. И я думаю — это на самом деле происходит со мной? На самом ли деле человек, который для меня не просто любовник, пропускает мимо ушей мои слова?

Вивиан поднял ее голову за подбородок, и Афродита, поморщившись, попыталась освободиться.

— Если этот кто-то так важен для тебя, почему ты заставляешь его страдать?

— Мне больно, Вивиан.

— Это хорошо. Иногда в нашей жизни бывают моменты, когда чувствовать боль полезно. Это на один маленький шаг приближает нас к осознанию того, что больно бывает не только нам. Подумай о том, что та боль, которую чувствую я, в миллион раз сильнее той боли, которую чувствуешь ты. Может, тебе плохо со мной, Дита? Я даю тебе мало денег? У тебя мало одежды, косметики, обуви? Тебе не нравится твоя машина? А если все это тебя устраивает, то чего тебе не хватает? Может, секса? Не думаю. Его ты в избытке получаешь от других.

Афродита отошла на пару шагов и занялась приготовлением кофе.

— Мне не хватает счастья. Но вряд ли человек, который делает себя несчастным, сможет помочь.

— Ты права. Но я не обещал тебе счастья. И тебя это устраивает. Иначе бы ты тут не задержалась.

Афродита поставила чашку на стол.

— Я не хочу с тобой ссориться, Вивиан, — сказала она. — Сейчас тебе лучше побыть одному. Я не буду нарушать твой покой.

***

Адам вот уже минут пять изучал дверь квартиры, на которой значился номер «16», а чуть ниже располагалась табличка с именем жильца: «Вивиан Мори», но стучать или звонить не торопился.

Добрый вечер, доктор. Не могли бы вы рассказать о вашей пациентке, которая покончила с собой?

Дождь, который начался пару часов назад, теперь лил как из ведра, и, несмотря на плащ и зонт, Адам промок до нитки. Плащ он держал в руке и переминался с ноги на ногу, напоминая нерешительного кавалера у дверей возлюбленной. И мог бы простоять так еще не пять и не десять минут, если бы дверь не открылась, и на пороге не появилась бы Афродита Вайс.

— Господин Фельдман! Вы, наверное, к Вивиану. Если ко мне, то я уйду.

— На улице ливень и ураган. Такая ночь не подходит для прогулок под луной.

Афродита сделала шаг вперед, и Адам посторонился, пропуская ее.

— Не волнуйтесь, господин Фельдман, я не буду много гулять. У меня есть дела поважнее.

И она направилась к дверям лифта, поправив на плече дорожную сумку.

Адам вошел в прихожую и огляделся. Квартира доктора Мори была довольно скромной для человека с его достатком. Прихожая переходила в узкий коридор, который, в свою очередь, вел в гостиную. Через гостиную можно было пройти в кухню, а справа Адам заметил лестницу — на втором этаже располагались жилые помещения, мало интересующие гостей.

Доктор Мори сидел в одном из кресел напротив приоткрытого окна. Выглядел он совсем не таким, каким Адам привык его видеть: бледный, в расстегнутой рубашке, с пусть и не растрепанными, но не аккуратно уложенными волосами. Гостей Вивиан явно не ждал, и Адам почувствовал себя неуютно.

— Вам не спится, господин Фельдман? — заговорил хозяин квартиры.

— Да... можно сказать и так. Но я, похоже, пришел не вовремя.

— Вы правы.

Адам в нерешительности замер посреди комнаты, не зная, что ему следует делать, и что он может сказать.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросил он осторожно. — Может... вы хотите воды?

— В правом верхнем ящике моего письменного стола есть шкатулка из черного дерева. Принесите ее, пожалуйста. Кабинет там.

И Вивиан чуть заметно кивнул в нужном направлении.

Адам включил настольную лампу и открыл указанный ящик. Он приподнял бумаги и папки, выложил на стол несколько книг и нашел то, что искал. На крышке шкатулки был вырезан герб университета Сорбонны, а чуть ниже можно было прочесть дарственную надпись: «Вивиану Мори. В благодарность за вашу дружбу». Он осторожно взял шкатулку — так, будто в ней лежали сокровища — и вернулся в гостиную.

— Прошу вас, доктор, — сказал он.

— Откройте, будьте добры.

В шкатулке обнаружили три ампулы с желтоватой жидкостью, несколько одноразовых шприцов, пара кусочков ваты и флакон с прозрачным содержимым. Адам недоуменно посмотрел на Вивиана.

— Что это? — спросил он.

— А я-то думал, что вы учили латынь в вашем университете, господин Фельдман.

— Вы хотите, чтобы я сделал вам укол?...

Лекции по латыни Адам помнил смутно, но слово *Morphinum*, написанное на этикетке одной из ампул, было интернациональным. Вивиан поднял руку и поднес ее к лицу гостя — у него дрожали пальцы.

— Не думаю, что я в состоянии сделать себе укол сам. Вы ломаете ампулу, набираете в шприц лекарство, выпускаете из шприца воздух. Раствор готовить не нужно — лекарство уже разбавлено. Берете нашатырный спирт — в этом флаконе — и вату. Дезинфицируете и делаете укол.

— Я не думаю, что это хорошая идея, доктор. Я сделаю вам больно.

— Пусть это вас не тревожит.

Адам набрал морфий в шприц и взял пропитанную нашатырным спиртом вату. Доктор Мори кивнул.

— Вы отлично справляетесь.

— Если честно, я до смерти боюсь уколов.

— Я не прошу вас делать укол самому себе. Не будьте идиотом.

Адам глубоко вздохнул, заставив себя не закрывать глаза, и сделал укол. Кожа поддалась легко, и через пару секунд шприц уже пуст. Он приложил вату на место укола и достал иглу. Доктор Мори в очередной раз кивнул — на этот раз, одобряюще — и положил голову на спинку кресла.

— Боевое крещение вы прошли успешно — когда я делал укол в первый раз, то нашел вену с третьей попытки. Оставьте меня на несколько минут.

***

Адам вернулся в кабинет. При более ярком, чем свет настольной лампы, свете комнату можно было разглядеть лучше. Сначала она показалась гостю большой, но теперь он видел, что это не так. Кабинет был предназначен только для работы — здесь не было ничего, кроме книжных шкафов, письменного стола и трех кресел: одно принадлежало хозяину квартиры, а

два других находились с другой стороны стола и предназначались для посетителей, которые, судя по всему, были именно гостями, а не пациентами. По крайней мере, так подумал Адам: комната не выглядела кабинетом психоаналитика, с какой стороны ни посмотри.

«Книжная» часть кабинета удивляла контрастом с «рабочей» частью. Если на письменном столе, освещенном лампой с зеленым абажуром, царил беспорядок — открытые книги, блокнот с выписками, несколько запечатанных писем, пустые конверты, открытки, нож для бумаг, наполовину полная пепельница и большой словарь с медицинскими терминами и множеством разноцветных закладок, то книжные полки являли собой идеал порядка. Книги были расставлены по сериям и по цвету обложек, и, как заметил Адам, приблизившись, в алфавитном порядке. Тут был и каталог со списком книг, каждая из которых была пронумерована. Библиотеке доктора Мори позавидовал бы страстный коллекционер — Адам нашел несколько редких экземпляров, которые в свое время отчаялся достать.

— Вы гармонично смотрите на фоне книг.

Вивиан поставил на него бутылку коньяка, подошел к небольшому шкафу и достал оттуда две рюмки. Он успел причесаться и привести себя в порядок, но до сих был бледен и, как показалось Адаму, нетвердо стоял на ногах.

— Вам уже лучше, доктор?

— Да. Если я сказал что-то лишнее, прошу прощения.

— Все в порядке. Просто я за вас волновался.

Вивиан открыл коньяк.

— Сегодня вина мне не хочется, и, думаю, я могу позволить себе рюмку чего-нибудь покрепче. А заодно выполнить свое обещание. Присаживайтесь.

Адам сел в кресло у стола.

— У вас замечательная библиотека, — заметил он. — Мечта букиниста.

— Я долго собирал ее. Кстати, у меня есть для вас подарок.

Доктор Мори подошел к книжным полкам и принялся изучать корешки, чуть наклонив голову.

— Ах, вот, — заговорил он и достал одну из книг. — Афродита сказала, что вы искали эту книгу. Она теперь ваша.

Под вытесненным золотым на черном фоне названием «Мирквуд» был изображен женский силуэт. На титульном листе Адам прочел дарственную надпись: «Скромные подарки иногда многое для нас значат». Дальше доктор поставил свои инициалы, за которым следовала аббревиатура M.D.

— Большое спасибо, — поблагодарил Адам. — Я нашел книгу в городской библиотеке, но она была такой старой, что я не хотел брать ее в руки.

— В этом я с вами солидарен. — Вивиан взял вторую рюмку. — Ваше здоровье, мой друг. И еще раз спасибо за то, что пришли. Господин Адамс рассказал вам историю про Париж? Думаю, нет, иначе бы вас тут не было.

Адам, который хотел сделать очередной глоток коньяка, вернул рюмку на стол.

— Я понял. Госпожа Вайс. Мы видели ее в клубе.

Вивиан занял второе кресло, проигнорировав реплику собеседника.

— Я даже не знаю, с чего начать, доктор, — неуверенно заговорил Адам. — Если честно, я не очень уютно чувствую себя со всем этим...

— Но, тем не менее, вам любопытно. Никогда не понимал, почему люди чувствуют себя

неуютно, если им хочется что-то сделать. Вы снимаете маску, а не натягиваете ее, Адам. Это освобождает, а не сковывает.

Адам поджал губы. Доктор Мори достал из кармана брюк портсигар и закурил.

— Угощайтесь, — предложил он.

— Нет, благодарю. Я покурю свои.

— Вы так упрямо отказываетесь от того, чтобы получать удовольствие от жизни в чьем-то присутствии. Это меня забавляет. — Вивиан протянул Адаму зажигалку. — Леди, о которой вам рассказывал господин Адамс, звали Беатрис Фабре. И, как вы уже знаете, она была моей пациенткой. Она приходила три раза в неделю на протяжении двух месяцев. Она много рассказывала. А я слушал, слушал, слушал... и влюбился в свою пациентку, господин Фельдман.

Адам потушил недокуренную сигарету и снова наполнил опустевшие рюмки. Доктор Мори благодарно кивнул.

— Разумеется, она ответила мне взаимностью. К тому времени я уже знал, что это, по меньшей мере, нелогично — когда женщина говорит мне «нет». Но тогда меня это не заботило. Я был счастлив. Это чувство... будто что-то внутри раньше было неполным, а теперь стало абсолютным. Вы просыпаетесь с утра с мыслью о том, что вам есть, ради кого жить. Вот так было и у меня. Недолго.

Вивиан взял рюмку, но не торопился делать глоток. Он посмотрел в окно, за которым лил дождь.

— В какой-то момент, — продолжил он, — я будто... как бы это? Потерял контакт с реальностью. Я видел, что она счастлива, и мне казалось, что все хорошо. Что она больше не будет говорить «знаете, доктор, я вчера думала — а зачем мне жить?». И... я что-то упустил. Какую-то перемену в ее состоянии. В тот вечер я возвращался домой от университетских друзей. У одного из них был день рождения, и мы решили справить его в тесной компании. Виновник торжества решил сделать нам сюрприз и подарил каждому по шкатулке, которую вы видели у меня. Когда я вышел от него, лил дождь, но я решил прогуляться — до моего дома было несколько кварталов. В кармане у меня лежало обручальное кольцо, в тот вечер я хотел сделать Беатрис предложение. Я пришел домой, открыл дверь своим ключом и увидел включенный в ванной свет. Удивился — почему она пришла раньше меня? На часах было начало одиннадцатого, а она работала танцовщицей в ночном клубе и приходила домой около часа ночи. Я постучал в дверь ванной, но ответом мне была тишина. Оказалось, что дверь открыта. А дальше вы знаете.

Адам кивнул, не поднимая глаз.

— Тогда я подумал — мне это снится. Я проснусь, и я могу потерять все деньги, мой дом может сгореть, меня могут уволить с работы, но она проснется рядом и скажет: «Почему вы просыпаетесь позже меня, доктор? И почему вы до сих пор не готовы к утреннему сеансу психоанализа?», подразумевая совсем не психоанализ. Я стоял в дверях ванной, пытаюсь осознать, что произошло. Я мог ей помочь, нужно было проверить, дышит ли она, попытаться нащупать пульс, сделать хотя бы что-нибудь. Но я этого не сделал. Я повернулся и вышел из квартиры. Я до сих пор вижу это будто со стороны: ночь, мокрый асфальт, ветер, дождь прямо в лицо... а я иду черт знает куда только для того, чтобы идти и не останавливаться. Прихожу на вокзал. Покупаю билет. Сажусь на поезд. И еду туда, куда глаза глядят. Выхожу на случайной станции. Там тоже ночь, правда, нет дождя, хотя довольно прохладно, и я начинаю замерзать, потому что надел плащ, но шарфа не взял. Ухожу с

вокзала. Брожу по городу без цели. Час, может, два. В какой-то момент меня уже не держат ноги, и я отправляюсь на поиски отеля. Нахожу отель, снимаю номер. Ложусь спать. Просыпаюсь около полудня и снова пытаюсь осмыслить то, что случилось. И понимаю, что вряд ли получится. — Вивиан закурил в очередной раз. — Вот так я оказался в этом городе, Адам. И все, что у меня было с собой — эта шкатулка и фотография. Беатрис любила фотографировать, купила зеркальный фотоаппарат и сделала несколько снимков. На одном из этих снимков — я, у себя дома. Она отпечатала эту фотографию, а потом прислала мне. Она любила посылать письма по обычной почте. Вы видели эту фотографию на моем письменном столе в больнице. Та, где я с бокалом вина у камина.

Вивиан поднялся, подошел к окну и посмотрел на небо.

— Дождь льет и льет, — сказал он. — Надеюсь, Дита не гуляет по улице.

— Она сказала, что идет по делам.

— Мы повздорили. Мне следовало попросить прощения.

— Вы ее... любите?

Доктор Мори снова занял свое кресло.

— Любовь делает людей эгоистами, Адам. Они хотят, чтобы объект их страсти принадлежал только им. Но в этой жизни нет ни одной вещи, которая бы нам принадлежала. И уж тем более человека, который бы нам принадлежал. Когда мы уйдем отсюда, когда кто-то наверху решит, что мы отжили жалкие несколько десятков лет, с собой мы ничего не возьмем. Так зачем желать чего-то постоянного? Зачем привязываться к одной женщине или к одному мужчине? И, самое главное, зачем требовать привязанности в ответ?

— Да, но вы четыре года живете под одной крышей и спите в одной постели. Только потому, что у вас бывает головокружительный секс?

— А если я скажу вам, что нам нравится делать друг друга несчастными, что вы ответите?

Некоторое время Адам молчал, разглядывая янтарную жидкость в бутылке.

— Вы говорите, что я боюсь делать то, что мне нравится, доктор, — произнес он. — А вы боитесь говорить себе правду.

— В ваших словах есть рациональное звено, мой друг. Но эта правда не сделает меня счастливым. Помните? Я всегда кусаю себя за хвост.

— Вы до сих пор думаете о том, что произошло тогда в Париже. И чувствуете себя виноватым.

— Вы правы.

Адам задумчиво потрепал волосы ладонью и не нашелся с ответом. Доктор Мори посмотрел на него и улыбнулся.

— Давайте поговорим о хорошем. Вы пойдете на бал?

— Да. В последнее время я редко выходил из дома. Но теперь книга закончена, я могу позволить себе развеяться.

— Дита уже замучила меня с вопросами, что бы ей такого надеть. Кстати, вы знаете, что она начала работать над сценарием? Пока что это не ее сценарий, она переделывает роман. Но, думаю, придет очередь и ее личного творчества.

Адам поднял на него глаза.

— Впервые слышу об этом.

— Ну, тогда она сама расскажет вам подробности. И о сценарии, и о самом фильме.

— Вы заинтриговали меня, доктор.

— Это и было моей целью. — Вивиан поднял рюмку. — За новые начинания, мой друг.
И за то, чтобы мы чаще прислушивались к нашим желаниям.

Глава седьмая

— Вот документы, доктор. Обход закончен, больные получили лекарства...

— Пациенты, а не больные.

Медсестра прижала к груди папку и посмотрела на Вивиана, сидевшего за столом дежурного врача. Он поднял на нее глаза.

— Да, Мари. Пациенты, а не больные.

— Простите. Я помню... вам нужно помочь с бумагами, или вы справитесь сами?

Молодой врач, занимавший кресло в углу кабинета, недвусмысленно кашлянул, напоминая о своем присутствии, и Мари бросила на него испуганный взгляд.

— Доктор Кросс... я вас не заметила.

— Да уж, я очень незаметный, — проворчал он. — А мне с бумагами вы не хотите помочь? Или это особая услуга для доктора Мори? Нужно проработать тут определенное количество времени для того, чтобы мне предлагали помощь?

— Ну почему же, — потупилась медсестра. — Я с радостью помогу вам... с бумагами.

— Вы свободны, Мари, — вышел из положения Вивиан. — Доктор Миллер придет минут через сорок, и я тоже отправлюсь домой.

Она с готовностью закивала и, положив документы на стол, оставила кабинет.

Вивиан снова взял медицинский журнал и углубился в чтение научной статьи. Молодой врач отложил книгу, которую держал в руках.

— Они могут не делать этого хотя бы в моем присутствии? — спросил он.

— Это вопрос не ко мне, мой друг, — ответил Вивиан, не отрываясь от журнала.

— Иногда у меня такое ощущение, что у тебя на лбу написано: алло, дамы! Мимо меня ни одна из вас не пройдет!

— Судя по твоим разговорам, Эрик, все двести латинских терминов ты уже выучил назубок?

Врач недовольно фыркнул и уткнулся в книгу.

— А ты, судя по всему, уже подготовил мою аттестацию? — задал он ответный вопрос.

— Не торопи события. У меня есть целый месяц.

— Ты мог хотя бы одним глазком просмотреть материалы. Тебе что, трудно?

Вивиан перевернул страницу и взял со стола ручку и лист для записок.

— Я подробно изучил материалы. Именно поэтому ты вместо того, чтобы помогать мне и наблюдать за тем, как работают врачи в приемном покое, учишь латынь.

— У меня все в порядке с латынью!

— Что-то подсказывает мне, что повторение не ухудшит твою память.

— Уж лучше бы я в свое время решил, что хочу работать с доктором Миллером, а не с тобой!

— Но зато как редко ты бы видел рядом с собой красивых женщин.

— Рядом с собой я до сих пор их вижу редко. А вот рядом с тобой — постоянно!

Вивиан не отреагировал на последнюю реплику и, сняв с ручки колпачок, написал на листе для записок пару слов.

Интерн скорчил недовольную мину, перед этим убедившись, что доктор Мори увлечен статьей, отложил книгу и посмотрел в направлении служебного помещения, отделенного от кабинета дверью из прозрачного стекла.

— Кто это там? — в очередной раз заговорил он. — На доктора Миллера не похоже. Вивиан поднял глаза.

— Если мои глаза не обманывают меня, это доктор Гентингтон. Что она делает здесь в такой час? Надо ей сказать, что мы умираем от скуки. Помощь нам не нужна, но компания не помешала бы. Особенно ее компания.

— Вот, об этом я и говорил! — торжествуя поднял палец молодой врач. — Как только ты появляешься здесь, сюда приходит весь женский персонал больницы! Включая... — Он осекся, и, как могло показаться, смутился. — Включая доктора Гентингтон!

— Почему ты решил, что она пришла ко мне?

Интерн смотрел на то, как доктор Гентингтон снимает белый халат и вместо него надевает зеленый халат дежурного врача приемного покоя.

— Она ведь меня даже не знает, — попробовал возразить он.

— Лично пока что не знает. Но решила исправить эту досадную оплошность и пришла познакомиться. Если ты хочешь узнать мое мнение, это не самый худший, а как по мне, так один из самых лучших вариантов. Рыжеволосая зеленоглазая красавица, скрывающая более чем выдающиеся внешние данные под скромной одеждой, которая много работает и страдает от того, что ей не хватает внимания мужа. Твой профессор написал в рекомендации, что у тебя нераскрытый талант диагноста. Учись применять его не только в связи с работой.

Доктор Гентингтон застегнула пуговицы халата, глядя в зеркало, после чего распустила пышные рыжие волосы и вновь принялась собирать их в строгую прическу.

— Если честно, — заговорил молодой врач, — я бы взял ее за волосы, поставил бы на четвереньки и не слезал бы с нее до самого утра.

— Эрик! — Доктор Мори брезгливо поморщился. — Кто тебя научил говорить такие мерзости?

— Уж точно не ты. Потому что ты предпочитаешь делать мерзости, а не говорить о них! Это твоя отличительная черта.

— Воздержись от подобных комментариев, даже если рядом нет дамы.

Интерн в очередной раз сделал недовольное лицо, на этот раз так, чтобы собеседник это заметил, и уткнулся в книгу.

Доктор Гентингтон вошла в кабинет и оглядела присутствующих. Взгляд ее скользнул по молодому врачу и остановился на Вивиане.

— Доктор Мори, — сказала она. — Разве это не дежурство доктора Миллера?

— Это было дежурством доктора Миллера до того момента, как он попросил его заменить. А что здесь делаете вы? Он должен был, в свою очередь, заменить меня. То есть, он должен дежурить сейчас. Вместо вас.

Доктор Гентингтон положила на стол принесенные документы.

— Похоже, доктор Миллер счастливо избежал еще одного ночного дежурства.

Интерн на секунду поднял глаза на женщину и снова сделал вид, что увлечен чтением.

— Знакомьтесь, — заговорил Вивиан. — Доктор Анжелика Гентингтон, руководитель отделения кардиологии. А это мой подопечный, доктор Эрик Кросс. Обратите внимание, как усердно он изучает латынь! Могли ли вы похвастаться такой страстью к этому языку в университетские годы? Даже я не мог, несмотря на мой отличный диплом.

— Приятно познакомиться, доктор Кросс.

Молодой врач поднялся.

— Пойду выпью кофе, — сказал он и посмотрел на Вивиана. — Хорошего вам дежурства, доктор Гентингтон, — добавил он, повернувшись к Анжелике.

— Спасибо, — ответила она. — Спокойной ночи.

Вивиан проводил интерна взглядом и отложил журнал.

— Вы прекрасно выглядите, — сказал он. — Женщина, которая умудряется выглядеть хорошо даже в форме парамедика — это особенная женщина. Знает ли ваш муж, как ему повезло?

— Вы заставляете меня краснеть, доктор Мори, — заметила Анжелика, занимая то кресло, где несколько секунд до этого сидел Эрик.

— Так что вы здесь делаете? И почему доктор Миллер в очередной раз пользуется добротой коллег? Если я не ошибаюсь, это ваше третье ночное дежурство на этой неделе.

— То же самое я могу сказать и о вас.

Вивиан пару раз кивнул, соглашаясь.

— Вы правы. Но мы работаем вместе не один год, и вы, наверное, уже заметили, что я часто беру ночные дежурства. А вам полагается одно дежурство в неделю. Как замужней женщине.

Анжелика предпочла не реагировать на эти слова. Она наклонила голову и помассировала шею.

— Ужасно себя чувствую, — поделилась она. — Уже пару дней болит горло, а сегодня еще и температура... только подумаю об этом дежурстве, сразу делается тошно.

— Разрешите?

Первой реакцией Анжелики было вежливо отстраниться, но она позволила Вивиану коснуться пальцами ее лба.

— Похоже, вы действительно приболели. Я не могу позволить вам оставаться тут в таком состоянии, да еще и ночью. Я позвоню профессору Монтгомери. Он решит, кто будет дежурить вместо вас.

— С какой стати вы принимаете за меня решения, доктор Мори? Отправляйтесь домой. А если вы хотите мне помочь, то будьте так добры — я хочу горячий чай с медом. Доктор Мори! — Она возмущенно посмотрела на Вивиана, который поднимал трубку служебного телефона. — Вы слышали, что я вам сказала?

Он поднес трубку к уху и набрал номер.

— Конечно, доктор Гентингтон. Я всегда внимательно слушаю то, что говорит мне собеседник. И особенно если этот собеседник — дама. Профессор Монтгомери? — переключился Вивиан на разговор с человеком на другом конце провода. — Добрый вечер. Это доктор Мори. Извините, что беспокою вас в такой час. Нет-нет, ничего не случилось. Доктору Гентингтон нездоровится, и я хотел спросить у вас, кто может ее заменить. Нет, доктора Миллера я не видел. Доктор Ковальский? Разумеется. Да, буду признателен, если вы позвоните ему. Да, я отлично себя чувствую. А вот доктору Гентингтон не помешало бы отдохнуть. Спокойной вам ночи.

Анжелика откинулась в кресле и скрестила руки на груди.

— Вы упрямее самого упрямого осла, — сказала она. — Как вас терпит ваша женщина?

Вивиан вернул трубку телефона на место.

— Я забочусь о вашем самочувствии, только и всего.

— Мне уже не пятнадцать лет, я в состоянии позаботиться о себе самостоятельно!

— О женщинах нужно заботиться, доктор. На то они и женщины. Вы любите сладкий чай или же положить только мед?

Анжелика повернулась к окну.

— Только мед. Две ложки. И не доставайте пакетик, пожалуйста.

Вивиан открыл один из шкафов и достал оттуда небольшую коробку с чаем.

— Итак, судя по тому, что вы проигнорировали мою реплику о количестве дежурств, у вас что-то неладно дома, — заговорил он.

— Это не должно вас волновать, доктор Мори.

— Вы знаете, что мы заболеваем из-за личных проблем?

— Я простудилась потому, что промочила ноги. Моя личная жизнь не имеет к этому отношения.

Вивиан открыл баночку с медом.

— Вы испытываете неудовлетворенность во всем, что касается личной жизни, — произнес он — не нравоучительно, а спокойно, будто констатируя научный факт. — И пытаетесь вылечить эту неудовлетворенность работой, но от этого вам только хуже.

Анжелика в очередной раз посмотрела на него.

— Доктор Мори, мне не нужны советы психоаналитика.

— Вы много работаете, редко видите своего мужа и почти с ним не общаетесь. Это отрицательно влияет на ваш брак.

— И что же вы предлагаете?

— Во-первых, я бы предложил вам отказаться от ночных дежурств. Во-вторых, я бы предложил вам разнообразить личную жизнь. Посмотрите, теперь тут прозрачные чашки! Какая замечательная идея. Прошу вас.

Анжелика взяла чашку с чаем.

— Что вы подразумеваете под фразой «разнообразить личную жизнь»?

— Вы с Джеральдом — абсолютно разные люди. Он много чего повидал и попробовал, и его вряд ли можно чем-то удивить. Ваш случай являет собой полную противоположность. Но в этом нет ничего плохого. Как я понимаю, он ваш первый мужчина? Первый и единственный на сегодняшний день?

Анжелика поддела пальцем висевшую на ее шее золотую цепочку с крестиком.

— На сегодняшний день, доктор Мори? — переспросила она.

— Да. Мы ведь не знаем, что случится завтра или послезавтра, даже если уверены в непоколебимости наших моральных принципов. Почему бы вам не попробовать что-нибудь новое? В вашем случае пробовать можно бесконечно — есть масса вещей, о которых вы и понятия не имеете.

— Джеральд достаточно уважает меня для того, чтобы понимать и принимать мои взгляды.

— Он понимает и принимает их до тех пор, пока чаша его терпения не переполнится, доктор Гентингтон. Не подумайте, что я осуждаю ваши жизненные устои, пусть и не принимаю их, потому что они мне чужды. Давайте посмотрим на это с другой стороны. Ваша вера не запрещает вам исследовать мир. И уж тем более не запрещает вам быть счастливой. А также получать удовольствие от жизни в общем и от секса в частности. Иначе это совсем глупая и лишняя вера — зачем человеку верить во что-то, что делает его несчастным?

Анжелика сделала глоток и обхватила чашку руками, согревая ладони.

— Если бы у меня спросили, как должен выглядеть, говорить и мыслить Дьявол, доктор Мори, то я предложила бы вашу кандидатуру.

— Разве я сказал что-то дьявольское?

— Нет, не сказали. Но в том, как вы это преподнесли, что-то дьявольское определенно присутствовало.

— Пожалуй, я приму это за комплимент.

Вивиан поставил на стол свою чашку с кофе.

— Нас с Афродитой пригласили на костюмированный бал в субботу. Насколько я знаю, ваш муж тоже там будет. Вы составите ему компанию?

Анжелика удостоила его надменным взглядом.

— Если, конечно, к тому времени вы будете лучше себя чувствовать, — добавил он поспешно.

— Я подумаю над вашим предложением, доктор Мори. Сначала мне нужно переварить то, что вы мне сказали сейчас.

Сотовый телефон Вивиана, лежавший на столе между бумаг, напомнил о своем присутствии негромкой трелью. Он взял аппарат, бросил взгляд на определитель и ответил на звонок.

— Да?

— В холодильнике полно еды, а ты ни к чему не притронулся? Ты опять ешь всякую гадость?

Пауза затягивалась, и Афродита на другом конце провода не торопилась нарушать молчание.

— Я много работал, дорогая. Домой приходил только для того, чтобы спать.

— Это оправдание уже устарело. Пожалуйста, приезжай.

***

На Афродите было длинное шелковое платье кремового цвета с глубоким декольте и открытой спиной. Она открыла дверь и посторонилась, пропуская Вивиана в квартиру.

— Тебе пришло несколько писем, — сказала она. — Судя по всему, это счета. И там есть еще одно — от одного из твоих парижских друзей. Я нашла твой нож для писем. Он был на столе в гостиной. Вещи не теряются, если класть их на место.

Вивиан снял плащ.

— Когда ты вернулась? — спросил он.

— Пару часов назад. Этого времени мне хватило для того, чтобы принять душ. А также для того, чтобы убедиться, что ты ничего не ел. Если тебе не будут накрывать на стол, ты умрешь от голода?

— Я хотел попросить прощения. Я не очень красиво с тобой разговаривал.

— Да, ты часто грешишь подобным.

— И еще я хотел сказать, что соскучился.

Афродита приподнялась на носки и уткнулась носом в его шею.

— От тебя пахнет только «Армани», от которого сходит с ума каждая встречающая женщина. Но женщиной от тебя не пахнет. Ты соскучился по мне? Или просто соскучился?

— Обычно я использую точные формулировки.

Она взяла его за руку.

— Пойдем. Я кое-что принесла. Надеюсь, ты оценишь.

***

Большие цифры электронных часов на тумбочке у кровати сообщали, что сейчас начало четвертого утра. Из приоткрытого окна доносился шум дождя, и комнату наполняла ночная свежесть.

— Ты сегодня явно в духе, — заговорила Афродита, сворачивая очередную порцию принесенной «травы». — Откуда у тебя берутся силы после двадцати часов работы?

— Пусть это будет моим маленьким секретом.

Вивиан щелкнул зажигалкой и осторожно затянулся.

— Не знаю, что ты принесла, — прокомментировал он, — но такого я не курил как минимум года два.

— Я же сказала, что тебе понравится. — Афродита наклонилась к его руке и тоже сделала затяжку. — Когда-нибудь мы вырастем, и больше не будем курить «траву».

— Конечно, вырастем. Все когда-нибудь вырастают. Но не думаю, что это случится скоро.

Она помолчала.

— Я решила, что тебя создали для секса, — объявила она серьезно. — Есть люди, которых создали для того, чтобы они были актерами, писателями, художниками. Есть люди, которых создали для того, чтобы они вдохновляли. А тебя создали для секса. Если бы мне не нужно было уходить по делам, я бы занималась с тобой любовью двадцать четыре часа в сутки. Только не думай о себе слишком много, есть много мужчин, которые в постели лучше тебя. Но с тобой это... иначе. Все те мужчины одноразовые. Максимум раза на два или три. А с тобой можно заниматься любовью постоянно, и не надоест. Завтра ты работаешь?

— Нет. Разве что пара дел, связанных с психоаналитической практикой, но это не требует моего присутствия.

— Значит, завтра мы будем заниматься любовью весь день.

— Если я не ошибаюсь, завтра у тебя первые пары в университете? Семинар господина Фельдмана?

Афродита сделала еще пару затяжек и посмотрела на то, как дым медленно растворяется в воздухе.

— О, черт. Ты прав. И спать мне осталось всего ничего. Ну ладно. Я отлично выгляжу, даже если не сплю ночью.

Вивиан погладил ее по волосам.

— Знаешь, в такие моменты мне в голову приходит глупая мысль. Мне хочется сказать тебе, что я люблю тебя.

— После хорошего секса всегда хочется сказать тому, с кем ты спал, что ты его любишь.

— Я не имею в виду секс. Просто я думал... пытался охарактеризовать наши отношения. Мы не просто друзья, не просто любовники... а кто же мы тогда?

Афродита взяла пепельницу и стряхнула в нее пепел.

— Зачем тебе это знать?

— Почему ты живешь именно со мной?

Она задумалась, рассеянно потрепав волосы.

— Ты умный, — начала она. — У тебя много денег. Тебя не волнует мнение окружающих. Ты приятный собеседник. Хороший любовник. Можешь дать совет. Можешь по достоинству оценить то, что я делаю, а можешь и покритиковать, если это нужно. А еще я очень люблю твое тело. — Она поцеловала его в шею. — Это достаточно полный список?

— Адам спросил у меня, люблю ли я тебя. И я поймал себя на мысли, что не могу

ответить на этот вопрос.

— Тебя так пугает тот факт, что ты кого-то любишь? Кроме себя?

— Ладно. Пустое.

Афродита положила голову ему на плечо и прикрыла глаза.

— Нам пора спать, — сказала она. — Кстати, я еще не говорила, что готовлю подарок на твой день рождения?

— Судя по тому, что ты готовишь его за три месяца, это стоящий подарок.

— Он тебе понравится. А через пару дней я покажу тебе, что я написала. Это тебе тоже понравится.

— А Адаму ты это уже показывала?

— Пока что нет. — Афродита подняла голову и улыбнулась. — Пока что он этого не заслужил.

Глава восьмая

Адам часто слышал, как люди говорят: удача передается по наследству. Если ваши родители были успешными людьми, вас ожидает то же самое. Он верил в это довольно долго. Ну, а потом, как водится, убедился, что это ложь.

Джейкоб Фельдман, отец Адама, заработал свои первые деньги в шестнадцать лет. Впрочем, ему не было смысла перенапрягаться — он родился в богатой семье, и при желании мог присоединиться к делу отца. На двадцать первый день рождения Джейкобу подарили место на бирже, и с того момента дорога к успеху была выстлана красным ковром. От отца ему передался и талант бизнесмена, и умение тратить деньги с умом, и звериное чутье, связанное с риском в финансовых махинациях. К двадцати пяти годам, когда Джейкоб Фельдман женился на Рэйчел Коэн, матери Адама, состояние его насчитывало два миллиона долларов.

Адаму, единственному ребенку в семье и наследнику, отец с детства навязывал мысль о финансовой карьере. У мальчика были способности к математике, но гораздо больше он любил языки и литературу. Джейкоб Фельдман смотрел на своего сына и понимал, что тот вряд ли станет экономистом или бизнесменом. И Адам это тоже понимал. Он ненавидел задачи по математике, любил читать книги и гулял в одиночестве по вечерам. И думал о том, что ему хочется быть не бизнесменом, а писателем.

Учителя литературы не уставали повторять, что у Адама есть талант, и этот талант нельзя зарывать в землю. Он выигрывал литературные конкурсы, причем делал это так легко, будто конкурентов у него не было. Его сочинения зачитывали перед всем классом. Порой Адам на скучных уроках математики вместо того, чтобы решать уравнения, доставал свой блокнот и писал свой первый роман. Пока что нескладный, без смысла и сюжета, но тогда ему казалось, что он гениален.

Когда Адаму исполнилось восемнадцать, Джейкоб Фельдман поставил вопрос ребром.

— Ты собираешься получать профессию, Адам? — спросил он.

— Если честно, не вижу в этом смысла, папа, — ответил тот.

— В нашей семье не было ни одного человека без высшего образования. И ты не станешь исключением.

— Хорошо, папа. Тогда я буду лингвистом, — заявил будущий писатель Адам Фельдман. Он и сам не понимал, зачем выбрал эту профессию. Скорее всего, потому, что она на тот момент казалась ему ступенькой на пути к исполнению мечты.

В холодной туманной Англии Адам понял, что между успехами на школьных конкурсах и написанием книг находится огромная пропасть, которую не так-то легко перепрыгнуть. Он написал первый серьезный роман и отослал его во все издательства, адреса которых сумел найти. Половина издательств отмолчалась, вторая половина ответила вежливым отказом, и только в паре писем говорилось о том, что он выбрал «не совсем подходящую тематику». Психологическая проза была специфическим жанром. Особенно если учесть, что в его случае это была, скорее, эротическая проза.

Может, Адаму Фельдману не доставало деловой хватки или умения считать деньги (он привык к тому, что они у него были всегда), но он никогда не сдавался после первой неудачи. Воспитание отца сыграло свою роль, а остальное завершило знакомство с Джеральдом Гентингтоном, которому, как до сих пор полагал Адам, он был обязан началу

своей писательской карьеры.

Джеральд Гентингтон был старше его на три года. К тому времени он уже имел диплом магистра психологии, а в университете изучал историю. Джеральд очаровывал любого человека, с которым успевал перекинуться парой слов, друзья носили его на руках. Все, за что он брался, получалось у него так хорошо, будто он занимался этим всю жизнь. Джеральд отлично учился, сдавая сессии досрочно, успевал работать, устраивал домашние вечеринки, каждую неделю заводил новый роман, был поклонником творчества Феллини, слушал Элтона Джона и Оззи Осборна (тот, кто не понимал, как все это можно связать вместе, просто не был с ним знаком). А еще Джеральд был издающимся писателем. На момент их с Адамом знакомства он успел написать две книги и работал над третьей.

«Золотой мальчик» — так называли Джеральда Гентингтона. Куда бы он ни повернул, госпожа Удача смотрела ему в глаза и будто бы подсказывала верные ходы. У него были друзья, у него были женщины, были деньги и был успех. При этом никто не упрекнул бы его в том, что он слишком много о себе думает. Может, конечно, думал он о себе много — Адаму пару раз приходила в голову подобная мысль. Но именно Джеральд Гентингтон в свое время помог Адаму — осознанно или неосознанно — отвлечься от мыслей о своей неудаче и продолжить работу. Адам был уверен — его время рано или поздно придет. Правда, время почему-то не торопилось.

После окончания университета на счету Адама Фельдмана было два неопубликованных романа и несколько писем из издательств по поводу обеих рукописей, и содержание этих писем ободряющим или внушающим надежду можно было назвать с натяжкой. Эти рукописи он привез с собой, вернувшись в Мирквуд. Сразу по возвращении он отправился в первый попавшийся бар, потому что больше всего на свете ему хотелось выпить до беспамятства. В этом баре он встретил человека, которому было суждено изменить его судьбу: литературного агента Чарльза Салливана, внештатного сотрудника издательства «Мирквуд Таймс».

Адам по сей день не имел понятия, каким образом рукопись его второго романа оказалась у Чарли, но факт оставался фактом: в тот вечер литературный агент ушел из бара, держа в руках аккуратно переплетенную папку отпечатанных листов. Через неделю он позвонил Адаму и со свойственной ему «деликатностью» сообщил:

— Фельдман, вы вообще понимаете, что написали? Вы не могли сразу прислать эту рукопись мне?!

Пока Адам размышлял над ответом, Чарльз продолжил:

— Я хотел бы встретиться с вами. Нам нужно обсудить условия контракта.

— Условия контракта?!

— А вы хотите подарить свою книгу издательству «Мирквуд Таймс», не получив за нее ни цента? Скоро ваше имя будет стоить не одну тысячу долларов.

Когда Адам впервые увидел книгу «Прозрачный гранит» на витрине книжного магазина («Дебют писателя Адама Фельдмана», гордо сообщалось на обратной стороне обложки) рядом с новой книгой Джеральда Гентингтона «Остров забытых желаний», то сначала не поверил, что это происходит на самом деле. В тот момент он, разумеется, не думал о том, что его первая рукопись будет издана уже через полгода. И уж точно не думал о том, что через несколько лет на его счету будет уже шесть изданных книг.

***

У доктора Мори и Джеральда было много общего. Почему-то именно эта мысль пришла

в голову Адаму, когда он бродил по огромному залу в толпе разодетых в костюмы людей и не знал, чем заняться. Вивиан был интеллигентной, уравновешенной и утонченной копией Джеральда. В Джеральде Адаму больше всего нравилась жизнерадостность, пусть у того иногда и случались приступы острого цинизма и меланхолии. А в докторе Мори жизнерадостности он не замечал. Доктор любил жизнь, но какой-то особой любовью, в которой любовь была, а вот радости не было. Он относился к жизни так же, как к своим научным работам: изучал, с прохладным любопытством и рассудительностью пробовал на зуб и принимал, если ему это нравилось, или оставлял позади, если это его не устраивало. Адам думал о том, что доктор Мори и Джеральд могли подружиться, но близкими друзьями никогда не стали бы. Джеральд, несмотря на маску уверенного в себе человека, боялся встретить кого-то, кто каким-то образом на него повлияет и заставит измениться. И Вивиан мог стать таким человеком. А Джеральд почувствовал бы это сразу.

Ни одного из присутствующих Адам не знал. Ни лично, ни в лицо — по крайней мере, за те полчаса, которые он провел, исследуя зал и пробуя еду, ни одного знакомого он не встретил. И он не мог понять, почему чувствует себя неуютно — по причине такого количества незнакомцев вокруг или же по причине того, что незнакомцы эти были в костюмах. Лица части из них скрывали маски, так что понять, кто является знакомым, а кто нет, было проблематично. Адам не замечал за собой особой скромности, обычно он быстро находил общий язык с окружающими и отлично вписывался в любую компанию, но этот вечер являлся исключением из правил. После пары бокалов шампанского ощущение легкой скованности даже не думало исчезать.

Костюму Адам предпочел классический фрак, и, наверное, выглядел белой вороной. Впрочем, незнакомцы были другого мнения. Они проходили рядом с Адамом, кивали ему, здоровались, спрашивали, как дела. Адам курил вторую сигарету за полчаса, размышляя над тем, можно ли стряхивать пепел на пол, и продолжал изучать толпу на предмет знакомых лиц (или, если принимать во внимание странный вид гостей, скорее, фигур).

— Господин Фельдман! Наконец-то я вас нашел.

Доктор Мори в костюме Призрака Оперы смотрелся хорошо — как подумал Адам, даже лучше, чем в костюме старомодного покроя на презентации его книги, в тот день, когда они решили проехаться за городом. Маску он держал в руке, и создавалось впечатление, будто он минут пять назад выступал на сцене, а теперь вышел передохнуть во время антракта. И, как и полагается, рядом с Призраком Оперы была Кристин — впервые за все время их знакомства с Вивианом Адам увидел Афродиту и доктора вдвоем на публике. Афродита в роли Кристин тоже выглядела замечательно — на ней было длинное белое платье из легкого шифона в несколько слоев, довольно-таки скромное и уж слишком романтическое для нее, но образ был прочувствован идеально.

— Где же ваш костюм, господин Фельдман? — спросила Афродита.

— К сожалению, я не смог придумать ничего стоящего.

— Как по мне, вам пошла бы форма. Что вы думаете насчет красивого мундира? Белый с золотом? Хотя смокинг вам тоже к лицу. Правда, Вивиан?

Доктор Мори, похоже, ее обращения не услышал — он общался с подошедшим к нему мужчиной в костюме римского легионера.

— Приятно видеть вас снова, — сказал мужчина. — Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

— Разве можно чувствовать себя плохо, когда вечер только начался?

Мужчина с улыбкой кивнул.

— Да, судя по всему, чувствуете вы себя превосходно. Почему вы не пьете? Вы за рулем?

— Мы только что пришли. Я собираюсь за сорок минут, но разве вы не знаете, сколько времени на то, чтобы собраться, требуется женщинам?

— Полагаю, те же сорок минут, только женские. То есть, пара часов. Я могу предложить вам бокал шампанского?

— Я не отказался бы от рюмки коньяка.

Мужчина подозвал официанта.

— Будьте добры, принесите доктору рюмку коньяка.

Официант кивнул и отправился выполнять заказ.

— Как поживают ваши кошмары? — осведомился Вивиан. — В прошлый раз вы говорили мне, что они стали навещать вас реже.

— Да, но теперь они просто ужасны. Мало того — в них еще есть и эротический подтекст...

— Вы записываете свои сны?

— Да, конечно... — Мужчина отвел глаза, и на несколько секунд на его лице появилось отсутствующее выражение. — Если честно, меня злит это занятие.

— Давайте обсудим это во время нашей следующей встречи, — предложил Вивиан, принимая у официанта коньяк. — Ваше здоровье. Вечеринки — это отличная идея.

Мужчина сделал глоток шампанского, бокал с которым он держал в руках.

— Если бы не вы, доктор, мы бы вряд ли собрались здесь.

— Не преувеличивайте, Патрик. Я просто скромный гость.

— Готов поставить свой последний доллар на то, что больше половины гостей с вами не согласится.

— Готов поставить свой последний цент на то, что путь до вашего последнего доллара долог.

Мужчина весело рассмеялся.

— Кстати, позвольте мне представить вам Адама Фельдмана. Вы ведь не знакомы?

Адам вежливо улыбнулся.

— Адам Фельдман? — Патрик удивленно поднял бровь. — Какой сюрприз! Я ваш преданный читатель. И последняя книга чудесна. Я не попал на презентацию, о чем очень жалею... ах, я не представился. Патрик Мэйсон. — Он улыбнулся. — Вы, наверное, обо мне тоже слышали.

— Разумеется. Мое почтение, господин Мэйсон.

Патрик Мэйсон был коллегой отца Адама, в прошлом — его компаньоном. Один из самых богатых людей города, он занимал руководящий пост в «Мирквуд Банк» и являлся одним из держателей основного пакета акций вышеупомянутого учреждения. А также был крупным меценатом и любителем искусства — он открыл в городе две галереи, в одной из которых выставлялись признанные мастера, а в другой проходили выставки начинающих фотографов. Если верить слухам, Патрик Мэйсон за свои сорок пять успел трижды жениться и развестись, а также сделать шестерых детей.

— Вы тоже пациент доктора? — задал очередной вопрос господин Мэйсон.

— Я? — Адам растерялся, услышав этот вопрос — его привело в замешательство слово «тоже», а не «пациент». — По правде сказать... нет.

— Это мой хороший друг, — вышел из положения доктор Мори и прибавил после паузы: — Пока что он не торопится в пациенты.

Афродита картинно зевнула и чуть крепче сжала руку Вивиана.

— Госпожа Вайс, сегодня вы великолепны, — сообщил ей Патрик, от которого не ускользнуло маленькое представление.

— Благодарю вас, господин Мэйсон.

— Когда мы увидим вас на экране? Ваши поклонники ждут, но их терпение может закончиться.

— Совсем скоро.

— Я не буду вам мешать, друзья. Развлекайтесь. Чувствуйте себя, как дома.

Афродита посмотрела вслед уходящему Патрику.

— Он скучный сноб, — сообщила она Вивиану.

— Похоже, Кларисса так не думает.

— Какая Кларисса?

— Та самая, что играет твою сестру в новом фильме.

Афродита нахмурилась и перевела взгляд на него.

— Я думал, ты в курсе, что у них роман.

— Вот стерва! Она пару дней назад говорила мне, что он — последний мужчина, с которым она будет встречаться!

— Похоже, твоя подруга тебе не доверяет, дорогая.

Афродита взяла у официанта бокал с шампанским.

— Боится конкуренции.

Адам, который до этого молчал, переваривая происходящее, посмотрел на доктора Мори.

— Патрик Мэйсон — ваш пациент? — спросил он.

— Рака у него нет, если вы об этом. Зато есть целый ворох личных проблем, и еще его регулярно навещают кошмары. Мы встречаемся раз в неделю. Обсуждаем его сны и эротические фантазии.

— Так вы все же занимаетесь психоаналитической практикой?

— А вы думали, что я покупаю редкие книги, обувь за шестьсот долларов и езжу на последней модели «БМВ» на зарплату обыкновенного врача?

Афродита посмотрела на Адама и пригубила бокал с шампанским.

— Не забудьте и про мою одежду, а также про мою машину и про мой университет, господин Фельдман, — сказала она.

— Вы принимаете пациентов дома?

— Нет, — ответил Вивиан. — У меня есть клиника. Но я не рекламирую себя в качестве психоаналитика. У меня особые клиенты.

— Особые клиенты?

— Скажем так — влиятельные люди, которые предпочитают дискретность. Их много, как вы успели заметить.

И он обвел рукой зал.

— Все эти люди — ваши пациенты? — спросил Адам недоверчиво.

— Две трети.

Адам помолчал, изучая толпу гостей.

— А... зачем же вы работаете в больнице? Как я понял, практика — это ваш основной

доход.

— Помимо работы в больнице и психоаналитической практики я занимаюсь научной работой и читаю лекции в университете. Я профессор с двумя докторскими диссертациями. Научной работой и преподаванием я занимаюсь потому, что люблю знания и исследования. А в больнице я работаю потому, мой друг, что ваш покорный слуга принадлежит к числу тех идиотов, которые любят помогать людям.

Адам снова замолчал, не зная, как реагировать на сказанное доктором.

— Кстати, госпожа Торнворд когда-то тоже была моей пациенткой.

— Вы имеете в виду Изабель Торнворд?

— Да. Загадочная женщина... правда, я так и не понял ее до конца. Не успел. — Вивиан посмотрел на Адама. — Знаю, что вы хотите спросить. Соблазн был велик, но я устоял. Что до ее убийства: история неприятная. Даже не могу предположить, кто желал ей зла. В любом случае, сейчас вряд ли кто-нибудь сможет ответить на этот вопрос...

Джеральд и Анжелика Гентингтон появились рядом с собеседниками незаметно. Просто в какой-то момент Адам повернул голову в сторону, размышляя над очередной репликой доктора, и увидел их. Джеральд, похоже, тоже решил не морочить себе голову выдумыванием костюма и, как и его друг, предпочел смокинг. Его жена более трепетно отнеслась к своему внешнему виду: на ней было длинное платье из темно-синего бархата с открытой спиной. Скорее всего, Вивиана впечатлила именно открытая спина, а не слишком яркий для доктора Гентингтон макияж: сначала он поздоровался с Анжеликой, и уже потом обратил внимание на ее мужа.

— Вы замечательно выглядите, доктор, — сказал он ей. — Хорошо, что вы послушали меня и пришли.

— Я пришла не потому, что послушала вас, а потому, что мне захотелось прийти, — покачала головой она, возвращаясь к привычному образу Анжелики.

— Господин Гентингтон, — Вивиан кивнул Джеральду. — Я давно вас не видел. Много дел?

Джеральд пожал плечами.

— Да, жизнь не стоит на месте. Работа, интервью, поездки... Привет, Адам.

— Я хотел бы поделиться с вами кое-какими мыслями по поводу вашей новой книги. — Вивиан поднял глаза к потолку. — Но не сейчас. Мне нужно подумать. А пока позвольте процитировать вам отрывок, который произвел на меня впечатление. «А еще тут есть зеркала. Много, много зеркал. Они не такие чистые, как в моих снах. Они мутные, блеклые, чем-то напоминающие приходящие в воспоминаниях лица чужих людей, которых мы видели когда-то, а потом безуспешно пытаемся вспомнить. Они похожи на чужие глаза, взгляд которых ты так и не смог забыть. Совершенно обычные глаза, такие, которые ничем не отличаются от миллионов других глаз на улицах. Ты видишь там себя. А что еще можно увидеть в зеркале? В какой-то момент ты понимаешь, что ты больше не можешь смотреть, тебя уже выворачивает наизнанку от осознания абсурдности происходящего. Но ты все равно смотришь. Смотришь так, будто это — самое дорогое, что у тебя есть, эта искаженная картина реальности, которая, наверное, никогда реальностью и не была. Так, будто это что-то, без чего ты не сможешь дышать. Так, будто ты не сможешь жить, если это у тебя отберут. Наверное, так люди смотрят на самую сладкую в своей жизни ложь. Еще до того, как осознают, что правды не существует».

Джеральд улыбнулся и кивнул. Доктор Мори походил на ребенка, который выучил

стихотворение, и теперь ожидал заслуженную конфету.

— Замечательный отрывок, — сказал он. — Я попытался процитировать как можно более точно.

— Иногда у меня возникает чувство, что вы знаете мои книги лучше, чем я, — отшутился Джеральд.

Адам слушал разговор доктора и Джеральда, не принимая участия. Его не оставляло ощущение, что в обществе Вивиана тот вел себя иначе, не так, как всегда. Создавалось впечатление, что Джеральд его побаивался.

От размышлений Адама отвлекла прохладная ладонь, прикоснувшаяся к его руке.

— Вам не скучно слушать их треп, господин Фельдман? — осведомилась Афродита негромко.

— Хотите потанцевать?

— Хочу подышать свежим воздухом. Тут замечательный балкон. Идемте, я покажу.

В ночном воздухе можно было почувствовать едва уловимый запах мокрого асфальта — дождь закончился, и легкий шум капель сменила тишина. На балконе не было ни души — скорее всего, по причине холодной ночи. Зонты над столиками были свернуты, а стулья пустовали.

Адам и Афродита подошли к перилам балкона, и последняя посмотрела вдаль.

— Отсюда открывается прекрасный вид, — сказала она. — Я люблю ночной город. А вы?

— В такие холодные ночи я предпочитаю пить чай, сидя в любимом кресле, и читать книгу.

— Вам здесь нравится? — задала Афродита очередной вопрос.

— По правде говоря, я не до конца понял смысл этого мероприятия. Но если хорошо подумать...

— Вот видите, господин Фельдман. Мы с вами на одной волне.

Она взяла у Адама сигарету и подкурила от его зажигалки.

— Судя по всему, для большинства гостей ночь только начинается, — улыбнулся он.

— Да. — Афродита выпустила пару колечек дыма. — Однажды Вивиан рассказал Патрику об одной из их студенческих вечеринок, и тот вдохновился рассказом. С тех пор мы собираемся и приятно проводим время. Кстати, где-то здесь я видела его вторую жену. Не понимаю, зачем жениться и разводиться, если вы потом будете регулярно вместе спать.

— Вы поэтому не хотите выходить замуж за доктора?

Афродита убрала с лица прядь волос и посмотрела на него с улыбкой.

— Может быть. Вы любите гулять по карнизам?

Не дождавшись ответа, она присела на перила балкона и довольно ловко и изящно для женщины в длинном платье перебралась на другую сторону.

— Идемте, — позвала она. — Это не так страшно, как кажется.

Карниз был широким, но Адаму идея такой прогулки не нравилась. Он тоже перебрался на другую сторону балконных перил и остался стоять на месте, не решаясь продолжать идти.

— Надеюсь, ваш страх высоты сильнее вашего страха перед желаниями, — сказала Афродита, по-прежнему глядя на него. — Давайте поговорим о них... назовите хотя бы одно.

Адам смотрел, как она опускается перед ним на колени.

— Когда я успел вас заслужить?

— Я решила дать вам фору.

***

— Я рад, что вы пришли, доктор. Когда еще нам представится возможность потанцевать?

Анжелика предпочла промолчать. Она чувствовала бы себя гораздо более комфортно, если бы танец был менее откровенным, чем танго, если бы не рискнула надеть платье с таким вырезом на спине, и если бы ее партнером был муж, а не Вивиан.

— В последний раз я танцевал танго больше года назад, — продолжил он. — Говорят, что люди, которые когда-то танцевали, после длительного перерыва будут хорошо танцевать. Что тело не забывает движения. Теперь я понимаю, что это чепуха. Это как в музыке — если музыкант долго не играет, пальцы теряют чувствительность.

— Вы замечательно танцуете, доктор Мори. Чего нельзя сказать обо мне.

— Я придерживаюсь мнения, что в танце важно не только мастерство, но и желание чувствовать сам танец. И чувствовать партнера, конечно же. На мой взгляд, у танца есть много общего с сексом... вы согласны?

— Если вы не говорите о чем-то конкретном, то согласна.

— Конечно, я говорю о чем-то конкретном. Я говорю о танцах и сексе. Несмотря на то, что вы упрямо это отрицаете, наша жизнь тесно связана с сексом. Подумайте. Мы с вами коллеги, общаемся на работе, вы консультируете меня, я консультирую вас. А теперь вы — в вечернем платье, я — в костюме Призрака Оперы, и мы танцуем танго. Иногда нужно отвлекаться от того, что происходит в обычной жизни, и делать то, что мы на самом деле хотим. Как-нибудь попробуйте поставить эксперимент. Оставайтесь наедине с собой минут на пять, и спросите у себя, чего вы хотите. Вы узнаете много нового.

Анжелика подняла голову и посмотрела на него.

— Что, например?

— Если вы живете по знакомому сценарию, то жизнь ваша скучна. Мы ведь можем поговорить откровенно? Я хорошо танцую, а у вас замечательное платье, особенно если смотреть на вас сзади. И всем приятно смотреть на то, как мы танцуем, потому что мы — красивая пара. Но вместо того, чтобы мозолить всем глаза, мы могли бы найти более уединенное место и продолжить нашу дискуссию.

Вивиан обнял ее чуть крепче, и Анжелика вздохнула, но не отстранилась.

— У вас, доктор Мори, похоже, совсем нет тормозов, — сказала она тоном врача-диагноста.

— Отчего же. Есть. Просто я не пользуюсь ими без надобности.

— Вы не обидитесь, если я уведу у вас даму, доктор?

Джеральд вернул официанту пустой бокал из-под шампанского и протянул Анжелике руку. Вивиан согласно кивнул.

— Пока что это ваша дама, господин Гентингтон, — сказал он. — Так что я вряд ли могу возражать.

Подошедший Патрик Мэйсон держал в руках две рюмки с коньяком. Одну из них он протянул доктору Мори.

— Вы не скучаете? — спросил он. — Если у вас увели даму, это означает, что появился повод для поиска другой партнерши.

— Вы правы, мой друг. Как поживает Натали?

По всей вероятности, эта рюмка коньяка была не первой и даже не второй — Патрик

нахмурился и только через несколько секунд понял, что речь идет о его второй жене.

— О, замечательно, просто замечательно. — Он взял Вивиана под локоть и понизил голос. — Похоже, господин Гентингтон, несмотря на его свободные взгляды, ревностно относится к чести своей жены?

— Я тоже могу претендовать на рюмку коньяка, господин Мэйсон, или сегодня пьете только вы с доктором?

— Что вы, госпожа Вайс. Прошу вас, возьмите. Я принесу себе еще.

Афродита взяла рюмку и сделала пару больших глотков, наблюдая за уходящим Патриком.

— У меня кое-что есть. — Она показала небольшой ключ, который держала в руке. — И еще кое-что. — Она поставила коньяк на стол и, раскрыв вторую ладонь, продемонстрировала белый пакетик. — Пойдем, пока на нашем месте не оказались более шустрые гости.

***

Оказавшись в небольшой комнате на втором этаже, Афродита закрыла дверь на ключ и поставила рюмку на стол. Она смотрела на то, как Вивиан аккуратно разравнивает дорожку кокаина и достает из бумажника купюру.

— Не жадничай, — попросила она.

— Тебе на сегодня хватит. Подойди к зеркалу и посмотри на свои зрачки.

Афродита обиженно сморщила нос. Она провела пальцами по поверхности стола и подхватила оставшиеся следы белого порошка.

— Я размышляю над вопросом, как реагировать на твою выходку с Анжеликой, — сказала она.

— Если бы ты была в зале, я бы танцевал с тобой.

— Меня бы ты тоже лапал за задницу при всех?

— А я ведь сказал, что тебе хватит. Твоя и без того бурная фантазия после пары дорожек начинает свою собственную жизнь.

Афродита присела на стол.

— Хорошо, хорошо. Вы скромно танцевали танго. Правда, тебе никак не давала покоя ее голая спина. Или же отсутствие белья?

— Может, поговорим про отсутствие белья на тебе?

— Может, ты проверишь сам?

Вивиан скрестил руки на груди, посмотрел на нее и улыбнулся.

— Я знаю, тебе нравится испытывать мое терпение. Сегодня ты тоже хочешь быть чужой женщиной?

Афродита задумчиво покачала головой и снова взяла рюмку.

— Даже не знаю, — сказала она глубокомысленно. — Но это неплохая идея.

— А я хочу, чтобы ты сегодня была моей женщиной.

Она допила коньяк и вернула рюмку на стол.

— Хорошо. Только твоя женщина решила, что сегодня она будет чужой.

— Тогда нам нужно познакомиться. Тебе не кажется, что твое платье замедляет этот процесс?

— Так помоги мне его снять и не стой столбом.

Афродита повернулась к нему спиной, и Вивиан расстегнул «молнию» на ее платье.

— Интересно, Кристин тоже не носила белья? — спросил он.

— Белье носят скучные женщины. — Она чуть повернула голову к нему. — Мы будем знакомиться? Или я буду стоять так целую вечность? Мне уже холодно.

— Для чужой женщины ты ведешь себя довольно нагло.

Афродита наклонила голову вперед и убрала за ухо не собранные волосы, упавшие ей на глаза.

— Ты всегда так познакомишься с чужими женщинами? — спросила она.

— Если тебе не нравится такой сценарий первого знакомства, можно предложить другой.

— Я не сказала, что мне он не нравится. Наоборот, первое знакомство посредством анального секса открывает замечательные перспективы. — Афродита снова повернула голову к нему. — Я еще не рассказывала, чем мы занимались с Адамом?

— Нет.

— Я делала ему минет на балконе. Вообще, задумка была более интересной — сделать ему минет на карнизе... но выяснилось, что он боится высоты.

— Продолжай. Я внимательно слушаю.

Услышав тихий стук в дверь, Афродита разочарованно помотала головой.

— Кого это черт принес? — удивленно спросил Вивиан.

— Сейчас посмотрим. — Афродита направилась к двери. На ходу она обернулась и добавила, улыбнувшись: — Может, нам будет еще веселее, чем до этого?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Стоявший на пороге молодой человек в костюме Дракулы пару секунд оглядывал Афродиту расширившимися от удивления глазами, но совладал с собой и вспомнил о цели своего визита.

— Госпожа Вайс, мне нужен доктор, — сказал он.

— Мне тоже сейчас очень нужен доктор, — ответила Афродита. — Но ведь доктор не может раздвоиться, правильно?

— Вы не поняли. Мне нужна его помощь как врача.

— Вам нужно сделать искусственное дыхание рот в рот? Я четыре года живу с врачом, он научил меня оказывать первую медицинскую помощь.

— Пожалуйста, госпожа Вайс. Мне на самом деле нужна его помощь. Точнее, не мне, а женщине в зале.

Афродита положила руку на косяк.

— То есть, вы забираете у меня доктора. А что вы дадите взамен?

Молодой человек позволил себе улыбнуться.

— А что вы хотите взамен, госпожа Вайс?

— За неимением других вариантов вы можете предложить мне себя. — Афродита вспомнила про оставшийся на руках кокаин и с наслаждением облизала пальцы. — Я обещаю, мы отлично проведем время. Если не верите мне, спросите у доктора, он даст вам более объективную оценку.

— Оденся, Дита. Иначе у тебя во второй раз за этот год будет грипп.

Вивиан открыл дверь чуть шире и сделал шаг по направлению к молодому человеку.

— Что произошло? — спросил он.

— Прошу вас, доктор, идемте, — пригласил тот. — Дама внизу плохо себя чувствует.

Плохо чувствовавшей себя дамой оказалась Натали, вторая жена Патрика. Она сидела на стуле в полуобморочном состоянии. Господин Мэйсон держал ее за руку и пытался

уговорить выпить хотя бы глоток воды из стакана, который он держал в руке.

Вивиан вежливо попросил нескольких любопытных отойти в сторону и подошел к даме.

— Прошу вас, дайте мне пройти. Я врач. Что случилось?

Увидев Натали, он покачал головой.

— Ну что же, опять?

Патрик посмотрел на него.

— Что с ней? — спросил он, и в его голосе можно было различить тревожные нотки.

— А этот вопрос отчасти можно адресовать вам, мой друг. Не знаю, что вы с ней ели или пили до этого. Где ее сумочка?

— Сумочка? — Патрик огляделся и нашел то, что искал, рядом со стулом. — Вот.

Вивиан открыл сумочку и достал оттуда небольшой шприц.

— Инсулин спасает жизнь, если делать уколы вовремя, — сказал он. — А правильная диета спасает жизнь и без инсулина.

Через несколько минут после укола Натали почувствовала себя лучше, и на ее щеках снова появился румянец.

— Что бы я без вас делала, доктор? — спросила она.

— Этот вопрос меня на самом деле беспокоит, моя дорогая. Что случится, если меня не будет рядом? Вам нужно научиться делать себе уколы самостоятельно.

— Она даже доктору Гентингтон не дала к себе притронуться, — вставил Патрик. — Просила, чтобы позвали вас.

— Если вы позволили себе лишить меня удовольствия, то сейчас вы угостите кофе всех нас. Госпожа Вайс спустится через пару минут... а где же господин Фельдман? — Вивиан огляделся и, увидев Адама, помахал ему рукой. — Мы будем пить кофе. Когда-нибудь угощу вас настоящим кофе. Но это будет потом.

Окончательно сошедшая с ума погода под вечер решила отличиться в очередной раз. Тяжелые дождевые тучи сменились на белесые облачка, а минут через тридцать исчезли и они. Теперь можно было наблюдать закат без помех — умытое и довольное солнце отправлялось на покой, отбрасывая на окна домов оранжево-розовые блики.

Глава девятая

Окончательно сошедшая с ума погода под вечер решила отличиться в очередной раз. Тяжелые дождевые тучи сменились на белесые облачка, а минут через тридцать исчезли и они. Теперь можно было наблюдать закат без помех — умытое и довольное солнце отправлялось на покой, отбрасывая на окна домов оранжево-розовые блики.

Допивая свой кофе в кафетерии университета, Адам размышлял о том, что предпочтительнее: отправиться домой пешком или же заказать такси. Его машина уже неделю была в ремонте, и он не успевал забрать ее, потому что не находил ни одной свободной минуты. На такси ехать не хотелось — он не любил ездить с чужими водителями. Прогулка пешком могла закончиться плохо — никто не знал, что взбредет в голову природе через час, и в таких случаях не успокаивают даже плащ и зонт. Но на данный момент ничто не предвещало беды, а поэтому Адам расплатился за кофе, покинул территорию университета и направился к центру города.

Он не видел доктора Мори с прошлых выходных, и это казалось ему странным. Обычно они часто сталкивались в городе, а пару раз даже увиделись в университетской библиотеке. Один раз Вивиан искал в компьютерном каталоге нужные книги, а во второй раз сидел рядом с одним из своих студентов и вместе с ним читал план курсовой работы последнего. Впрочем, Адам не рискнул бы сказать, что ему хотелось встречаться с доктором. После недавнего приключения на балконе он чувствовал себя неуютно при мысли об этой встрече, хотя причин этому не было. Точно так же доктор мог чувствовать себя неуютно в обществе Афродиты после того, как танцевал с женой Джеральда. Хотя, конечно, танец этот при всей своей откровенности приключению уступал во многом.

Иногда — чаще всего это происходило именно так — Адам видел доктора за рулем. Судя по всему, Вивиан не жаловал прогулки пешком, а водить машину ему нравилось. Почти каждый день Адам видел его проезжающим мимо по улице или стоящим на светофоре. Доктор Мори слушал музыку, рассеянно постукивая пальцами по рулю в такт мелодии, и дожидаясь зеленого сигнала.

Музыку Вивиан слушал самую разную: это мог быть Бетховен, Гайдн, Джимми Хендрикс, Патрисия Каас или «Iron Maiden». Но наибольшее предпочтение он отдавал не классике, как мог бы подумать незнакомый с ним человек. В тот памятный вечер, когда они с Адамом возвращались домой после ночной прогулки, доктор включил радио и, пару минут покрутив ручку настройки, оставил песню «Depeche Mode» «Walking in My Shoes».

— Никогда не понимал их музыку, — только и успел сказать Адам. — После того, как я десять лет отыграл на скрипке, мне сложно принимать электронные произведения.

— В этом есть что-то фальшивое и ханжеское, мой друг, — уведомил его Вивиан со свойственной ему вежливой прямолинейностью. — Я поставлю пару композиций. Просто послушайте.

Адаму пришлось послушать не только еще несколько песен ненавистной группы, но и целую лекцию о философии «Depeche Mode». Доктор на этот раз изменил своей немногословности. Адам признал, что говорит он ничуть не хуже, чем слушает. Вивиан говорил складно и убедительно, и его собеседник решил, что ему совсем не просто так дали место на кафедре не только в качестве ученого, но и в качестве лектора. Адам готов был поспорить, что студентки садились на первые ряды и для того, чтобы посмотреть на доктора

и тихонько повздыхать, и для того, чтобы послушать.

Доктор закончил свою лекцию следующими словами:

— Я уже не говорю о том, что у них очень эротичная музыка. А еще в ней есть порок. Точнее, стремление выйти из общепринятых рамок и желание сломать стереотипы.

Приближающиеся огни города, прохладный ночной воздух, который в начале четвертого утра стал уж слишком свежим, и исполнявший «One Caress» Мартин Гор были подходящей декорацией для последних слов Вивиана. Адам невольно передернул плечами — ему показалось, что он переместился в параллельную реальность. И хозяином этой реальности был кто угодно, но только не он.

— Мне импонирует их творчество, — снова заговорил Вивиан. — Что скажете, мой друг?

Адам согласился с тем, что музыка эротична и с тем, что о вкусах не спорят. Но для себя он решил, что у доктора ужасный музыкальный вкус.

— Надеюсь, вы размышляете над новой книгой? Если нет, то я подумаю, что вы не хотите со мной общаться.

Доктор Мори стоял в дверях книжного магазина и прикуривал от спичек. В его руке Адам заметил белый пакет с эмблемой магазина.

— Я не думаю о новой книге, но на вас не обижен, и не вижу причин для того, чтобы избегать общения.

— У вас есть планы на вечер?

— Пока что нет.

— В таком случае, позвольте вас подвезти. У меня тоже нет планов, но я помню, что обещал угостить вас кофе.

На этот раз доктор был одет как обычный горожанин: деловой костюм классического покроя, белоснежная рубашка и неброский галстук. Разве что выглядел он не очень хорошо: к нему вернулась та бледность, которую Адаму уже приходилось видеть один раз. Сегодня Вивиан изменил и своей легкой походке — он шел медленно и тяжело, опираясь на зонт, который держал в руках.

— Вам нехорошо? — спросил Адам.

— Да, бывали дни, когда я чувствовал себя лучше.

Доктор Мори занял водительское кресло, откинулся на спинку и прикрыл глаза. Он выглядел уставшим, и эта усталость ему не шла: если во время их первой встречи Адам с трудом дал бы ему двадцать пять, то теперь Вивиан выглядел на свои тридцать три, если не на все сорок.

— Может быть, я сяду за руль? — предложил пассажир.

— Нет, что вы. Я немного отдохну, и мы отправимся в путь.

Вивиан достал из потайного кармана пиджака небольшую белую полоску, на которой Адам успел прочитать уже знакомое ему слово Morphium и, чуть надорвав ее, достал кусочек пластыря. После этого доктор посмотрел в зеркало заднего вида, чуть повернув голову, и наклеил пластырь на шею — ровно на небольшую черную точку, вероятно, когда-то отмеченную его лечащим врачом с помощью несмываемого маркера.

— Вот и все. Надеюсь, вы дадите мне еще минутку.

Он расслабил узел галстука и снова прикрыл глаза, положив руки на колени.

— И как часто... — начал Адам.

— Болит постоянно. Сильно болит примерно раз в пару недель. А где-то раз в месяц я

будто целиком превращаюсь в боль. — Он помолчал. — Знаете, Адам, эта штука когда-нибудь меня убьет. Не потому, что это злокачественная опухоль, а потому, что чувствует, что я слабее.

— Вы никогда не думали о том, что это... неправильно?

Доктор Мори повернул голову, не меняя расслабленной позы, и посмотрел на него.

— Пока что вы плохо меня знаете, Адам. Я не отличаюсь силой воли. Если бы отличался, не собирал в университете вокруг себя людей и не организовывал вечеринки, от одной мысли о которых у нормального человека встают дыбом волосы. У меня была бы другая жизнь. Никаких наркотиков и секса с каждой встречной женщиной. Мне сложно отказаться от того, что мне нравится.

— Вам нравится боль?

— У меня нет желания искать другую дорогу. Хотя в глубине души, наверное, нравится. Адаму оставалось только пожать плечами.

— А как же... Изабель Торнворд? — спросил он.

Вивиан снова сел прямо, пристегнул ремень безопасности и повернул ключ зажигания.

— Изабель Торнворд?

— Вы говорили про удовольствие. Ведь в тот раз у вас получилось воздержаться от этого.

Доктор Мори поднял бровь — правда, без особой заинтересованности. Слишком вяло для того, чтобы Адам не почувствовал подвох.

— Я говорил?

— Да, — кивнул Адам.

— Ах, конечно. Тогда рядом со мной был дежурный сплетник Патрик Мэйсон. И рядом со мной была Дита. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь из них это услышал.

— Так как же, вы... доктор!

Адам сам удивился тому, как прозвучало последнее слово. Это был возглас по-детски искреннего возмущения, в котором, прислушавшись, можно было различить настолько же искреннюю обиду.

Вивиан от души рассмеялся и вырулил на дорогу.

— Поистине умилительная реакция, господин Фельдман, — похвалил он. — Не будем ворошить прошлое. Давайте дружно решим, что это был просто хороший секс.

***

Открывшая дверь Афродита поправила на плечах нежно-розовое шелковое кимоно и, оглядев Вивиана и Адама, пригласила их войти.

— Добрый вечер, дорогая, — поздоровался Вивиан. — У тебя изменились планы? Ты собиралась на день рождения.

— У меня весь день болела голова. Я решила не пить таблеток, и просто пошла спать. Недавно проснулась. Чувствую себя замечательно, но настроения куда-либо идти у меня нет. Так что я проведу вечер дома. Тем более что у нас гости. — Она посмотрела на Адама. — Рада вас видеть, господин Фельдман.

Без макияжа Афродита выглядела максимум лет на восемнадцать. Если бы не татуировка, ее можно было принять за воспитанницу частного коллежа для благородных девиц.

— Добрый вечер, госпожа Вайс.

— Вы будете ужинать?

— Разумеется, — ответил за двоих Вивиан. — Я переоденусь и помогу тебе накрыть на стол.

Афродита оглядела его с ног до головы. Ее взгляд скользнул по расслабленному узлу галстука, двум расстегнутым пуговицам рубашки и остановился на пластыре.

— Не думаю, что это хорошая идея, — заговорила она. — Несмотря на наш вчерашний разговор, сегодня ты отправился и на работу, и в университет. И тебе повезло, что я с утра спала.

— Я отлично себя чувствую.

— Я слышу это уже три дня. — Афродита пошла в направлении кухни. — Ужин будет готов через полчаса. Помойте руки.

***

Адаму, несмотря на его просьбы, не позволили участвовать в приготовлении ужина. Вивиан помог Афродите накрыть на стол, после чего достал бутылку красного вина (на предложение «выпить чего-нибудь покрепче, ведь у нас гости» Афродита отреагировала молчанием, но ее красноречивый взгляд отбил у доктора желание спорить) и, открыв ее, наполнил бокалы.

— Ваше здоровье, Адам, — сказал он.

— Взаимно, доктор. Спасибо за приглашение.

Еще в прошлый раз Адам заметил, что квартира Вивиана и Афродиты была не просто чистой и аккуратной — она сияла от чистоты. Даже самый придирчивый человек не нашел бы тут и следа пыли или грязи. Белоснежные шторы выглядели так, будто их купили вчера, зеркала были кристально чистыми, фарфоровые статуэтки и фигурки из хрусталя были аккуратно расставлены, а в вазе стояли свежие цветы. Кухня выглядела не менее ухоженной, чем остальная часть квартиры: ни следа посуды в раковине, чистые полотенца, рассортированная посуда. Можно было подумать, что уборку сделали в честь прихода гостей, но так уж сложилось, что гость и в этот раз умудрился заявиться без предупреждения.

До сегодняшнего вечера Адам был уверен в том, что квартиру приводит в порядок домработница, но когда он увидел Афродиту на кухне, то понял, что ошибся. Она до завидного ловко управлялась со всем, что касалось приготовления еды, а салат нарезала так мелко, что позавидовал бы профессиональный шеф-повар. За полчаса она умудрилась не просто разогреть в микроволновой печи мясо и картофель, а приготовить запеканку, которую можно было бы поставить даже на праздничный стол. Затем Афродита достала из духовки пирог и, накрыв его салфеткой, села за стол.

— Приятного аппетита всем, — сказала она. — Я знаю, что в этом есть что-то неправильное, но чем чаще я готовлю, тем больше мне хочется есть. — Она посмотрела на Вивиана. — Надо бы научить тебя готовить. Может, будет такая же реакция, и ты поправишься килограмм на пять. От тебя скоро ничего не останется. — Афродита повернулась к Адаму. — А вот вам, господин Фельдман, не помешало бы сбросить пару тройку килограмм. Может, поделитесь с доктором?

Вивиан взял салфетку.

— Благодарю за заботу, своим внешним видом я доволен. Но буду рад преподавать господину Фельдману пару уроков танцев. Это вряд ли избавит его от лишних килограммов, но зато придаст уверенности в себе.

Афродита пригубила вино.

— Отличная идея, — похвалила она. — На следующей вечеринке у тебя будет достойный конкурент.

Когда ужин был окончен, а посуда отправилась в раковину, доктор сварил кофе. После сытной трапезы Адам с воодушевлением воспринял идею выпить кофе. Афродита осталась в меньшинстве.

— Пойду повторять сценарий. Если я кому-то понадобится, вы можете найти меня на балконе.

— Накинь что-нибудь, дорогая, — сказал ей вдогонку Вивиан, не отвлекаясь от приготовления кофе, после чего обратился к Адаму: — Предлагаю расположиться в кабинете, мой друг. На мой взгляд, там уютнее.

***

В кабинете Адам занял одно из кресел, а доктор поставил чашки с кофе на стол и, открыв один из шкафов, достал оттуда бутылочку из темного стекла.

— Мой маленький секрет, — прокомментировал он.

Адам смотрел на то, как Вивиан осторожно наливает содержимое бутылочки в обе чашки.

— Госпожа Вайс замечательно готовит.

— В этом я с вами согласен. Красивая женщина, которая, к тому же, и великолепная хозяйка — это редкость в современном мире. Дита росла в простой семье, и ее к этому приучали с детства. Знаете, вещи вроде «принцы гуляют с красивыми, а женятся на хозяйках».

— На вашем месте я бы не позволял ей этим заниматься. Это выглядит как-то... не то чтобы неестественно, но мне кажется, что это не для нее.

— Попробовали бы вы с ней поспорить. Прошу вас. Вряд ли уместно говорить тосты, когда люди пьют кофе, но это особенный кофе. Так что за знакомство, господин Фельдман. Я рад, что оно состоялось. Вы интересный человек.

Запах у кофе был обычным, а вкус оказался незнакомым. То есть, вкус кофе он, конечно, напоминал, но помимо этого вкуса в нем было что-то одновременно горькое и сладкое, и самой знакомой ноткой в этом горьком и сладком был привкус ванили.

— Никогда такого не пил, — поделился Адам.

— Я бы удивился, если бы пили. — Вивиан кивнул в направлении шкафа — он успел вернуть таинственную бутылочку на место. — Рецепт этой настойки мне рассказал мой хороший приятель. На первый взгляд, ничего особенного, разные травы.

— Это действует так же, как кофе?

— Скоро узнаете.

Доктор Мори тоже сделал глоток кофе и достал сигареты.

— Знаете, о чем я подумал, Адам? — спросил он. — Меня всегда окружали люди. В университете у меня была целая куча приятелей. Мы вместе учились, вместе готовились к экзаменам, вместе завтракали, вместе развлекались... и я подумал о том, что со многими из этих людей мне было приятно нюхать кокаин, но рядом со мной не было человека, с которым мне хотелось бы поговорить. Человека, с которым мне хотелось бы обсудить книгу, театральную постановку, просмотренный фильм. Человека, которому я мог бы рассказать историю из прошлого и не бояться, что он неправильно меня поймет. Для тех людей я был собой, но вместе с тем был кем-то другим. А вы, почти незнакомый человек, знаете обо мне больше, чем все те люди. Странно, правда?

— Не думаю, доктор. Обычно люди называют это дружбой.

— Никогда бы не подумал, что мне это так необходимо. — Вивиан улыбнулся. — Надеюсь, Дита не будет ревновать.

Адам улыбнулся в ответ. У него кружилась голова, и он думал о том, что кофе был как нельзя кстати.

— Что вы думаете по поводу вечеринки? Вам понравилось?

— Да, мы отлично провели время.

— На мой взгляд, она была скучна. — Доктор Мори передернул плечами. — Толпа гостей, которых объединяет одно — ваш теперешний грех, господин Фельдман. Они боятся собственных желаний. Они говорят о пороках и сексе, но когда доходит до пороков и секса, начинают думать: о Боже! Как же я буду нагло получать удовольствие, когда другие этого боятся? Разве у меня есть право на то, чтобы сказать себе «да» в ответ на вопрос «а можно ли мне это сделать» вне зависимости от того, о чем идет речь? Уж лучше я посижу в своем гнилом коконе из морали и буду ворчать, осуждая других. Им надо раздать пачку ярлыков — и пусть они отправляются навешивать их друг на друга. Тогда хотя бы пару минут мы сможем дышать спокойно. — Он затыкнулся и стряхнул пепел. — Прошу прощения, но я был обязан это сказать.

Адам рассеянно помотал головой. Легкий туман в голове менял цвета — сначала он был белым, потом стал нежно-голубым, а после этого превратился в салатный.

— Не знаю, что это за настойка, доктор, но она меняет сознание.

— Я люблю говорить, что она показывает новые горизонты. Клод — мой приятель, который дал мне ее рецепт — замечательный человек. Когда-то он помог мне понять, что мужчины меня не привлекают... точнее, привлекают, но не так, как женщины.

Адам нахмурился и недоуменно посмотрел на Вивиану. Ответом ему был спокойный изучающий взгляд. Доктор улыбался уже знакомой Адаму улыбкой: «Мне нравится ваша реакция. Интересно, что вы выкинете в следующий момент?».

— Каким... образом он вам помог? — заговорил он, наконец.

— Таким же, каким обычно мы понимаем, нравятся или не нравятся нам определенные вещи. Ведь до того, как мы говорим «мне это не нравится», нужно это попробовать, не так ли, Адам?

— Да, но в случае с мужчинами, на мой взгляд, этот метод не очень подходит.

— Судя по всему, ваш путь к выходу из кокона долг... что же, теперь вы знаете обо мне еще одну пикантную подробность. — Доктор потушил сигарету в пепельнице и внимательно посмотрел на Адама. — Вас клонит в сон, мой друг? Похоже, я налил вам слишком много.

Адам откинулся на спинку кресла.

— Не волнуйтесь, доктор, все в порядке, — возразил он, понимая, что его язык повинуется с трудом.

— Я налью вам рюмку водки. Это вернет вас к жизни.

Вивиан поднялся, но, увидев вошедшую Афродиту, снова занял свое кресло.

— Я не буду вам мешать, — сказала она. — Мне нужен карандаш.

— Ты не мешаешь, дорогая. — Доктор Мори кивнул на свободное кресло. — Тебе не скучно одной?

Афродита посмотрела на чашки с кофе, и на ее лице появилась улыбка.

— Когда ты предложил кофе, я подумала, что речь идет об обычном кофе. И теперь я готова обидеться, потому что вы меня не позвали.

— Возьми. — Он протянул ей свою чашку. — Вторая половина твоя.

— Спасибо. — Афродита сделала пару глотков и посмотрела на Адама. — Вы ведете разговоры по душам, и, похоже, господину Фельдману пришелся по вкусу твой кофе.

Адам едва заметно кивнул, не открывая глаз. Туман из салатого стал темно-зеленым, а мысли совсем не поддавались контролю. В голове вертелся миллион образов — от целомудренных до самых развратных, которые он только мог вообразить.

— Господин Фельдман хотел узнать, как действует кофе, — снова заговорил Вивиан. — И я решил, что ты сможешь ему помочь.

Афродита оглядела кабинет.

— Здесь? — спросила она. — Тебе не кажется, что в спальне будет удобнее продемонстрировать господину Фельдману действие кофе?

— Здесь. Или тебе уже не по вкусу мой ковер?

Она улыбнулась и легко пожала плечами.

— Ну почему же. По вкусу. Хочешь присоединиться?

— Понаблюдаю со стороны.

***

— Может быть, вы не откажетесь от рюмки водки, Адам?

Голос доктора доносился издали, но Адам сделал над собой усилие и сосредоточился на происходящем. Он снова сидел в кресле, на расстоянии вытянутой руки от него стояла чашка с недопитым кофе, а в пепельнице дымилась сигарета.

— Нет, доктор. Премного благодарен.

Адам запоздало подумал о том, что вопрос Вивиана странно звучит в данном контексте. Создавалось впечатление, будто гость не прерывал дружеской беседы. И уж точно не занимался любовью с женщиной хозяина квартиры на ковре в его же кабинете.

Доктор предпочел роль наблюдателя. Он сидел практически без движения, не меняя позы, и только один раз прикурил от зажженной спички. Выдавали его только глаза. У Адама вряд ли получилось бы забыть этот взгляд. Если до этого Вивиан только говорил о пороках, и свидетельством его склонности к чему-то подобному был разве что опиум, то выражение его глаз пять минут назад даже не говорило, а кричало об его истинной сущности. У Адама сейчас был только один вопрос: какой жизненный путь должен проделать человек и что он должен попробовать для того, чтобы хотя бы иногда смотреть на мир такими глазами?

— Я думаю, что господину Фельдману пора спать, — сказала Афродита. Она стояла у зеркала и приводила в порядок волосы.

— Покажи господину Фельдману, где находится спальня. И не забудь, что ты приходила сюда и просила карандаш.

— За карандашом я еще вернусь.

Афродита провела Адама в спальню и, включив ночник, кивнула на кровать. Он воспользовался приглашением.

— Спокойной ночи. Завтра с утра я приготовлю тебе обычный кофе. Без сюрпризов.

— Надеюсь, я проснусь.

— Разумеется, проснешься. Может, ты будешь плохо себя чувствовать, но я тоже ужасно себя чувствовала после того, как впервые попробовала этот кофе. Правда, после того, как я попробовала кофе и до того, как я отправилась спать, много чего произошло... но об этом я расскажу тебе в другой раз. — Афродита положила ладонь ему на лоб. — Мне нравится, что

ты начинаешь понимать.

***

Когда Афродита появилась в дверях кабинета с пачкой отпечатанных листов в руках, Вивиан до сих пор сидел в своем кресле и допивал кофе.

— Тебе тоже хватит, — сказала она, приблизившись.

— Жаль, что из фильмов порой вырезают откровенные сцены. Поэтому я люблю книги. В них можно описывать все откровенно — и никто не обвинит тебя в том, что что-то не так.

— Если твой новый приятель так же хорош и без кофе, то в выходные мы обедаем в ресторане за мой счет.

Вивиан поманил ее жестом.

— Признайся, что ты пришла не для того, чтобы попросить карандаш.

— Признаюсь, — ответила она без паузы.

— Если ты пожелала нашему гостю спокойной ночи и укрыла его одеялом, то можно продолжить. Я до сих пор злюсь на бывшую жену Патрика за то, что ей вздумалось помешать нам на вечеринке.

Афродита присела на стол и поднесла к глазам листы.

— Мы начнем с проникновенного диалога. Пожалуйста, послушай. Мне важна твоя критика.

Глава десятая

— Это интересный материал, мой друг. Я люблю ваши книги, но мой фаворит «Остров забытых желаний» по откровенности даже не приближается к написанному в этом блокноте.

Доктор Мори тронул обложку лежавшего перед ним блокнота. Джеральд Гентингтон не знал, как реагировать на услышанное.

— Вы прочитали все это за три дня?

— И не погрешу против истины, если скажу, что получил удовольствие. Мне пришлось отложить новый роман Джессики Девори и уделить внимание вашим снам. Думаю, она на меня не в обиде. Что, кстати, не могу сказать о Дите. Вчера я читал в кровати до двух ночи, и она сказала, что либо я сейчас же отправлюсь спать, либо она отправит меня читать на диван в гостиную, и спать я буду там же.

— И что вы можете сказать?

Вивиан взял со стола свой паркер и повертел его в руках.

— А что вы можете сказать мне, Джеральд? Вы пытались их анализировать?

— Пытался, но результат меня не удовлетворил.

— Как вы думаете, что могут означать зеркала?

Джеральд выглядел растерянным.

— То, что я пытаюсь увидеть что-то с другой стороны?

— Нет, мой друг. Они могут означать, что вы что-то ищете, но не находите. Недаром они мутные, и вы не можете разглядеть в них свое лицо.

— Я могу разглядеть в них свое лицо.

— Только это каждый раз чужое лицо, не так ли?

Джеральд кивнул. Доктор Мори не отрывал взгляд от блокнота, по-прежнему перебирая в руках паркер.

— Почему вас нервируют эти сны? — задал он очередной вопрос.

— Потому что я не могу понять, что они означают.

— А вы хотите понять, Джеральд?

Он улыбнулся.

— Вы ставите меня в тупик, доктор.

— Вы — талантливый писатель, у вас есть любимая женщина, друзья... но чего-то вам не хватает. — Вивиан положил паркер и посмотрел на гостя. — Вам нужно что-то получать, но вы это не получаете. И та ваша часть, которая творит, это чувствует. Как давно вы общались с этой частью себя, Джеральд?

— Я общаюсь с ней ежедневно. Я писатель.

— Когда вы пишете, то вы работаете. Это не общение. Как давно вы спрашивали у этой части, чего она хочет? Вам от нее всегда что-то нужно. Ежедневная глава, две главы, три главы. Синописис. Аннотация. Издательство хочет получить новую рукопись Джеральда Гентингтона. А почему вы не интересуетесь тем, что нужно этой части от вас?

На лице Джеральда снова мелькнула растерянность, но в следующую секунду он совладал с собой и в очередной раз улыбнулся, пытаясь скрыть смущение.

— Я понимаю, о чем вы, доктор. Когда-то я получал вдохновение именно таким образом. Но теперь многое изменилось, я женат, и у меня есть определенные обязательства...

— Вот так и скажите своей творческой части: «Я женат, дорогая, ты мне нужна только для дела. Развлечения остались в прошлом».

— Вы намекаете на то, что я скучаю по прошлой жизни?

— Я ни на что не намекаю, мой друг. А сновидения ваши не просто намекают на это — они об этом кричат. Правда, безмолвно. И, как мы с вами успели понять во время наших встреч, безмолвный крик вы не воспринимаете. — Вивиан взял портсигар. — Надеюсь, вы на меня не в обиде за то, что я пригласил вас к себе домой. Сегодня я ужасно себя чувствую.

— Ваш домашний кабинет ничуть не хуже рабочего.

Тихий стук в дверь прервал беседу. Появившаяся на пороге Афродита выглядела потерянной, если не испуганной.

— Да, дорогая. — Вивиан кивнул ей. — Что-то случилось?

— Выйди, пожалуйста, на пару минут. Это срочно.

— Интересно, что же это за срочность. — Доктор Мори поднялся и отодвинул кресло от стола. — Простите, Джеральд. Я сейчас вернусь.

Афродита провела Вивиана в гостиную. По дороге она остановилась и повернулась к нему.

— Если у тебя появятся вопросы, я все объясню. Но, пожалуйста, не задавай их при гостях.

— Ты меня заинтриговала. Что же это за гости?

Гостями оказались двое мужчин. Один из них сидел в кресле, а второй стоял рядом. Оба были в дорогих костюмах и туфлях из хорошей кожи. Стоявший возле кресла гость держал на сгибе руки кожаный плащ, и к ремню его брюк была пристегнута кобура со спрятанным в ней пистолетом.

Доктор Мори остановился в отдалении от гостей и скрестил руки на груди.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал он. — Гости у меня на самом деле важные. Даже не знаю, что вам предложить — вино, виски или хороший коньяк.

— Вы можете предложить нам помощь, доктор, — заговорил стоявший рядом с креслом мужчина.

— Если вы имеете в виду медицинскую помощь, то вы попали не по адресу. Здесь не приемный покой.

— Мне кажется, между нами нет взаимопонимания, доктор, — сообщил ему мужчина. — И еще мне кажется, вы не знаете, кто мы такие.

— Разумеется, знаю. Я иногда смотрю новости. Но не понимаю, что нужно сыновьям криминального авторитета в моей квартире в начале девятого вечера. Меня ждет пациент, джентльмены.

— Покажи ему, Ник.

Сидевший в кресле выпрямился и снял с одного плеча кожаный плащ (такой же, как и у первого гостя), демонстрируя пропитанную кровью рубашку. Вивиан кивнул, давая понять, что он впечатлен.

— Полагаю, вам лучше поехать в больницу. Судя по тому, что цвет лица вашего друга, господин... Тейлор, если не ошибаюсь? — напоминает цвет накрахмаленной простыни, он потерял много крови.

— Нет, между нами на самом деле нет взаимопонимания, доктор, — снова заговорил названный господином Тейлором. — Или вы не знаете, что врач сообщает о каждом пулевом ранении в полицию?

— Ладно, я понял, что разговаривать с вами бесполезно. — Вивиан подошел к сидевшему. — Дайте мне посмотреть. Раздевайтесь.

Пару секунд доктор Мори изучал рану, после чего покачал головой.

— От пулевого ранения вы, конечно, не скончаетесь, — констатировал он. — А вот банка крови у меня дома нет. Идите в ванную. Я приготовлю инструменты.

— Нет, доктор. Я хочу, чтобы это сделала она.

И Ник указал на Афродиту. Она развела руками.

— Я... не смогу достать пулю, это может сделать только доктор... и вряд ли смогу потом зашить...

— Я уже сказал, что не хочу, чтобы он ко мне прикасался.

Вивиан посмотрел на второго гостя, который по-прежнему стоял без движения.

— Мы примем какое-то решение, джентльмены?

— Ты ведешь себя как идиот, Ник. Если ты хочешь умереть, ты мог бы сказать мне об этом раньше, и я бы пустил тебе пулю в лоб, чтобы ты не мучился.

— Что тут непонятного, Фредерик? Я хочу, чтобы это сделала она, я уже...

Доктор Мори остановил его жестом.

— Сообщите своему другу, господин Тейлор, что у него есть пять минут — за это время я успею приготовить все необходимое. Если через пять минут у него не появится желание расстаться с подаренным ему куском свинца, то вместо местной анестезии я использую общую. Такие препараты у меня тоже имеются.

Ник предпочел не поддерживать разговор, а его брат помог ему снять плащ и рубашку.

— Цепочку тоже снимите, пожалуйста, — сказал Вивиан и уже направился в свой кабинет, но остановился и посмотрел на «пациента». Взгляд его остановился на татуировке на шее — два следа кошачьих лапок. Точно таких же, как у Афродиты.

— Что? — спросил Ник, и в голосе его не чувствовалось дружелюбности.

— Задумался о том, какой цвет ниток я использую для того, чтобы вас зашить.

— Черными, доктор. Это стильно. И идентично цвету моих мыслей о вас.

***

— Мне выбросить пулю? Или вы хотите сохранить ее как талисман?

— Мне она не нужна.

Ник сидел на краю ванной, придерживая здоровой рукой повязку на плече. Доктор Мори мыл руки, изучая своего гостя в зеркале.

— Жить вы будете, — снова заговорил он. — Я позвонил своему коллеге, он отвезет вас в больницу. Вам срочно нужна кровь, да и обезболивающее не помешает.

— А вы сами не можете отвезти меня в больницу?

— Завтра у меня утренняя смена, а потом дежурство. Я хочу поспать хотя бы три часа.

Ник положил руки на колени.

— А что мы будем делать с докладом в полицию о пулевом ранении?

— Для дежурного врача в приемном покое мы что-нибудь придумаем. Роберт — травматолог, так что это по его части. Кроме того, он бывший военный врач, и на пустом месте может придумать такую историю, в которую поверит кто угодно.

— Вы, наверное, считаете себя героем, доктор?

Вивиан в очередной раз посмотрел на него, но не ответил. Он выбросил в мусорную корзину использованные перчатки и достал из аптечки флакон с дезинфицирующей жидкостью для рук.

— Вы, наверное, думаете, что спасли мне жизнь, и теперь я должен вас благодарить?

— Вы мне ничего не должны. Я делал свою работу.

— Четыре года назад вы тоже делали свою работу. И у вас это отлично получилось.

Доктор Мори повернулся к нему и достал из кармана брюк портсигар.

— Я уже понял, что вы когда-то спали с Дитой, — сказал он и протянул Нику сигареты. — Угощайтесь.

Он взял сигарету и прикурил от зажженной Вивианом спички.

— Вы ничего не поняли, — покачал он головой, делая глубокую затяжку. — Это вы забрали ее у меня. Если бы вы тогда не шли домой по темным переулкам — какого черта, у вас что, сломалась машина? — и не вздумали играть в Спасителя, все было бы иначе!

— Не припомню, чтобы вы были дружны с ее покойным мужем. Если верить новостям, дела обстояли иначе.

— В этом-то и дело, доктор. Дела обстояли совсем, совсем иначе. — Ник убрал со лба влажные волосы. — Она почти каждый день клялась мне, что уйдет от него, но дальше слов это не заходило. Мне надо было убить его раньше, гораздо раньше! Не понимаю, зачем я тянул... и еще этот ребенок. Разумеется, после того, как она узнала о ребенке, все стало сложнее. И единственным выходом из положения для нее было выйти за него замуж. А что бы она ему сказала? Дорогой, это ребенок Ника Тейлора, моего любовника? Вы представляете, что бы началось? Сначала он убил бы ее, потом — меня, а потом пролилось бы еще черт знает сколько крови!

Вивиан стряхнул пепел с сигареты в раковину и кивнул. Он слушал, не перебивая.

— В тот вечер я был уверен, что правильно выбрал момент. В этом переулке не должно было появиться ни души. И знаете, о чем я думаю сейчас? Мне надо было убить его своими руками. Я просил убить его и не трогать женщину. Они убили его, женщину не трогали и ушли. Откуда я мог знать, что ей станет плохо? И откуда я мог знать, что вы пройдете там именно в тот момент?

— Хорошо, что вы не видели, как ваша женщина отреагировала на известие о том, что ее ребенок мертв. А также на известие о том, что у нее больше никогда не будет детей.

— Что бы вы понимали. — Ник махнул на него рукой. — Иногда у людей нет другого выхода. Я воевал в Ираке. Там люди убивали за еду и за воду, потому что у них не было выбора.

— Я никогда не понимал, не понимаю не пойму, зачем людям нужна война и зачем они убивают друг друга. Я полгода провел в Ливане, одинаково хорошо помню и раненых солдат, которым осталось жить пару дней, и мертвых детей. Позиция человека, который держит оружие, отличается от позиции человека, который держит скальпель. И я не собираюсь менять свою позицию. Думаю, и вы тоже не собираетесь менять свою. А поэтому, господин Тейлор, предлагаю не начинать дискуссию. Вы, как я понял, и так не очень хорошего мнения обо мне. Правда, я до сих пор не понимаю, почему. Не потому ли, что я спас жизнь вашей женщине?

Ник открыл кран в ванной и, потушив сигарету под струей воды, выбросил окурочек в мусорную корзину — туда, куда пару минут назад отправились медицинские перчатки доктора Мори.

— Знаете, — заговорил он, — вы странный человек. Я лично знаю двух человек, которым вы спасли жизнь, помогли им тогда, когда другие врачи говорили, что они умрут максимум через год. Но все, к чему вы прикасаетесь, превращается в темную материю. Все

люди, с которыми вы знакомитесь. Женщины, друзья. В вас есть какая-то черная сила, и лучше бы вам держать ее внутри, но она каждый раз выходит наружу и заражает других. Меняет их. Но не в хорошую сторону, а в плохую. Так получилось и с Афродитой. Когда-то она была другой. Но после того как она встретила вас, изменилась до неузнаваемости. Это совсем не та Афродита, которую я когда-то любил, хотя люблю ее и сейчас, несмотря ни на что. И она до сих пор обещает мне, что завтра, уже завтра оставит вас и будет только моей. Но сейчас обещания ее звучат не так категорично и убедительно, как звучали раньше, когда она встречалась с этим... — Ник решил не называть имени мужа Афродиты, он только зло передернул плечами. — Что держит ее рядом с вами? Что, черт возьми? Вы можете ответить мне на этот вопрос?

— Что-то да держит, иначе бы она со мной не жила.

Ник поморщился, потер повязку. Вивиан смотрел на него, не нарушая молчания, и ждал ответа.

— Интересно, доктор, вас что-нибудь может вывести из себя? Я только что сказал, что сплю с вашей женщиной, а вы и бровью не повели.

— Что я должен сделать? Может, застрелить вас?

— Неужели вы умеете стрелять?

— С трудом отличаю предохранитель от спускового крючка. Но зато отлично владею скальпелем. И мне очень хотелось бы отрезать вам язык. Я сделал бы это быстро и почти без крови, уверяю вас. Но вы уже сказали то, что сказали, и нет смысла прибегать к насилию.

— Так отдайте мне то, что принадлежит мне. Я люблю ее, вы понимаете?

Сотовый телефон Вивиана нарушил тишину негромким звонком.

— Да? Да, Роберт. Он спустится через пару минут. Я твой должник. — Он улыбнулся. — Пожалуй, парой дежурств на следующей неделе можно будет отделаться. И сытным обедом за мой счет.

Доктор Мори вернул сотовый телефон в карман.

— Вы можете спускаться, — сказал он. — Мой коллега ждет вас. Выходите из дома и спускайтесь во двор, его машина стоит рядом со стоянкой. Черная «вольво».

— Наверное, я должен поблагодарить вас, доктор. Не знаю, как вы владеете скальпелем — к сожалению или к счастью, мне не удалось этого узнать — но заштопали вы меня профессионально.

— Идите, господин Тейлор. И сделайте мне одолжение: если вас кто-нибудь подстрелит еще раз — с вашей работой такое может случиться — обращайтесь сразу в приемный покой.

***

Сидевшая в кресле Афродита поднялась навстречу Вивиану и Нику. Доктор Мори кивнул на прощание братьям Тейлор, и они вышли из квартиры, прикрыв за собой дверь.

— Ты поужинаешь, выпьешь чаю или пойдешь спать? — Не услышав ответа, Афродита посмотрела на Вивиана. — Ты со мной не разговариваешь?

— Эта татуировка у него на шее и твоя — это один и тот же трафарет?

Афродита поджала губы.

— Нет. Просто одинаковый рисунок.

— Скажи мне, это правда?

— О чем ты?

— Не задавай вопросов, просто ответь мне. Это правда?

— Послушай, Вивиан, это разговор не на пять минут и даже не на полчаса. И это

слишком запутанная история, чтобы...

Он покачал головой и отмахнулся.

— Господи, Дита, я так и знал, что ты ответишь такими словами.

— Я все объясню. Но завтра тебе рано вставать, не думаю, что ночной разговор — это хорошая идея.

— Правильно. Потому что я не хочу об этом говорить. Ни сегодня, ни завтра. Никогда. Афродита сложила руки в умоляющем жесте.

— Мне не нравится, когда ты говоришь в таком тоне, — сказала она. — Этот тон означает, что ты ничего не понимаешь, но уже сделал выводы и принял решение. И уверен, что прав.

— Я скажу тебе, в чем я уверен. Точнее, в чем я был уверен до сегодняшнего дня. Я был уверен в том, что ты хорошо меня знаешь. И не менее хорошо знаешь, что я могу простить все, кроме лжи. Я простил тебе всех мужчин и всех женщин, которые у тебя были. Я простил тебе твое прошлое. Я прощаю тебе даже то, что ты не ночуешь дома два раза в неделю, хотя мы с тобой договаривались о другом. Но этого я тебе не прощу.

— Вивиан, иди спать. Мы поговорим завтра.

— Почему ты не сказала мне, что это был его ребенок?

— Что бы это изменило?

— Это ничего бы не изменило. Я хочу знать, почему ты мне солгала.

Она подошла к столу, взяла стакан с водой и сделала пару глотков.

— Потому что это прозвучало бы по-идиотски. Я замужем, но беременна от другого, и сейчас я потеряла и ребенка, и мужа, но до сих пор люблю своего любовника. Тебе не кажется, что это напоминает мелодраму?

— Ты права. Почему ты не сказала мне про своего любовника, которого ты до сих пор любишь? И почему ты четыре года спала с ним, живя со мной в одной квартире, но и словом не обмолвилось о том, как на самом деле обстоят дела? Тебя волнуют только мои деньги? Машина, кредитная карточка, одежда, косметика, университет, ночные клубы, наркотики, закрытые вечеринки. Если тебя волнует что-то еще, то почему бы тебе не выбрать кого-то одного, его или меня, и никого не обманывать?

Афродита смотрела на него, но заговаривать не торопилась.

— Правильно, помолчи. Хотя... знаешь, что? Уходи, Дита. Я не хочу тебя видеть.

— Я не верю своим ушам. Ты выгоняешь меня из дома?

— Я прошу тебя, Дита. Просто уходи. Возвращайся тогда, когда примешь решение. Но я не гарантирую, что тебе здесь будут рады так же, как сейчас.

***

Адам поднялся из-за стола и потянулся, расправляя спину. Встреча с редактором была перенесена на конец недели, и свободный вечер он посвятил новой рукописи. Результат четырехчасовой работы был сохранен и отправлен в надлежащую папку на компьютере. Теперь на экране мелькал чудной узор на темном фоне, в колонках негромко играли «Deep Purple», а на часах было начало второго. Адам сел на подоконник и посмотрел в открытое окно. Ночь выдалась холодной. Недавно закончившаяся гроза оставила после себя только шелест дождя — идеальный аккомпанемент для ночных посиделок с чашкой чая и хорошей книгой, особенно если есть любимое кресло и теплый плед.

Адам бросил взгляд вниз, на темную мостовую. Он жил в спокойном районе, который находился в отдалении от центра, и, если в центре редко бывало по-настоящему шумно, то

на этих улочках постоянно царило спокойствие. В этой квартире Адам жил давно — он снял ее еще тогда, когда вернулся из Англии. Тогда он временно жил у друзей и подыскивал подходящее жилье. В средствах он ограничен не был, и поэтому квартиру мог выбрать любую, но выбирал придирчиво. Когда один из приятелей Адама познакомил его с хозяйкой его теперешнего дома, и он впервые вошел в квартиру, его будто ударило током. До этого он никогда не испытывал подобных ощущений — каждый уголок этой квартиры казался ему таким родным, будто он прожил тут всю жизнь. Хозяйка, увидев хорошо одетого джентльмена, попросила приличную плату, но Адаму было все равно, и он согласился. Приятель многозначительно покрутил пальцем у виска, а хозяйка осталась довольна. То же самое можно было сказать и про Адама.

В квартире был сделан ремонт, старую мебель сменили на новую (в последний момент хозяйку замучила совесть, и она предложила разделить расходы, но Адам отказался), а большую комнату разделили пополам. Теперь в квартире, помимо небольшой спальни, гостиной, кухни и ванной, был еще и кабинет. На балконе (непропорционально большом относительно площади квартиры, всегда думал Адам) появился столик с двумя стульями, где было очень уютно пить кофе по утрам и беседовать с друзьями по вечерам. Ванная была вычищена и теперь не напоминала ванну из рассказов про дома с привидениями. Из кладовки достали старый хлам, и теперь в ней хранились зимние вещи летом и, соответственно, летние вещи зимой.

Особой достопримечательностью квартиры были окна. Точнее, даже не окна, а подоконники. На них было удобно сидеть и изучать то, что происходит внизу. Адаму пришлось по душе такие посиделки. Особой прелестью они отличались по ночам. Ночью мостовая не отличалась от тех мостовых, которые описывают в романах про вампиров. Порой Адаму казалось, что он даже видит их тени — вон они, в темных плащах, бродят по улицам и ищут жертв... чтобы поужинать. Точнее, позавтракать, если принять во внимание их режим дня.

Звонок в дверь не только вывел его из задумчивого состояния, но и напугал — он чуть не подпрыгнул от неожиданности. Тени в темных плащах тут же куда-то испарились, и Адаму не оставалось ничего другого, кроме как слезть с подоконника и пойти в прихожую для того, чтобы открыть дверь.

Афродита положила руку на дверной косяк и улыбнулась.

— Добрый вечер, — сказала она. — Надеюсь, я не слишком поздно? И я тебя не отвлекаю? Если ты не один, то я могу зайти в другой раз...

— Что-то случилось?

— Ничего не случилось, но я буду рада, если ты меняпустишь.

Адам пропустил ночную гостью в квартиру. Афродита была в белом плаще, а на ее плече висела уже знакомая ему дорожная сумка.

— Спасибо, — поблагодарила она. — У меня к тебе есть просьба. Это, конечно, будет нагло с моей стороны. Я могу пожить у тебя пару дней?

— Конечно. Надеюсь, с доктором все в порядке?

— Не знаю. — Она пожала плечами и кивнула на компьютер. — Ты работал? Я тебя отвлекла?

— Уже закончил. Ты голодна?

— Нет. Но я бы с удовольствием выпила чаю. — Афродита с улыбкой покачала головой, видя, что Адам делает шаг по направлению к кухне. — Я сама приготовлю. И для себя, и для

тебя. Если уж сегодня мне не удалось побыть твоей музой, должна же я сделать что-то полезное?

Глава одиннадцатая

— Вы все-таки откажетесь от обеда? Даже если я скажу, что угощаю?

— Большое спасибо. Я не голоден.

Профессор Монтгомери взял нож и вилку и в очередной раз посмотрел на своего соседа по столу. Доктор Мори улыбнулся и одобрительно кивнул.

— Приятного аппетита.

— Вы выглядите совсем больным. Похоже, два дня отпуска не пошли вам на пользу?

— Я заканчиваю научную работу, так что отпуском это можно было назвать с трудом.

Профессор Монтгомери покачал головой.

— Мне не нравится ваше состояние. И еще меньше мне нравится ваше упрямство, которому я не вижу причин. Я знаю отличного онколога, и я хочу, чтобы вы побеседовали с ним. Это вас ни к чему не обязывает. Просто консультация.

— Вы знаете мое мнение на этот счет.

— Тогда возьмите пару недель отпуска и слетайте куда-нибудь к морю. Мне кажется, что климат этого города усугубляет ваше состояние. И возьмите свою красавицу-женщину с собой.

Доктор Мори перебирал в руках стакан с кофе и смотрел на часы на стене больничного кафетерия. Профессор Монтгомери оторвался от еды.

— Я сказал что-то не очень уместное? — спросил он. — Надеюсь, в личной жизни у вас все хорошо?

— В личной жизни у меня всегда все хорошо. Почти всегда.

Профессор Монтгомери отложил вилку.

— Послушайте, Вивиан, — сказал он. — Вы знаете, что я отношусь к вам как к сыну, и не только потому, что вы — самый младший из моих врачей, но и потому, что я симпатизирую вам как человеку. Когда вы пришли ко мне на собеседование — это было давно, но вы, конечно, помните тот день — я сразу понял, что не пожалею о том, что взял вас на работу. Вы знаете, что есть пациенты, которые не соглашаются, чтобы их оперировали другие врачи и ждут, что вы их прооперируете?

— Пока что я слышал такое только о докторе Миллере.

— Кстати, о докторе Миллере. Он через месяц переезжает в другой город. Я думаю, что вы сможете заменить его на должности руководителя онкологического отделения.

Вивиан поднял на него глаза. Профессор Монтгомери налил себе стакан воды и продолжил.

— Но у меня есть одно условие. Я хочу, чтобы вы задумались о своей жизни. Ваша склонность к саморазрушению не принесет ничего хорошего ни вам, ни окружающим. Вокруг вас есть много людей, которые ценят вас и хотят, чтобы вы вели себя благоразумно. Ваша женщина согласилась бы со мной, если бы она здесь присутствовала. — Он достал сотовый телефон. — Я дам вам номер моего друга — того, о ком я вам говорил. Даже если вы не узнаете ничего нового, просто побеседуйте с ним.

Доктор Мори снова кивнул и, тоже взяв со стола сотовый телефон, записал продиктованный профессором Монтгомери номер.

— В чем-то вы правы, профессор, — сказал он.

— Прошу прощения, что прерываю вас. Приятного аппетита, профессор.

Анжелика Гентингтон положила в карман халата пейджер.

— Присоединяйтесь. — Профессор Монтгомери кивнул на свободный стул. — Мясо очень вкусное. А ваш коллега, похоже, решил объявить голодовку — уже второй день за обедом он ничего не ест и позволяет себе только стакан черного кофе без сахара.

— Благодарю, я не голодна. — Анжелика посмотрела на Вивиана. — Мне нужна ваша консультация, доктор Мори. Но, если вы еще не закончили вашу беседу, я могу подождать.

— Все в порядке, доктор Гентингтон. — Вивиан поднялся и кивнул на прощание профессору Монтгомери. — Я обязательно созвонюсь с вашим знакомым.

— Не забудьте сообщить мне о результатах.

***

Прикрыв дверь своего кабинета, Анжелика подошла к столу и принялась приводить в порядок лежавшие на нем папки.

— Садитесь, — пригласила она. — Надеюсь, я не отвлекаю вас от важных дел? Операций у вас сегодня нет, а первый пациент будет через час. Единственный пациент после обеда, если я не ошибаюсь?

— Нет, потом ко мне заглянут еще двое. — Вивиан наблюдал за тем, как она раскладывает бумаги и прячет папки в ящик стола. — Признаться, я удивлен таким вниманием к моей работе. Насчет операционной я еще могу что-то предположить: может, вам срочно что-то понадобилось, а расписание не позволяет... но пациенты? Вы таким никогда не интересовались.

— Все случается впервые, доктор Мори. Вы часто повторяете эту фразу.

— Так что вы хотели у меня спросить?

Анжелика отложила папки и посмотрела на него.

— Вы оставляете впечатление умного человека, — сказала она. — Или, по крайней мере, такого, который быстро понимает, что к чему.

— Если вам нужна моя консультация как онколога, вы можете сказать об этом прямо. Или вам нужна моя консультация как психоаналитика?

— Мне нужна ваша консультация как человека, которому не дает покоя моя личная жизнь.

Анжелика подошла ближе к гостю и присела на стол — прямо напротив него. Вивиан поборол инстинктивное желание слегка отодвинуться, вежливо подчеркивая дистанцию.

— Видите ли, — заговорила она, — я подумала о нашем с вами разговоре тогда, в кабинете дежурного врача. А потом подумала о нашем с вами разговоре на вечеринке. Конечно, в том, как вы выражаете свои мысли, есть что-то отвратительное. Но это еще не значит, что в этом нет рационального звена.

Пауза затягивалась. Доктор Мори задумчиво потер висок. Анжелика наклонилась к нему.

— Я чем-то отличаюсь от остальных женщин-врачей, с которыми вы работаете?

— На свете нет ни одной похожей женщины, и вы об этом прекрасно знаете.

— Для вас все женщины одинаковы, потому что они женщины. В этом плане я отличаюсь от них?

— Разве что тем, что вы — очень красивая женщина, которая боится самой себя...

— Тогда что вас во мне не устраивает?

Вивиан поднялся и отошел от стола на пару шагов — теперь между ним и Анжеликой находилось кресло.

— Послушайте, доктор Гентингтон. Если вы таким образом решили еще раз подчеркнуть мою аморальность, не стоит. Это перестает быть забавным.

— Мне что, раздеться, чтобы вы поняли, о чем я говорю? Предложить вам заняться любовью в церкви? На кладбище?

Вивиан положил руку на спинку кресла и улыбнулся.

— А если я попрошу вас раздеться, вы это сделаете?

Анжелика легко пожала плечами и принялась расстегивать верхние пуговицы халата.

— Почему бы и нет? Сегодня здесь жарковато.

— Не надо. Доктор Гентингтон, что на вас нашло? Не подумайте, что я хочу вас обидеть...

— А мне кажется, что хотите. Меня нервирует тот факт, что наше общение ограничивается вашими монологами о прелести греха и моими репликами о том, что вас надо сжечь на костре.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула секретарь.

— Прошу прощения, доктор Гентингтон, — сказала она, — к вам пациенты.

Анжелика бросила взгляд на наручные часы.

— Как всегда, на пять минут раньше, — констатировала она.

— Пожалуй, мне пора. — Вивиан подвинул кресло к столу. — Меня пациенты не ждут, но было бы неплохо последовать вашему примеру и разобрать бумаги. И, так как мы не закончили разговор, предлагаю продолжить его вечером.

— Отличная мысль. Приходите в гости. Джеральд уехал на пару недель, так что я буду одна.

***

Афродита стояла напротив витрины книжного магазина и изучала яркие обложки новинок.

— Почти ничего хорошего, — уведомила она Адама. — Когда ты закончишь роман? У меня целая куча друзей-писателей, но они так медленно пишут, что хочется выть в голос.

Ночные улицы города освещали фонари, но их молочный свет был слишком слабым, и создавалось впечатление, что темнота намеревается их проглотить. Немногочисленные прохожие торопливо проходили по мостовой, поднимая воротники и кутаясь в шарфы. Дождя не было, но от этого теплее не становилось — дыхание превращалось в пар, который исчезал во мгле и становился частью сумрака.

Афродита достала из кармана плаща бархатные перчатки.

— Тебе не холодно? — спросил Адам.

— Я люблю холодную погоду. И ночь тоже люблю. Я часто гуляю ночью.

— В одиночестве?

Она пожала плечами.

— Кого мне бояться? Вампиров? Маньяков? Серийных убийц? — Она достала сигареты и, прикрыв огонек зажигалки рукой, закурила. — Кроме того, все вещи не от мира сего вызывают во мне любопытство.

Адам понимающе кивнул.

— Не могу с тобой согласиться, но о вкусах не спорят.

— А почему бы тебе для разнообразия не поспорить? Или ты думаешь, что маньяк или серийный убийца — это что-то, что должно вызывать любопытство?

— У меня это любопытства не вызывает, но ведь все люди разные.

— Иногда мне хочется сказать, что ты скучен. Ты когда-нибудь задумывался о том, что в тебе интересного? — Заметив, что Адам собирается ответить, она остановила его жестом. — Нет, не для меня. Для самого себя. Другим наплевать, что ты о себе думаешь. Для себя ты когда-нибудь пытался ответить на этот вопрос? Не думая о том, какое впечатление ты произведешь на других людей?

— Нет, — честно ответил Адам.

— Вот тебе и ответ на твой давний вопрос о том, что меня связывает с доктором.

Они снова двинулись по тротуару в неопределенном направлении. Легкий ветерок шевелил волосы Афродиты — не собранные и не прикрытые беретом, они свободно лежали на плечах.

— Он производит такое впечатление не потому, что у него какие-то особенные взгляды на жизнь, а потому, что он хорошо осведомлен о самом себе. И каждый день задает себе новые вопросы на этот счет. Просто для других это зачастую не заметно. Да и не важно. Кому какое дело, что ты о себе думаешь? Когда мы с ним познакомились, он тоже у меня спросил: «Как ты думаешь, что в тебе интересного?». И я так же, как и ты, промолчала, потому что ответа на этот вопрос у меня не было.

— А потом ты на него ответила?

— Да. Но потом появились другие вопросы. — Афродита посмотрела на звездное небо и затянулась сигаретой. — Вначале мне было любопытно. Мне нравилось с ним разговаривать, в его обществе я чувствовала себя уверенно и спокойно. У меня было ощущение, что я могу спать с ним в одной постели обнаженной, но он и пальцем ко мне не прикоснется — настолько я ему доверяла. Ну, это, конечно, образное сравнение. — Она рассмеялась и посмотрела на Адама. — В то время я не могла думать о чем-то большем. Его предложение собрать вещи и переехать к нему оказалось для меня полной неожиданностью...

Афродита замолчала, разглядывая подвыпивших подростков, которые прогуливались по другой стороне улицы.

— Если честно, не знаю, чем я его так зацепила. У меня не такая уж чтобы выдающаяся внешность — я всегда считала себя симпатичной, но не более. Я не была тогда опытной и искусной любовницей. Наверное, в этом мире есть что-то, чего мы не понимаем. То есть, я в этом уверена — есть, и это что-то сводит незнакомых людей. И не стоит пытаться понять логику. Мы занимались любовью, потом сидели на балконе и смотрели на звезды, потом снова занимались любовью... наверное, он подумал, что зря со мной связался. Впрочем, мне он этого не говорил. С другой стороны, если бы не я, он бы не решился на вторую диссертацию. Так что в какой-то мере мы повлияли друг на друга. Хорошо или плохо — это другой вопрос. — Афродита выбросила недокуренную сигарету и потушила ее каблуком сапога. — Однажды он дал мне попробовать тот кофе, который ты недавно пил. И потом сказал: «Мне нравится, что ты начинаешь понимать». Я не знала, что это значит. Но потом поняла.

— И что же это значит?

— На самом деле, это значит очень многое, Адам. К примеру, то, что иногда мы осознаем, что совсем не те, кем являемся. Но если у нас нет мужества это признать, если у нас недостаточно смелости для того, чтобы идти той дорогой, которая нам нравится, то мы будем стоять на месте, и в конце пути так никуда и не придем — потому, что не двигались. Дело тут не в пороке. Дело тут в том, что люди боятся исследовать себя изнутри не потому,

что они испытывают страх перед откровенностью. Они боятся найти там что-то безумное. Что-то, что заставит их пересмотреть свои взгляды на вещи. Когда они переступают через этот страх, то начинают понимать.

Адам слушал таинственные и пугающие звуки ночного города. Все они были приглушенными, почти неслышными, и это только усиливало мистический эффект.

— Понимаю, — сказал он.

— Ты уже давно начал понимать. Но основная масса открытий тебя ожидает впереди.

Спутники снова замолчали. Афродита разглядывала камни мостовой под ногами.

— Ты веришь в любовь, Адам? — спросила она.

— Не думаю, что тут уместно говорить о вере.

— Эти мысли не выходят у меня из головы. — Она поддела носком сапога небольшую веточку. — Мне плохо без него, понимаешь? И становится еще хуже, когда я думаю о том, что сделала ему больно. Уж чего-чего, а боли в его жизни больше чем достаточно. Когда ему совсем плохо, он пьет снотворное и засыпает, а я ложусь рядом и обнимаю его. И мне хочется думать, что так ему будет легче. Если бы я могла взять часть боли себе, то обязательно бы это сделала...

— Я думаю, вам стоит поговорить. Позвони ему. Или приди домой. Он ведь тебя не выгонит.

Афродита покачала головой.

— Он должен подумать в одиночестве, вообразить себе ужасные картины и довести себя до нервного срыва, а потом позвонить и сказать, что хочет меня видеть. Ох, мужчины. — Она подняла воротник плаща. — Пойдем домой. Там есть горячий чай.

Глава двенадцатая

Светловолосый молодой врач сидел за столом и мелким, слегка угловатым почерком заполнял медицинскую карту пациента. В какой-то момент перо ручки едва слышно скрипнуло, и на бумаге появилась крохотная лужица чернил.

— Ну вот, — печально проговорил врач, спешно прикладывая к чернильному пятну промокательную бумагу. — И почему, когда нужно заполнить важные бумаги, мне под руку всегда попадается этот паркер? — Он открыл ящик стола. — Ничего не понимаю. У меня тут был целый склад канцелярских принадлежностей... доктор Мори, у вас, случайно, нет ручки?

Вивиан достал из кармана пиджака ручку и положил ее на стол.

— Прощу вас. Только сделайте одолжение — не называйте меня доктором. Я ведь просил вас обращаться ко мне по имени.

Врач кивнул и снова склонился над картой.

— Вы нервничаете, — заметил доктор Мори. — Потому, что вы младше меня на три года, и я тоже врач, но сижу тут в качестве пациента, или по другой причине?

— Если честно, доктор... ох, простите, Вивиан, — тут же поправил сам себя врач. — У меня дома на полке стоят ваши книги, тут, в столе, лежат ваши научные работы... и вдруг профессор Монтгомери рекомендует меня вам как специалиста по онкологии. Это воспринимается как... злая шутка. И, если совсем честно, я думал, что вы будете вести себя иначе.

Вивиан провел ладонью по конверту с рентгеновскими снимками, который лежал на столе.

— И как же я должен был себя вести?

— Как... врач. Я боялся, что вы поставите под сомнение мой диагноз, и...

— Я расскажу вам невеселую историю, доктор Лоуренс. В первые дни моей практики ко мне на прием пришел пациент, который тоже был онкологом. У него была злокачественная опухоль пищевода, почти классический случай. Вместе с результатами анализа крови и биопсии диагноз поставил бы даже студент. Врач сообщил мне, что диагност из меня хуже некуда, онколог — тем более, и что мне надо вернуться в университет для того, чтобы повторить материал. Потом он, наверное, решил, что я еще не до конца убедился в своем непрофессионализме, и назвал мне с десятков медицинских терминов, которые я слышал впервые. После этого я прихожу на прием к врачу не как врач, а как пациент.

Доктор Лоуренс вздохнул с облегчением и дописал оставшиеся пару строк в карте.

— Ну, вот и все, — сказал он.

— Каким будет приговор, доктор?

Врач взял снимки.

— Знаете, я хотел сказать вам, что вы очень мужественный человек. У меня есть пациенты с диагнозом, аналогичным вашему, и они не могут встать с постели без лошадиной дозы морфия. А вы преподаете, занимаетесь наукой, работаете... и еще вы оперирующий хирург... — Доктор Лоуренс посмотрел на Вивиана. — Вы много курите?

— Две-три сигареты в день. Иногда могу не курить пару недель.

Доктор Лоуренс поднял бровь.

— Но я думал...

— Когда я учился в университете, у меня в кармане была пачка хороших сигарет, но половину я раздавал друзьям, потому что стипендия у нас была жалкая, а курить им хотелось. Я мог выкурить пару сигарет в баре или на вечеринке, но позволял себе это очень редко. Попробовали бы вы, доктор, танцевать, будучи курильщиком. Когда-то я даже пробежал три раза в неделю по десять километров. Хорошие были времена. В этом, — он кивнул на лежавший на столе портсигар, — не больше никотина, чем в табаке для кальяна. Для меня гораздо важнее спасительный опиум.

— Не думаю, что это лучше, чем никотин.

— Зато это предпочтительнее боли.

Врач пожал плечами.

— Это ваш выбор. Думаю, вы сами понимаете.

— Если бы я выбирал между саркомой и здоровьем, то предпочел бы здоровье. Потому что саркома — не та женщина, которую я хотел бы ощущать неотъемлемой частью себя.

— Если вы хотите делать операцию, то решение вам нужно принимать сейчас. — Заметив, что Вивиан хочет что-то сказать, доктор Лоуренс покачал головой. — Перед тем, как отвечать, подумайте. Я не буду обещать вам полное выздоровление. Но вы проживете еще как минимум десять лет. Сейчас вам тридцать три. Десять лет — это огромный срок.

— Давайте отнимем от этого срока год, во время которого я вряд ли смогу полноценно работать после операции. И у нас получится девять лет. На пару лет больше оптимистичного прогноза, который мне давал мой лечащий врач.

— Из обещанных вам семи лет как минимум три года вы проведете в больнице больше времени, чем вы проводите сейчас, будучи врачом. А в последний год вы не сможете встать с кровати, потому что та боль, которую вы сейчас чувствуете во время самых сильных приступов, не будет идти ни в какое сравнение с болью, которую вы будете чувствовать тогда. Вам не помогут ни морфий, ни опиумный пластырь. Вы будете хотеть только одного — умереть. Вы тоже онколог. Вы видели глаза людей, которым осталось жить пару недель. Героизм — это хорошо, доктор Мори. Но боль делает из любого героя ничтожество. И мне бы не хотелось видеть вас через несколько лет в палате этажом ниже.

Вивиан молчал, разглядывая лежавшие на столе снимки. Доктор Лоуренс закрыл карту и отложил ручку. За окном послышалась сирена «скорой помощи», и приятный женский голос диспетчера в громкоговорителе попросил нескольких врачей «срочно спуститься в приемный покой».

— Я должен подумать, доктор, — заговорил Вивиан. — Я сообщу вам о своем решении.

— Надеюсь, оно будет правильным.

— Я тоже.

— У меня есть к вам небольшая просьба. — Доктор Лоуренс смутился. — Я знаю, что вы сейчас работаете над экспериментальным лекарством от рака крови, и ищете студентов-практикантов для того, чтобы они помогли вам в исследовании.

— Вас интересует исследование? Вы, конечно, давно не студент и не практикант, но я сочту за честь работать с вами. Статью мы напишем вместе, и половина лавров победителя достанется вам.

— Что вы, я и не думал про статью...

— Жаль. Ваша жена тяготеет к научной работе. Милена Лоуренс — это ведь ваша жена? Третий курс. Я читаю им лекции по теории клинического психоанализа. Она сидит в первом

ряду и задает больше вопросов, чем все студенты в группе вместе взятые. Иногда ее вопросы ставят меня в тупик.

— Она не раз говорила мне, что плохо понимает материал, и ей приходится задавать много вопросов... и что она чувствует себя неуютно, потому что иногда кажется, что вопросы задает только она одна.

— Так, значит, это все же ваша жена. Очень хорошо. Один раз она задала мне вопрос насчет несоответствий в теории профессора Фрейда, и я всю ночь просидел над книгами, но ответа так и не нашел. Надеюсь, она во мне не разочаровалась...

— Доктор Лоуренс, срочно спуститесь в приемный покой, — снова раздался в громкоговорителе голос диспетчера.

Врач поспешно поднялся и взял со стола стетоскоп.

— Простите, — извинился он. — Каждый раз, когда я дежурю, мир переворачивается с ног на голову. — Он посмотрел на Вивиану. — Я жду вашего звонка.

— Мне нужно будет побеседовать с вами насчет исследования. Вы сможете заглянуть в университет послезавтра около полудня?

— Да, послезавтра у меня выходной, так что я свободен.

— Мой кабинет находится на третьем этаже, первая дверь справа от лестницы. Вы доберетесь до города на поезде или, может быть, вас подвезти?

— У меня есть машина.

— Был рад знакомству, доктор Лоуренс.

— Взаимно, — кивнул врач и, пожав Вивиану руку, вышел из кабинета.

***

Анжелика Гентингтон несколько секунд изучала стоявшего на пороге ее квартиры доктора Мори, после чего посторонилась и пригласила его войти.

— Прошу прощения, что подвел вас вчера, — заговорил Вивиан, снимая плащ. — Мой интерн в очередной раз что-то отчудил в приемном покое, и мне пришлось ему помочь.

— Это тот самый Эрик Кросс? Вы с ним были в кабинете дежурного врача в тот вечер, когда я плохо себя чувствовала?

— Да, это тот самый Эрик Кросс, которому не помешало бы укоротить язык. И еще ему пора понять, что врач должен уметь брать ответственность за свои поступки.

Анжелика взяла у гостя плащ.

— Он произвел на меня впечатление вежливого молодого человека.

— Просто вы ему нравитесь, и с вами он ведет себя иначе. Как прошел ваш день?

— Сегодня у меня был выходной. Я слышала, что вас можно поздравить, вы замените доктора Миллера на должности руководителя онкологического отделения?

— Надо же, как быстро распространяются слухи. И теперь можно будет сказать, что шампанское я принес для того, чтобы это отметить.

— Присаживайтесь. Я принесу бокалы.

В гостиной не было ничего, кроме дивана, двух кресел, журнального столика, шкафа с прозрачными дверцами с аккуратно расставленной праздничной посудой внутри и небольшого пианино. Вторая часть комнаты была отделена прозрачной светло-серой ширмой с японским рисунком. Отделенный уголок служил не для приема гостей, а для другой цели: помимо двух удобных кресел, там можно было увидеть стереосистему, телевизор и проигрыватель DVD.

Стремление уделять всему свое место было совсем не характерно для Джеральда, но

более чем характерно для Анжелики. Чего нельзя было сказать о картинах и небольших скульптурах: Джеральд всегда тяготел к искусству «не для всех», а Анжелика любила понятные и простые полотна и скульптуры.

— Вы голодны?

Вивиан отвлекся от изучения гостининой.

— Нет, спасибо. Позвольте, я помогу вам с шампанским.

Анжелика согласно кивнула и, поставив принесенные бокалы на стол, опустилась в одно из кресел. На этот раз она остановила свой выбор на маленьком черном платье: юбка чуть выше колена, декольте и открытая спина. Туфли на высоком каблуке и свободно лежавшие на плечах волосы завершали образ. Обычно доктор Гентингтон носила удобную обувь на плоской подошве и собирала волосы в строгую прическу. То же самое можно было сказать и о ярком макияже: на работе Анжелика пользовалась бледно-розовой губной помадой, и на этом ее роман с косметикой заканчивался. Цепочка с крестиком до сих пор была на ее шее, но на этот раз к ней прибавилась тонкая нитка жемчуга.

— Вы замечательно выглядите.

— Вы наконец-то увидели мои ноги, доктор Мори. Вы счастливы?

В дополнение к своим словам Анжелика положила ногу на ногу. Вивиан отдал ей один из бокалов.

— Не буду отрицать очевидного. Но ваш тон мне не нравится. Вы говорите так, будто я пришел с целью вас соблазнить.

— Ах, так вы пришли для того, чтобы выпить со мной?

— Мы обсудим это позже. — Вивиан поднял бокал. — Ваше здоровье.

Анжелика сделала пару глотков шампанского.

— Ваша женщина, похоже, разделяет ваши свободные взгляды на многочисленные любовные связи? Иначе вы не пришли бы ко мне вот так, да еще и вечером.

— Похоже на то. А вы в очередной раз поссорились со своим мужем?

Она легко пожала плечами.

— Я бы так не сказала. Мы уже пару месяцев почти не общаемся, и никто не делает шагов навстречу. Иногда я думаю о том, что наш брак уже себя изжил. Или же это просто кризис трех лет?

— Ох, эти психологи. Они готовы на все, чтобы оправдать свои диагнозы. Даже выдумывают теории о кризисах отношений.

— А вы не верите в эти теории?

— Я практикующий психоаналитик, доктор Гентингтон. Не думаю, что мои пациенты вылетят от фразы «у вас кризис трех лет». Я ищу причины, а не оправдываю происходящее в жизни людей теориями. Во всяком случае, мне не хотелось бы думать, что вы вели себя подобным образом вчера потому, что у вас проблемы с Джеральдом.

— Как мне кажется, одно с другим не связано.

Вивиан сел в кресло напротив нее.

— Кто из вас музыкант? — спросил он, кивнув на пианино.

— Я. Вы хотите, чтобы я вам сыграла?

— В другой раз. Вы мне нравитесь, доктор Мори.

В ожидании ответа Анжелика провела ладонью по волосам.

— Когда вам пришла в голову такая мысль?

— Незадолго после того, как мы с вами познакомились. Хотя... не буду обманывать,

скажу точнее. Мы тогда вместе дежурили, и «скорая» привезла пациента с кардиостимулятором. Вы не знали, что с ним делать, и позвали меня. Когда я вошла в операционную, вы выглядели совершенно потерянным. Обычно меня злит подобное поведение молодых врачей, но в тот раз я не разозлилась. В вас есть что-то очень трогательное, когда вы растеряны.

— Помню, вы тогда довольно грубо крикнули мне: «Доктор Мори, что вы стоите, как студент-первокурсник во время первого визита в анатомичку? Готовьте инструменты!». Я знал, что нужно готовить инструменты, но руки у меня дрожали так, что я боялся к чему-либо прикоснуться.

— Если вы заметили, в операционной я обычно разговариваю на повышенных тонах.

— Да, вы любите, когда вам подчиняются. Это помогает вам загнать подальше мысли о том, что внутри вы ощущаете совсем другое.

Анжелика подняла бровь, но через долю секунды ее лицо снова приняло спокойное выражение.

— Может быть, — коротко ответила она.

— Вы плохо знаете себя, доктор Гентингтон. Вы выбрали религию потому, что она дает вам возможность не мучить себя мыслями о собственной природе и желаниях. Когда за вас кто-то выбирает путь, жить комфортнее. У вас есть ответы на все вопросы. Если у вас нет ответа на какой-то вопрос, вы о нем забываете, считая его неправильным. Но когда-нибудь у вас появится вопрос, на который вам во что бы то ни стало нужно будет найти ответ. Что вы будете делать тогда?

— Я не задаю себе таких вопросов.

— Я могу попросить вас подойти к зеркалу?

Анжелика поднялась и подошла к большому зеркалу, висевшему на противоположной стене. Вивиан встал рядом, но чуть в стороне — так, чтобы она не видела его отражения.

— Вы хотите, чтобы я полюбовалась на себя? — с улыбкой спросила Анжелика.

— Я хочу, чтобы вы разделись.

Анжелика сняла с плеч платье, выскользнула из туфель. Вивиан кивнул, предлагая продолжать.

— Полностью? — спросила она неуверенно.

— Да.

— Вот, пожалуйста. Вы довольны?

— А теперь посмотрите на себя. Для начала посмотрите в глаза. А потом оглядите целиком.

Анжелика оглядела свое отражение.

— Что вы видите? — задал очередной вопрос Вивиан.

— Я вижу... свое тело. Вместителище души.

— Как часто вы разглядываете себя вот так, в полный рост, без одежды? Что вы чувствуете?

Анжелика молчала. Она продолжала изучать свое отражение, и постепенно ее щеки заливались румянцем.

— Вас это смущает? — заговорил доктор Мори.

— Да, думаю, что так.

— Почему вы боитесь собственного тела? Не потому ли, что вы с ним не знакомы? Вы скрываете его одеждой, вам и в голову не приходит посмотреть на него вот так. Вы боитесь

увидеть что-то страшное?

— Я... я не знаю.

— Подумайте о том, что вы не просто боитесь собственного тела. Вы боитесь его реакций. Вы не знаете, что доставляет ему удовольствие. Вы не знаете, как ваша кожа реагирует на прикосновения. Попробуйте прикоснуться к себе. Не бойтесь. Это не страшно.

Анжелика провела рукой по плечам, прикоснулась к груди и к животу.

— Вы продолжите бояться себя, если не будете знать свое тело. Вы можете спрятаться от кого угодно, но только не от себя. Если вы не можете ответить на вопрос «что вы хотите» для себя как вы ответите на этот вопрос, если его задаст кто-то другой? К примеру, ваш муж? Конечно, вы будете чувствовать себя несчастной. Как вы сказали? Вместителище души? Как вы думаете, душе, этому совершенному — по крайней мере, более совершенному, чем тело — созданию, будет уютно, если вы не заботитесь о совершенствовании ее вместителища?

— Я не думаю, что грех — это стремление к совершенству.

— Слово «грех» придумали те люди, которые боятся самих себя, доктор Гентингтон. Грех — это не запрет делать то, что может доставить вам удовольствие. Это добровольное заключение в придуманные кем-то рамки, которые не дают жить полной жизнью.

— Вы точно Дьявол, доктор Мори. Сегодня я в этом убедилась.

Вивиан подошел к ней и обнял за плечи. Анжелика вздрогнула и посмотрела на него в зеркало.

— Ни крестик, ни еженедельные походы в церковь не меняют вас изнутри. Сколько бы мы ни тянулись к религии, мы останемся людьми. Конечно, душа тянется к прекрасному, если ваши взгляды достаточно широки. Но помимо души у нас есть еще и тело. Мы изучаем психологию, соционику, физиогномику... но почему мы уделяем так мало внимания нашему телу? Науку о душе давно возвели в культ. А в культе тела есть что-то постыдное?

— В этом нет ничего постыдного, если не переходить границы.

— Границы, которые вам указала религия? Которые вам указывают окружающие, тем самым оправдывая в собственных глазах свою ограниченность? Или границы, которые придумали вы, опираясь на какие-то мифические моральные принципы? Для того чтобы узнать свои границы, вы должны узнать то, что находится внутри этих границ. Зачем рисовать карту, если вы и понятия не имеете, что это за карта и как с ней работать?

Теперь Анжелика смотрела не на свое отражение, а в пол, и молчала.

— Скажите что-нибудь, — попросил Вивиан. — Я чувствую себя неудобно.

— Я тоже чувствую себя неудобно.

— Тогда, думаю, мне лучше уйти.

Она коснулась его руки на своем плече.

— Нет, — ответила она негромко. — Я хочу, чтобы вы остались.

— Но вы сказали, что чувствуете себя неудобно. Я решил, что...

— Мне наплевать на то, что вы решили.

Вивиан коснулся ее волос. Анжелика снова смотрела в зеркало.

— У меня тоже есть границы, но через пять секунд я переступлю последнюю. И за ней границ нет.

— Хорошо. Вы поможете мне составить карту. Или, по крайней мере, сделать ее набросок.

Глава тринадцатая

Роберт Диксон уже давно причислил себя к людям, которых невозможно удивить. Нет, это вовсе не означало, что ему наскучила жизнь. Это, скорее, определяло его мировоззрение: что бы с ним ни происходило, он относился к этому с философским спокойствием, а его кредо была фраза царя Соломона «все пройдет — и это пройдет». Доктор Диксон родился в крошечном городке в Европе в семье военного, объездил почти весь мир, был дважды женат и имел троих детей, которые уже давно выросли и теперь жили собственной жизнью. Большую часть своей жизни Роберт, травматолог по специализации, проработал военным хирургом. Он успел побывать почти во всех горячих точках мира и увидеть практически все, что можно было увидеть. И поэтому он полагал, что его ничем не напугать — по крайней мере, чем-то, что связано с его работой.

Когда доктор Диксон отметил свой сороковой день рождения, то решил, что горячие точки обойдутся без него, и отправился на покой. Покоем для Роберта оказался приемный покой: он начал работать врачом на «скорой помощи». Спустя пару лет профессор Монтгомери убедил его в том, что военному хирургу с таким опытом работы не пристало быть обычным врачом, и доктор Диксон согласился занять должность руководителя отделения экстренной медицины. Профессор Монтгомери был рад — он знал, что нашел подходящего человека. Доктор Диксон тоже был рад — он понял, что адреналина в работе хватает не только тогда, когда ты работаешь военным хирургом.

Сейчас Роберт сидел за столиком в баре и пил свой любимый ирландский виски, изредка поглядывая на двери — доктор Мори опаздывал на пятнадцать минут. Даже если принять во внимание их сегодняшнее дежурство — сошедший с рельсов поезд, двенадцать погибших, десятки раненых и всего четверо врачей на весь приемный покой (от интернов в таких случаях было мало толку) — Вивиан вряд ли позволил бы себе опаздывать без уважительной причины.

— После такого вечерка я был бы не против хорошенько выпить, — поделился доктор Диксон с коллегой в тот момент, когда они вышли встречать очередную команду парамедиков.

— Поддерживаю, — ответил доктор Мори, снимая хирургическую маску и с наслаждением вдыхая свежий ночной воздух. — Надеюсь, мы управимся до полуночи.

До полуночи управиться не удалось. Последних пострадавших распределили по палатам в начале второго. Вивиан отказался от помощи в заполнении документов, сказав, что закончит максимум через час, и Роберт отправился в бар в одиночестве.

Подошедший к столику доктор Мори выглядел неважно. Он с трудом стоял на ногах от усталости, и поспешил занять один из стульев.

— Сколько? — спросил Роберт, подразумевая количество погибших.

Вивиан с апатичным видом покачал головой и снял перчатки из тонкой кожи.

— На тот момент, когда я уходил, было четырнадцать. Но мужчина с пробитой головой — не жилец. И дама с травмой позвоночника тоже. «Скорые» добрались туда только через час. Если бы они приехали раньше, жертв было бы меньше. Налейте мне рюмку водки, — обратился он к официантке. — И приготовьте что-нибудь. Желательно, мясное. Умираю от голода.

Роберт сделал глоток виски.

— А ведь сегодня вместо тебя должна была дежурить доктор Гентингтон, — сказал он. — У нее на самом деле был больной голос, когда она тебе звонила? На нее не похоже — она никогда не просит, чтобы кто-то ее заменял.

— Когда я уходил от нее с утра, она жаловалась на боль в ушах. Осложнение после гриппа. Так оно обычно и бывает, когда переносишь болезнь на ногах.

— Твоя правда. При гриппе надо отлежаться, а то себе дороже. — Роберт уже поднес к губам стакан, но остановился. — Когда ты уходил от нее с утра?

— Да. Около восьми. А потом купил пакет молока и поехал домой.

— А мы с парамедиками заключали столько пари — произойдет ли это когда-нибудь или нет. Мне проспорили больше ста долларов! Ну что, госпожа Монашка не такая святая, какой кажется? Чем вы там вообще занимались?

— Исследованием границ.

Роберт поднял глаза к потолку, делая вид, что размышляет над последней репликой.

— Звучит неплохо, — констатировал он. — Может, сегодня она не заболела, а пошла в церковь замаливать грехи?

— На целый день? Не думаю, что мы так много нагрешили.

— Ты себя недооцениваешь. Стоит тебе открыть рот — и доктору Гентингтон нужно будет молиться несколько часов подряд. «Как вы можете такое говорить, доктор Мори?», передразнил он Анжелику. «Вам хотя бы когда-нибудь бывает стыдно за свои слова?!».

Они с Вивианом дружно рассмеялись, и последний принялся за еду. Роберт тем временем допил виски и заказал еще одну порцию, попросив принести и ему что-нибудь съестное.

— Расскажи, как тебе это удалось, — попросил он. — Вот что меня интересует больше всего.

— Если я скажу, что удалось это, скорее, ей, а не мне, то ты мне не поверишь?

— Конечно, не поверю! Я вырос из того возраста, когда верят в сказки. Но почему-то мне кажется, что ты говоришь правду. Хотя я не могу представить, что должно произойти с Анжеликой Гентингтон для того, чтобы она вешалась тебе на шею.

— Женская душа. Нам не дано знать, что там внутри.

— Кстати, совсем забыл. Что ты думаешь по поводу братьев Тейлор? Интересная история, да?

Вивиан поднял глаза.

— О чем ты?

— Ты что, не читаешь газеты? Вчера вечером кто-то застрелил братьев Тейлор. Один из них, Фредерик, скончался на месте. Второго, Ника, успели привезти в больницу. Пять пулевых ранений: три в грудь и два в голову. Сразу было видно — не жилец. Это тот парень, которого я подвозил от тебя в больницу, да? Кстати, ты отлично его зашил для «полевых» условий. Только ненадолго.

Роберт рассмеялся своей шутке и подхватил кусочек колбасы с принесенного официанткой блюда.

— Я... впервые об этом слышу, — сказал Вивиан. Он помолчал и добавил: — Бедная Афродита.

— Скажи, тебе еще не надоело? Потому что мне надоело смотреть на то, как ты мучаешься, не спишь по ночам и ничего не ешь. Либо реши, что ты не хочешь иметь с ней ничего общего, либо реши на ней жениться. За эти четыре года вы свели с ума и друг друга, и

окружающих. Может, ты ждешь, что тебе на голову упадет знамение? Не упадет. А ей это надоест, и она бросит тебя ко всем чертям. И тогда ты, наконец, узнаешь, каково это — когда тебя кто-то бросает.

— Однажды я уже решил, что хочу жениться. Ты в курсе, что из этого получилось.

Роберт подвинул к себе вторую порцию виски.

— Скажи, когда впервые перед тобой на операционном столе умер пациент, ты решил, что не хочешь быть хирургом?

— Это плохой пример, Роберт.

— Может, ты решил, что не хочешь быть онкологом, когда у тебя умер первый пациент? Понимаешь, к чему я клоню?

Доктор Мори устало покачал головой и вернулся к еде.

— Я понимаю. Но от этого мне не легче.

Роберт взял с блюда очередной кусок колбасы.

— Ну, а что там у нас с доктором Гентингтон? Я, конечно, не испытываю и доли твоей страсти портить все чистое, но в какой-то мере тебя понимаю. На выходных надо будет сходить в какой-нибудь клуб. Я давно не отдыхал.

***

Адам стоял напротив трехэтажного здания в центре города, первые два этажа которого занимали офисы и магазины, и думал о том, что ожидал увидеть клинику доктора Мори в другом месте. Почему-то он был уверен, что клиника — это частный дом если не за городом, то вдали от центра.

Внутри здания было прохладно (день выдался жаркий, и кондиционеры старались на славу). Адам некоторое время постоял возле лифта, изучая таблички с расположением офисов. Адвокатская контора. Косметический салон. Парикмахерская. Курсы испанского языка. И, наконец: «Вивиан Мори, доктор медицины. Психиатр». После имени доктора шло другое имя: «Ванесса Портман, доктор медицины. Психиатр». Адам нажал на кнопку вызова лифта, и тот будто ждал его — двери открылись в ту же секунду.

Второй этаж мало чем отличался от фойе: белоснежные стены, зеленые ковровые дорожки и обилие комнатных растений. Людей тут практически не было — в основном, сотрудники офисов, которые иногда выходили на небольшую кухню для того, чтобы приготовить себе кофе или налить стакан воды. Адам толкнул стеклянную дверь, на которой висела уже знакомая ему табличка с именем доктора Мори и таинственной Ванессы Портман, и вошел.

Крохотная приемная вмещала в себя письменный стол секретаря, журнальный столик и два кресла. Возле одной из стен стоял большой шкаф, набитый пухлыми папками. Дверь на балкон была открыта, и слабый ветерок трепал занавеску.

Секретарь, молодая светловолосая девушка в легком платье, сидела на своем месте. Увидев Адама, она поднялась навстречу посетителю и приветливо улыбнулась.

— Здравствуйте, — сказала она. — Вы к доктору Мори или к доктору Портман?

— К доктору Мори, — ответил Адам. — Я его друг.

— Понимаю. — Девушка снова села. — У доктора пациент, он освободится минут через пятнадцать. Может быть, вы хотите кофе?

— Лучше чего-нибудь холодного.

Адам принял у секретаря стакан воды, поблагодарил ее и в очередной раз оглядел приемную. Если бы кто-то забрел сюда по ошибке, он никогда бы не подумал, что здесь

работают психоаналитики. На психоанализ намекал разве что портрет профессора Фрейда, висевший над столом секретаря. Там же можно было увидеть фотографию доктора Мори и брюнетки с аристократичными чертами лица: видимо, это и была Ванесса Портман. Фото было сделано на каком-то научном симпозиуме: по крайней мере, интерьер актового зала университета за их спиной узнавался без труда. Доктор держал в руках какую-то книгу. Брюнетка держала доктора под локоть. Оба они улыбались, и выглядели кем угодно, но не врачами: Вивиана во фраке и брюнетку в белом вечернем платье можно было принять за семейную пару известных актеров, которые позируют фотографам на красной дорожке Каннского фестиваля.

Увлеченный изучением фотографии, Адам не заметил, как одна из внутренних дверей кабинета открылась, и на пороге появилась невысокая женщина в красном брючном костюме.

— Добрый день, — поздоровалась она. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

Адам перевел взгляд на женщину. В ней можно было узнать брюнетку с фотографии, но с трудом: теперь она носила короткую прическу и выглядела моложе — вероятно, потому, что искусством макияжа владела в совершенстве.

— Я пришел к доктору Мори.

— Что же, не буду красть у него пациентов. — Женщина протянула ему руку. — Доктор Ванесса Портман. А вы, судя по всему, тот самый Адам Фельдман, о котором он мне рассказывает вот уже который день? Приятно познакомиться. При случае я попрошу у вас автограф, люблю ваши книги. — Она кивнула на принесенный Адамом пакет. — Там, случайно, нет ваших книг?

Адам улыбнулся.

— Это книги доктора. Мне немного неудобно — я обещал вернуть их неделю назад, но у меня не было времени на чтение...

— Надеюсь, потому, что вы были заняты работой над новой рукописью?

Доктор Портман заняла второе кресло. При более близком рассмотрении можно было понять, что она не так молода — ей уже давно за тридцать, если не за сорок, хотя выглядела она хорошо: возраст ее выдавала разве что тень мимических морщин. Ванесса спокойно изучала нового знакомого и не торопилась заговаривать, чем напомнила Адаму манеру доктора Мори дожидаться ответа собеседника. Взгляд ее темных глаз был цепким, даже, можно сказать, жестким, и контрастировал с нежной внешностью.

— Да, вы правы, — заговорил Адам. — Если я продолжу работать в таком же темпе, думаю, смогу закончить черновик через пару месяцев.

— Работа писателя напоминает работу психоаналитика. Мы тоже любим покопаться в человеческой душе. Я обратила внимание, что вы разглядывали фото. — Она посмотрела на фотографию над столом. — Это день публикации одной из моих книг. Доктор Мори появился там совершенно случайно, но вы, наверное, уже успели его узнать, так что промолчать не смог. На презентации он задал мне пару вопросов, которые не только смутили меня, но и сбили с мысли. А потом, когда презентация была закончена, подошел ко мне и продолжил задавать вопросы. Я хотела отмолчаться и сказать, что не хочу отвечать, но он не отделается, пока не услышит ответ — это вы, наверное, тоже успели понять. Так что пришлось рассказать доктору о своей личной жизни. — Она улыбнулась. — Ему понравилось. Но на самом деле он просто хотел открыть свою клинику и искал компаньона.

— Книга была связана с вашей личной жизнью? — полюбопытствовал Адам.

Доктор Портман достала из кармана брюк сигареты и, закурив, подвинула к себе пепельницу.

— Если говорить в общем, это анализ феномена лесбийской любви. А более подробное обсуждение быстро наскучит вам — слишком много терминов.

— Так вы... предпочитаете женщин?

Ванесса выпустила струйку дыма.

— По мне не скажешь?

— В общем-то... нет. Но теперь я, кажется, понимаю, почему доктор решил с вами работать. Ему нравится, когда его окружают... необычные люди.

— Доктору нравится, когда его окружают люди, имеющие гибкие моральные принципы. Но не думаю, что он решил работать со мной по этой причине. Ему не нравилась мысль о служебном романе такого рода: сложно находиться в одном офисе с человеком и одновременно с ним спать. Рано или поздно это отразилось бы на работе. — Она снова улыбнулась. — А теперь здесь царит гармония. До тех пор, пока наши интересы в плане женщин не пересекутся.

Доктор Мори выглянул из своего кабинета и окинул взглядом приемную.

— Я услышал знакомый голос, и теперь вижу, что мне не показалось. Здравствуйте, господин Фельдман.

Ванесса потушила сигарету в пепельнице и поднялась.

— Продолжу разбирать бумаги, — сказала она. — Приятного вам дня, господин Фельдман. В следующий раз я обязательно приду на вашу презентацию. Помните, вы обещали мне автограф.

— Сильвия просила передать тебе, что задержится, дорогая, — сообщил ей Вивиан. — Срочные дела на работе.

Доктор Портман удивленно подняла бровь.

— С каких это пор она звонит тебе, а не мне?

— Вот уж не знаю, что сказать. Вероятно, ты не отвечала на телефон.

— Похоже, мой прогноз насчет интересов в плане женщин подтверждается.

Ванесса весело подмигнула Адаму и скрылась за дверью своего кабинета.

— Прошу вас, проходите, — пригласил гостя Вивиан. — Надеюсь, вы не очень долго ждали?

— Нет, совсем нет.

Кабинет доктора Мори был почти полной копией его домашнего кабинета. За исключением, разве что, книжных полок — вместо них здесь находился шкаф с медицинскими картами больных. И еще здесь была неотъемлемая часть интерьера кабинета любого психоаналитика — кожаная кушетка. Рядом с ней стояло большое зеркало, и располагалось оно так, что пациент мог изучать свое отражение во время сеанса.

Сидевший в одном из кресел у стола мужчина обернулся.

— Познакомься, это Адам Фельдман, — заговорил доктор Мори. — Адам, это мой друг, о котором я вам рассказывал. Клод Дадье. Он ехал в другой город, поезд задержался, и он решил заглянуть ко мне.

— Очень приятно, господин Фельдман, — сказал Клод. Говорил он с едва ощутимым французским акцентом. Адам сделал вывод, что Клод либо живет во Франции, либо проводит там значительную часть времени. — Надеюсь, доктор рассказывал вам обо мне только хорошее?

— Разумеется, — ответил за Адама Вивиан. — Разве мы делали что-то плохое?

— С трудом могу вспомнить что-то подобное, — с готовностью включился в игру

Клод. — А ты?

— Надеюсь, память у тебя отказала от того, что это что-то доставляло тебе много удовольствия.

Мужчины рассмеялись, и Адам почувствовал себя не в своей тарелке.

— Похоже, мы смутили господина Фельдмана, — сказал доктор Мори. — Не будем развивать эту тему.

— Кроме того, мне пора идти. — Клод бросил взгляд на наручные часы. — Надеюсь, не опоздаю.

Они обменялись рукопожатием, перебросились парой фраз на французском, и Клод, кивнув на прощание Адаму, вышел, прикрыв дверь.

Вивиан занял свое рабочее кресло. Вот она, самая желанная эротическая фантазия большинства женщин, которые тут появляются, подумал Адам. Кожаная кушетка, полумрак и доктор Мори, негромко рассуждающий о притягательной прелести греха. Интересно, сколько из них дождались вопроса «расскажите мне о самой постыдной из ваших эротических фантазий». И сколько из этих дождавшихся сказали ему правду.

— Вижу, вам тут понравилось, — сказал Вивиан. — Вы так представляли себе мой кабинет?

— Даже не знаю, что сказать, доктор. Одно могу сказать точно: вы в этой обстановке смотрите очень органично.

— Я даже знаю, какие мысли сейчас пронеслись в вашей голове. Но мы ведь уже говорили о моем отношении к пациенткам.

— Про Изабель Торнворд мы тоже говорили.

— Не так подробно, чтобы вы могли позволить себе делать какие-то выводы.

Адам положил на стол принесенный пакет.

— Вот ваши книги, доктор. Простите, я читал дольше, чем обещал.

— Ничего страшного. Вы пришли сюда для того, чтобы принести мне книги и для того, чтобы посмотреть на мой кабинет?

— По правде сказать, доктор... не только.

— Вы хотите побывать в роли пациента?

Во время затянувшейся паузы доктор Мори закурил и посмотрел в окно.

— Это касается Афродиты, доктор.

— Вы пришли сюда для того, чтобы поговорить со мной про Афродиту? И что вы хотите сказать?

— Я думаю, что вам нужно ей позвонить. Ей одиноко.

Доктор Мори сцепил пальцы.

— Вокруг нее достаточно людей. Сомневаюсь, что она чувствует себя одинокой.

— Она чувствует себя одинокой без вас, доктор.

— Когда она четыре года спала со своим любовником, не говоря мне ни слова, она об этом не думала. Меня не радует мысль о том, что в моей постели спит человек, который мне лжет.

Адам вздохнул.

— Все делают ошибки, доктор. Конечно, некоторые ошибки не заслуживают снисхождения, но... вы могли бы дать ей шанс. В отношениях не существует черного и

белого. Ей плохо без вас.

— Значит, ваша постель не настолько гостеприимна.

Адам подумал, что вместо этих слов доктор Мори мог бы вклеить ему пощечину — ему было бы менее обидно.

— Мне неприятно это слышать, доктор, — сказал он.

— А мне неприятно думать о том, что моя женщина с вами спит. Катитесь отсюда. И не надо говорить мне, что делать и кому звонить. Я разберусь сам.

В дверь постучали, и на пороге появилась секретарь.

— Доктор Мори, к вам посетители, — сказала она.

— Скажи, что я уйду. Я хочу пообедать.

— Ваш обед подождет, доктор Мори.

Вивиан пару секунд изучал стоявшую в дверях женщину.

— Чем могу быть полезен? — спросил он сухо.

— Кейт Мэдисон, полиция Мирквуда. — Женщина показала удостоверение. — Пожалуйста, пройдемте со мной.

— Я превысил скорость?

— Нет. Но всем нам интересно узнать, что вы делали в вечер убийства Ника Тейлора. Если учесть, что за несколько дней до этого он был у вас в гостях, разговор нам предстоит занимательный.

Глава четырнадцатая

Заваривая кофе, Кейт Мэдисон бросила взгляд через плечо на сидевшего за ее спиной доктора Мори. Он отказался от предложения выпить кофе, сославшись на то, что в последнее время ему плохо спится, и теперь со спокойным интересом изучал дверь комнаты для допросов. Правда, то, что он там разглядывал, оставалось тайной для всех, кроме него.

— Это ваш третий стакан за четыре часа, детектив Мэдисон, — заметил он. — Мне хочется верить, что наша беседа не нагоняет на вас сон. Я чувствую себя неудобно, когда дама скучает в моем обществе.

— Главное, чтобы вы не устали повторять одно и то же, доктор Мори, — в тон ему ответила Кейт. — Вопрос сонливости я решу самостоятельно.

— Вам нужно отдохнуть. В последнее время вы, конечно же, страдаете от перепадов давления. И у вас конъюнктивит. Могу выписать вам отличные капли. Я сам ими пользуюсь — мне приходится много работать за компьютером.

— Давайте еще раз восстановим события вчерашнего дня. С утра вы работали в больнице, приняли четырех пациентов. Потом у вас была запланированная операция. Скажите, вы часто работаете в утреннюю смену после вечерних дежурств?

— Четырех часов сна мне хватает. Я восполняю недостающие часы в выходные. Кроме того, моим пациентам все равно, дежурил их лечащий врач вчера вечером или нет. От этого им лучше не становится, и приемы они не отменяют.

— Потом вы прервались на обед и поехали в клинику. Это произошло в районе двух дня.

— Вы правы.

— До шести вечера вы были в клинике, приняли двух пациентов. А потом отправились домой к доктору Анжелике Гентингтон, и остались у нее до утра. А потом снова поехали в больницу.

— Так оно и было, детектив. Мы с вами восстанавливали эту последовательность уже тысячу раз. Или вы хотите, чтобы я вспомнил что-то, чего не делал?

Кейт сделала глоток кофе и поморщилась — ей захотелось оказаться в уютном кафе.

— Я хочу, чтобы вы вспомнили, что вы делали между шестью и восемью часами вечера, доктор Мори. И чтобы вы рассказали мне о том, чем вы занимались, как можно более подробно.

— Я попрощался с последней пациенткой, собрал рабочие бумаги, полил растения и ушел. Через пару минут вернулся проверить, запер ли дверь. Я вышел из здания, попрощался с работником службы безопасности, сел в машину. Подумал, что нужно купить молоко, но решил, что это можно будет сделать завтра, потому что вечером домой я ехать не собирался. Я выехал со стоянки, поехал в направлении спальных районов. Вспомнил, что еду к даме, а к даме с пустыми руками ехать как минимум невежливо. Заглянул в один из магазинов и купил бутылку шампанского. В магазине я встретил одного из своих пациентов, мы поговорили минут десять, и я снова вернулся в машину. По дороге к дому доктора Гентингтон я попал в «пробку». Я разобрал диски в бардачке, нашел записную книжку, которую давно потерял. Поставил диск «Derache Mode», пролистал несколько песен, оставил «I Feel You» и задумался о своем. А потом увидел спасительный светофор и поехал к дому доктора Гентингтон. Через двадцать минут я был у нее.

Кейт в упор посмотрела на доктора Мори. Он принял более расслабленную позу.

— Похоже, вам не понравился мой ответ, детектив? Может, я должен рассказать, о чем я думал после того, как поставил песню? Я мог думать о чем угодно — от прочитанной книги до научной работы. Хотя, если принять во внимание характер песни, я, скорее, смотрел на блондинку в соседней машине и размышлял, какого цвета ее белье, и пахнет ли оно французскими духами. Если бы я думал о научной работе, то сделал бы пару заметок в блокноте, который ношу с собой. И это запомнилось бы мне лучше, чем размышления о том, какое белье носит блондинка.

— Я не сказала, что мне не нравится ваш ответ. Но мне кажется, что вы чего-то не договариваете.

— Послушайте, Кейт — надеюсь, вы позволите называть себя по имени?

— Для вас — детектив Мэдисон.

— Простите. Мы с вами сидим тут уже очень долго, детектив Мэдисон, а вы так и не рассказали мне, что вы хотите от меня услышать. Вы спрашиваете меня про мой вчерашний день, но я не понимаю, как это связано с братьями Тейлор. Я не был с ними знаком.

— Вы ни разу не видели ни одного из них?

— Конечно, видел. Но нас друг другу не представляли, чему я очень рад.

Кейт отложила ручку, которую крутила в руках.

— Вы должны кое-что понять, доктор Мори, — сказала она сдержанно. — Вы были одним из людей, которые видели братьев Тейлор незадолго до их смерти.

Вивиан достал портсигар и закурил, воспользовавшись лежавшими на столе спичками.

— Не понимаю, к чему вы клоните, детектив.

— Вы знаете, что Ник Тейлор был любовником Афродиты Вайс?

— Да.

— Вы знаете, что они встречались и после того, как...

— Вы намекаете на то, что я мог убить его из ревности? Неужели я выгляжу таким идиотом? Или, может, меня волновало, с кем спит Афродита? Если бы это меня волновало, она бы со мной не жила.

— Тем не менее, сейчас она с вами не живет. Или я ошибаюсь?

Доктор Мори сделал пару затяжек и посмотрел в потолок.

— Не думал, что мы будем обсуждать мою личную жизнь, детектив.

— Я тоже. Но на данный момент она касается убийства Ника Тейлора.

— Я не убивал Ника Тейлора. Хотя бы потому, что никогда не держал в руках оружие.

Меня выворачивает наизнанку от одной мысли о том, что я к нему когда-нибудь прикоснусь.

Кейт посмотрела на его руки.

— Вы всегда носите перчатки? — спросила она.

— Я берегу руки. Это мой рабочий инструмент. Спросите у ваших коллег, и они расскажут, сколько пуль из них вытащили эти руки, и сколько они наложили швов.

Кейт нахмурилась.

— Послушайте, доктор Мори. — Ее тон снова стал сдержанным. — Я допускаю, что вы не убивали Ника Тейлора. Но вы можете знать, кто желал ему зла.

— Детектив, на моих руках только десять пальцев, и для того, чтобы пересчитать его врагов, этого недостаточно. Вы, кажется, забыли, как он зарабатывал на жизнь?

— Подойдем к вопросу с другой стороны. Ник Тейлор был у вас дома. Вместе со своим братом. Несколько дней назад. Зачем он к вам приходил?

— Мне хотелось бы сказать, что он рассказывал о своих эротических фантазиях, но...

— Доктор Мори, — оборвала его Кейт, — если вы продолжите нести чушь, мы будем сидеть тут до утра. Не знаю, что насчет вас, а у меня время есть.

Вивиан затянулся в очередной раз, посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Кейт почувствовала себя неуютно и вытянулась на стуле.

— У меня есть все время на свете, детектив Мэдисон. А также приятный собеседник — умная и красивая женщина, которая, судя по всему, любит играть в словесные игры с психоаналитиком. А я люблю играть в словесные игры с умными и красивыми женщинами. Мы можем обсудить всю эту чушь насчет убийства братьев Тейлор и перейти к обсуждению ваших эротических фантазий.

— Вы зря стараетесь, доктор Мори. Ваше обаяние на меня не действует.

— А вы зря строите из себя неприступную даму. Признайтесь: вы сейчас думаете о том, как снимете с меня рубашку, а потом займетесь со мной любовью на этом столе.

— Не угадали. Сейчас я думаю о том, что могу подать на вас иск за сексуальное домогательство.

— Что вы! Я никогда не заставляю женщин делать что-либо без их согласия! И теперь вам осталось только согласиться.

Кейт возмущенно выдохнула и скрестила руки на груди.

— Ну, хватит, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — И прекратите раздевать меня глазами, черт возьми!

— Пожалуй, я просто перестану на вас смотреть — так у меня будет меньше соблазнов.

И Доктор Мори поднял глаза к потолку.

— Итак, Ник Тейлор был у вас несколько дней назад. Зачем он к вам приходил?

— Ему нужна была медицинская помощь.

— Вы удалили ему пулю и зашили рану. Что было потом?

— Я позвонил своему коллеге, и он отвез его в больницу.

— Почему вы сразу не отправили его в больницу?

— Он потерял много крови. Если бы рана продолжила кровоточить, он бы умер по дороге.

— Почему вы не доложили в полицию о том, что у вас был пациент с пулевым ранением?

— Такое случается, когда в приемном покое на ночь остаются интерны. Они плохо представляют, кому и что нужно докладывать в подобных ситуациях.

— Вы знаете, чем грозит подобная забывчивость?

Вивиан посмотрел на Кейт, но через секунду уже снова смотрел в потолок.

— Извините, я забыл о своем обещании, — сказал он, и в его голосе можно было уловить насмешливые нотки — эти нотки раздражали Кейт. — Чем грозит подобная забывчивость?

— Лишением врачебной лицензии.

— Попробую объяснить логику своих действий. Представьте себе, что самое страшное оружие, которое вы когда-то держали в руках — это скальпель. Вы — превосходный хирург, но вряд ли сможете применить этот скальпель для другой цели хотя бы потому, что давали клятву Гиппократу. Вы живете не одна, а с человеком, который слабее вас, и которого нужно защищать. И вот к вам в гости приходят братья Тейлор. Вы вежливо предлагаете им поехать в больницу, а они предлагают их в больницу не везти. Не только потому, что один из них

ранен и вряд ли дотянет до больницы, но и потому, что если кто-нибудь из врачей приемного покоя позвонит в полицию, то плохо придется и вам, и тому человеку, который с вами живет. Что бы вы сделали, оказавшись в моей ситуации, детектив? Если немного отвлечься от вашей сущности «женщина по имени Никита»?

На губах Кейт появилась презрительная усмешка.

— Вы хотите сказать, что испугались?

— Наверное, я должен был выдумать более занимательную историю. Извините, детектив. Я врач, а не писатель.

— У вас когда-нибудь были проблемы с полицией?

Вивиан положил руку на шею и повертел головой.

— В университетские годы у меня было много проблем с полицией. Превышение скорости, вождение в пьяном виде. Я даже угонял машины, представляете? Но теперь у меня кристально чистая репутация. Если в свободное от работы время я делаю какие-то аморальные вещи, то это мое личное дело.

Кейт достала из ящика стола документ и вместе с ручкой положила его напротив доктора Мори.

— Пожалуйста, подпишите это, — попросила она.

— Это иск, которым вы меня пугали? Почему-то я думал, что процесс сбора доказательств только начат... и, признаться, я даже слегка разочарован.

— Не умничайте, доктор Мори. Это подписка о невыезде из города. Пока что на две недели.

— Теперь, как я понимаю, мы можем перейти к вашим эротическим фантазиям?

Кейт смотрела на то, как Вивиан подписывает документ и откладывает ручку.

— Эротические фантазии вы сможете обсудить с вашей женщиной. Она ждет вас за дверью.

— Моя женщина? Что она здесь делает?

— Приятного вам вечера. — Кейт положила на стол визитную карточку. — Если что-то вспомните, воспользуйтесь этим. — Она сделала паузу и предостерегающе добавила: — Я имею в виду убийство братьев Тейлор, доктор Мори. А не мои эротические фантазии.

— Если вы все же решите обсудить их, воспользуйтесь вот этим. — Вивиан достал бумажник и извлек оттуда свою визитную карточку. — Надеюсь, что в следующий раз мы встретимся в иной обстановке.

***

Афродита, сидевшая на одном из стульев в коридоре, взяла со столика одноразовый стакан с кофе и поднялась навстречу Вивиану. Он бросил на нее короткий взгляд и достал ключи от машины.

— Чем могу помочь? — спросил он. — Тебя обидели полицейские, и ты хочешь об этом поговорить?

— Добрый вечер и тебе.

— После того, как посреди рабочего дня полиция врывается ко мне в кабинет и обвиняет меня в том, что я убил братьев Тейлор, а потом четыре часа пудрит мне мозги, я вряд ли смогу назвать свой вечер добрым. Итак, чем обязан?

Афродита допила пару глотков кофе и выбросила пустой стакан в мусорную корзину.

— Я хотела бы забрать из дома пару вещей, если ты не возражаешь.

— Ты могла зайти домой днем, воспользовавшись своим ключом.

— По средам я весь день в университете, с восьми до восьми, ты ведь знаешь.

— Ты можешь поехать домой сейчас и забрать вещи. Я поужинаю в городе.

— Может, ты прекратишь меня избегать, и послушаешь то, что я хочу тебе сказать?

Вивиан вернул ключи от машины в карман плаща.

— Я не хочу тебя слушать.

— Тогда не слушай. Можешь сделать вид, что тебя это не волнует.

— Мне пора, Дита. Завтра у меня ночное дежурство, и мне нужно выспаться.

Афродита отпустила голову и вздохнула.

— Со стеной приятнее разговаривать, чем с тобой, — сказала она. — Давай я представлю, что ты — стена, и скажу то, что хочу сказать.

— У тебя есть пять минут.

— Я не спала с Ником. Точнее, спала, но не так часто, как ты думаешь. Мы общались, это правда. Но ты все не так понял. И для меня очень важно, чтобы ты понял меня правильно.

Кейт вышла из комнаты и, заперев дверь на ключ, пошла по коридору в направлении выхода из здания. Вивиан поморщился и неодобрительно покачал головой.

— Не будем выяснять отношения на людях, Дита. Я довезу тебя до дома. Поговорим по дороге.

***

— Ты должен понимать, что этот человек для меня много значил. Я не могла просто так убедить себя, что меня с ним ничего не связывало. Кроме того, ты ведь не думаешь, что я общаюсь только с тобой? У меня широкий круг знакомых.

— Но это не бывшие любовники, за которых ты собиралась замуж, и от которых была беременна.

— С доброй половиной из них я сплю чаще, чем спала с Ником. И у тебя тоже есть целая куча женщин, с которыми ты спишь чаще, чем со мной.

Афродита села на барный стул и посмотрела на Вивиана, который нарезал фрукты для салата. Он тоже поднял голову и поймал ее взгляд.

— Мы с тобой обсуждаем в постели моих любовниц и твоих любовников, не забывая упоминать самые непристойные подробности. А ты помнишь, когда мы в последний раз говорили о нас? — Вивиан выделил последнее слово. — Когда мы обсуждали наши отношения?

— Наши отношения?

— Да, наши отношения. Или ты думаешь, что нам нечего обсуждать? Судя по событиям последних дней, нам есть, что обсудить. Или же было, что обсудить. Я до сих пор не уверен, стоит ли мне говорить об этом в прошедшем времени или в настоящем.

Афродита несколько секунд смотрела на то, как Вивиан аккуратно перемешивает нарезанные фрукты в большой тарелке и достает из холодильника йогурт.

— Я думала, что ты не хочешь это обсуждать. Я не заговаривала с тобой о чувствах потому, что... мне казалось, что тебе будет неприятен этот разговор.

— У тебя короткая память, Дита. Я всегда это знал.

— А у тебя слишком хорошая память. Ты никак не можешь забыть Беатрис. Несмотря на то, что прошла куча времени, изменился ты, изменились люди вокруг, и изменилась твоя жизнь. Что бы я ни делала, она будет портить тебе жизнь. Хорошо, что ты не называешь меня ее именем в постели.

Вивиан повернулся к ней.

— Ну что, так мы теперь квиты? У меня есть Беатрис, которую я не могу забыть. У тебя есть Ник, которого ты не можешь забыть. Вот только — какая незадача! — ты лгала мне четыре года, а я рассказал тебе о ней в первую же ночь, которую мы провели вместе. Потому что хотел, чтобы между нами не было тайн. Как я могу тебе верить, Дита? Даже если бы я хотел это забыть, у меня не получится это сделать.

— Вот поэтому я и говорю, что разговоры об отношениях бессмысленны. Ты до безумия боишься и самому себе признаться, что ты чувствуешь к женщине что-то, кроме физического влечения! Что можно сказать об откровенном разговоре с женщиной, с которой ты живешь?

— Ты хотела собрать вещи, Дита. Оставь меня одного.

Афродита пару секунд стояла в дверях, наблюдая за Вивианом. Он открыл бутылку вина и достал из шкафа бокал.

— На голодный желудок пить вредно, — сказала она негромко.

— Ты уже собрала вещи, и я могу заказать тебе такси?

— Ты идиот, Вивиан.

— Похоже, что так.

Она обреченно покачала головой.

— Пожалуй, я должна была уйти с последней пары пораньше и забрать вещи тогда, когда тебя не было дома.

Вивиан вернул бокал с вином на стол и замер, глядя в направлении кухонного окна.

— Скажи мне, что это неправда, Дита.

— О чем ты?

— Вся эта история с Ником Тейлором. Я тысячу раз прокрутил ее в голове, но до сих пор отказываюсь в это верить. Ты не могла со мной так поступить. — Он повернулся к ней. — Ты ведь знаешь, что ты для меня дороже всего на свете. Да, может быть, я редко тебе об этом говорю, но ведь ты это чувствуешь. Может, я невыносим, много работаю, тебе приходится за мной ухаживать, как за маленьким ребенком, забирать у меня опиумный пластырь, говорить, чтобы я не читал в кровати, потому что там неяркая лампа, но ведь... я не могу быть другим. Может, это плохо, может, ты заслужила другого мужчину, ты достойна лучшего...

— Секунду назад ты говорил, что не хочешь, чтобы я тебе лгала. А теперь сам просишь меня это сделать?!

— Неужели тебе так сложно это сказать? Я ведь всегда тебе верил, так? Ты могла рассказывать мне самые неправдоподобные вещи на свете, но знала, что я буду в это верить. Если ты сейчас повернешься, соберешь вещи и уйдешь, я... не знаю. Я не могу без тебя, Дита. Я люблю тебя, неужели ты не понимаешь?!

Афродита подошла к нему вплотную и заглянула ему в глаза.

— Что? — спросила она коротко.

— Ты не слышала? Я сказал, что я люблю тебя.

— Это правда?

— Нет, это неправда. Я говорю это для того, чтобы ты осталась, потому что мне холодно спать в одиночестве.

— Господи, Вивиан. Сделай мне одолжение — заткнись.

Он обнял ее, прижал к себе и поцеловал. Афродита задохнулась от неожиданности, ответила на поцелуй, но через пару секунд отстранилась и удивленно посмотрела на него.

— Что? — спросил Вивиан, наблюдая за ее реакцией.

— Ничего, просто... ты давно меня так не целовал.

— Я так соскучился по тебе. Я не видел тебя всего лишь несколько дней, но так соскучился... — Он скользнул ладонями по ее бедрам, приподнял юбку. — Ты не надела белья. Ну конечно. Ты знала, чем все это закончится.

— Думаю, и ты тоже знал. — Афродита снова потянулась к его губам. — Ты только что сказал мне, что соскучился. Покажи мне, как.

***

— Твой несчастный салат уже утонул в йогурте. Хотя от этого он только станет вкуснее. Афродита наклонилась и подняла с пола сигареты.

— Как-то все странно получается, — продолжила она. — Ты был прав. Мы никогда не говорили о наших отношениях. Мы обсуждали все, кроме этого. Почему?

Вивиан не ответил. Афродита легла на живот и положила голову на подушку. Он провел пальцами по ее спине — от шеи и ниже, в направлении поясницы.

— Если ты меня любишь, то почему не предлагал мне выйти за тебя замуж? — спросила она.

— А ты хотела бы выйти за меня замуж?

— А ты хотел бы на мне жениться? На женщине, у которой не будет детей? Или мужчины женятся по другой причине?

— Я не знаю, по какой причине женятся мужчины. Я никогда не был женат.

— А почему ты хотел жениться на Беатрис?

— Мне хотелось, чтобы она вышла за меня замуж.

— Идиотский ответ. Впрочем, твои суждения касательно женщин редко бывают иными. Афродита повернула голову к нему.

— Может, ты уже что-нибудь скажешь? А то я подумаю, что ты онемел от такой откровенности.

— Ты не ответила на мой вопрос. Ты хотела бы выйти за меня замуж?

— Ты тоже не ответил на мой вопрос.

— Хорошо. Тогда я, пожалуй, отдам дань салату.

Вивиан встал и оделся. Афродита по-прежнему лежала, не двигаясь.

— Я не могу ответить «да», — сказала она. — Я не могу сказать, люблю я тебя или нет. Мы были таким гармоничным целым, что у меня не было стимула для подобных размышлений. Я ведь... — Она сделала паузу, раздумывая над следующими словами. — Я не смогу дать тебе что-то большее. Я про детей. Мне всегда казалось, что высшее проявление любви женщины к мужчине — это дети. Ты жалеешь меня, Вивиан. Правда?

Он застегнул две пуговицы рубашки и остановился.

— Почему ты так решила?

— Ты пожалел меня тогда, когда нашел на улице. Ты пожалел меня тогда, в больнице. Беатрис была твоей пациенткой, и ты тоже ее жалел. А если бы я могла иметь детей, как бы ты ко мне относился?

— Может быть, я пожалел тебя тогда, когда нашел на улице. И, может, я жалел тебя тогда, когда ты была в больнице. Но я предложил тебе собрать вещи и переехать ко мне не из жалости.

— А почему ты это сделал? Вокруг тебя миллион женщин, каждая из которых умрет от счастья, если ты только помотришь в ее сторону, и готова отдаться тебе, только если ей

улыбнешься. Почему именно я? Почему женщина, которая... и не женщина вовсе?

Вивиан сел на кровать и закрыл лицо руками. Афродита докурила сигарету и потушила ее в пепельнице.

— Я ведь права, да? — спросила она тихо.

— Ты неправа. Но я вряд ли смогу объяснить тебе, почему. Ведь ты тоже жалеешь меня. Если бы ты не жалела меня, то вряд ли согласилась бы со мной жить. Отчасти ты жалеешь меня, отчасти ты чувствуешь, что ты мне должна, потому что я спас тебе жизнь. Потому что когда-то я сидел возле твоей кровати днями и ночами, иногда забывая есть и спать. — Он посмотрел в окно и прислушался: в тишине ночи мягко и почти неслышно шелестел начавшийся еще вечером дождь. — Мы с тобой обсуждали все, что только можно было обсудить. Моих женщин. Твоих мужчин. Книги. Кино. Театр. Твои мечты о карьере актрисы. Твое детство, мое детство. Мои университетские годы. Ты помнишь, каким я был тогда? Я чувствовал, что у меня нет почвы под ногами, что все мои мечты рухнули, что я выбрал неправильную дорогу. Если бы ты не уговорила меня пойти учиться, что бы я делал сейчас?

Афродита рассмеялась и, обняв его за шею, прижалась щекой к его спине.

— Понятия не имею. Но упирался ты долго. Ты помнишь, что я взяла тебя за руку и отвела в университет?

— Я помню, что это я взял тебя за руку и отвел в университет. Потому что ты была уверена, что нужно дождаться какого-нибудь знаменитого режиссера, который бы заметил тебя. И еще здесь, в этом городе.

— Это все в прошлом. Теперь у нас совсем другая жизнь...

Глава пятнадцатая

В небольшой комнате, где работали докторанты, было жарко и душно: кондиционер сломался пару дней назад, и его не торопились чинить. А еще здесь нельзя было курить. Адам не мог понять, какая из этих вещей нервировала его больше. Он был бы рад провести этот час в уютном университетском кафе, где можно было закурить и выпить чашку кофе, а то и пообедать, но декан обязывал каждого преподавателя жертвовать часом своего времени в неделю для студентов.

Студенты в этот час могли прийти и поговорить о чем-то, что касается учебы — о том, что они не успели сказать на лекции или же не смогли поймать преподавателя в коридоре для того, чтобы задать вопрос. Адама сложно было поймать в коридоре, потому что после лекций он мчался по делам. Поэтому в его случае декан настаивал на «часе посещения» с особым усердием. И теперь Адам ждал своих студентов, занимая себя чтением нового романа Джеральда Гентингтона.

Комната докторантов напоминала каморку и не располагала к работе. Тем более к работе научной. Тут находились три письменных стола и несколько шкафов с книгами, бумагами и папками, а в дальнем углу располагалась маленькая кухня, отделенная от основного помещения низкой перегородкой. На кухне можно было сделать кофе или чай, но самым верным решением было просто выпить воды — качество чая и кофе представлялось сомнительным.

В крошечном холодильнике лежало несколько пакетов с молоком, а иногда там можно было найти что-нибудь съестное. Правда, съестное это, в основном, приносили сами докторанты — забота университета о своих научных работниках ограничивалась регулярной поставкой молока. Адам часто видел докторантов за письменными столами — они читали взятые из библиотеки книги, выписывая нужные вещи в блокноты, и жевали какую-нибудь гадость вроде чипсов. И в такие моменты он думал о том, что верный путь к язве желудка — это работа над докторской диссертацией.

Джеральд и на этот раз не изменил себе — роман захватывал с первых страниц. Но минут через двадцать Адам отложил книгу, потому что в комнате было нечем дышать, и он не мог сосредоточиться на прочитанном. После секундного колебания он открыл окно (день выдался жарким, но пара глотков свежего воздуха, пусть и горячего, была ему необходима) и присел на подоконник. С четвертого этажа можно было разглядеть весь внутренний двор университета, включая студентов, которые сидели на траве и под деревьями.

Разговор с доктором Мори не желал выходить у Адама из головы. Если бы его попросили выразиться как можно точнее, он сказал бы, что дело не в самом разговоре, а в реакции Вивиана на его слова насчет Афродиты. Первой его мыслью была мысль о том, что доктор ревнует его к своей женщине, но эту идею Адам отмел сразу. Но, если не ревность, что могло заставить его так отреагировать? Он плохо себя чувствовал? Дежурил накануне и почти не спал? Адам успел узнать доктора Мори достаточно хорошо для того, чтобы сказать с полной уверенностью: даже если бы он не спал двое суток, он не позволил бы себе высказываться подобным образом. Да и какой смысл ревновать кого-то к женщине, которая, по сути, ему не принадлежит?

Поселившись у Адама, Афродита не стала сидеть, сложа руки. Вернувшись домой в первый же вечер, Адам не узнал свою квартиру. Он не был лентяем и убирал ее регулярно,

но теперь она сияла от чистоты. Все вещи лежали на своих местах, шторы были постираны и повешены на окна снова, ковры были тщательно почищены, одежда в шкафу была аккуратно разложена по цветам. На столе Адама ждал горячий ужин, а Афродита (создавалось впечатление, что она не занималась работой по дому, а гуляла по магазинам) сидела на диване и читала конспекты — через пару дней ей предстояло сдать промежуточный экзамен по английской литературе. Порой женщины, появлявшиеся в квартире Адама, делали уборку, но никто не делал ее так тщательно. А ужин ему готовили буквально пару раз. И уж точно не такой вкусный.

Мысли об отношениях доктора Мори и Афродиты сводили Адама с ума, но к конкретным выводам он прийти не мог. Недавние слова Вивиана совсем выбили почву у него из-под ног, и теперь он терялся в догадках, как можно охарактеризовать их связь. Либо и доктор, и Афродита вдохновенно лгали ему о том, что происходит между ними, либо оба они говорили правду, но чего-то не договаривали, либо он чего-то не понимал. Покою Адаму не давало одно — ощущение, что он делает то, чего делать не должен.

Иногда он думал о том, что лучшим решением было бы отойти в сторону и в это не вмешиваться. Было что-то неприятное, если не сказать, роковое в том, что в тот вечер Афродита появилась на пороге его дома и попросила разрешения пожить у него несколько дней. Что-то неправильное, иррациональное было в том, что они спали в одной постели. И Адам мог тысячу раз говорить себе, что доктор Мори в тот день не выспался или плохо себя чувствовал, но глаза его говорили правду. «Вы, Адам, берете то, что вам не принадлежит».

***

Корпус медицинского факультета находился в отдалении от центрального здания университета. Здание насчитывало четыре этажа: лекционные залы на первых двух, кабинеты профессоров на третьем и медицинская библиотека на четвертом. В подвале располагалась анатомическая лаборатория, которая соседствовала с моргом. Частыми гостями последнего были полицейские и судебные медики — в отличие от больничного морга, сюда привозили жертв насильников и убийц. Адам никогда не понимал, почему этот морг расположен именно в здании университета — не для того ли, чтобы до получения докторской степени объяснить молодым врачам, что в их работе будут и неприятные моменты?

Кондиционированный воздух помещения приятно обдал кожу прохладной волной. Адам взбежал вверх по лестнице и пошел мимо ряда одинаковых дверей с табличками, изучая надписи. И нашел то, что искал: «Профессор Вивиан Мори. Кафедра психиатрии и психоанализа». Он постучал и, не дождавшись ответа, вошел.

Как оказалось, кабинеты профессоров мало чем отличались от комнат докторантов. Разве что здесь, помимо письменного стола и книжных шкафов, стоял небольшой диван и два кресла. Доктора Мори в кабинете не было, но на спинке рабочего кресла висел его плащ, а на столе лежал зонт, бумажник и перчатки. В одном из кресел у стола сидела молодая девушка в белом халате. Увидев Адама, она подняла голову от книги.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуйте. Вы не подскажете, где я могу найти доктора Мори?

— Профессор в анатомичке. Преподаватель анатомии не смог сегодня прийти и попросил его заменить. Он будет минут через тридцать. Если хотите, можете подождать. А если не боитесь, — она улыбнулась, — можете спуститься в подвал. Первый зал. Может, я смогу вам помочь? Я его докторант.

— Пожалуй, я спущусь вниз. Не подскажете, где тут лестница в подвал?

— Спускаетесь на первый этаж, а дальше направо, там есть указатель. Удачи. — Девушка снова открыла книгу. — Если вы впервые в анатомичке, дышите глубже.

Спустившись в подвал, Адам понял, что девушка дала хороший совет. Сладковатый и тошнотворный запах формалина чувствовался уже отсюда. Он поморщился и пошел в том направлении, которое ему подсказывал указатель.

Первый зал анатомической лаборатории оказался большой комнатой с двумя рядами широких столов из нержавеющей стали, на которых проводили вскрытие. Возле одного из столов собралось несколько студентов, и Адам направился туда.

Доктор Мори внимательно следил за тем, как один из студентов делает надрез скальпелем в районе живота одного из трупов.

— Смелее. Не волнуйтесь, ему не больно. — Циничная медицинская шутка возымела успех — студенты дружно рассмеялись. — Извлеките то, что вы нашли, и покажите это нам.

Студент взял в руки печень и продемонстрировал окружающим. Студенты закивали головами. Адам не разделял их воодушевления — он чувствовал головокружение и подступающую к горлу тошноту.

— Обратите внимание на этот экземпляр, — снова заговорил доктор Мори, воспользовавшись лазерной указкой. — Судя по тому, что печень увеличена в размерах, ее обладатель при жизни любил крепко выпить. Так будет выглядеть и ваша печень, если вы будете сидеть в барах вместо того, чтобы готовиться к экзаменам.

Ответом ему был очередной взрыв смеха.

— А вы любите выпить, профессор? — спросил кто-то из студентов.

— Почти не пью. И вам советую. От жизни можно получать удовольствие другими путями.

Вивиан повернулся и заметил Адама.

— Господин Фельдман! Вот так сюрприз. Познакомьтесь, друзья. Это Адам Фельдман, мой хороший друг. Если кто-то любит его книги, вы можете взять у него автограф. Но только после того, как мы закончим занятие.

Студенты с любопытством посмотрели на Адама. Он, в свою очередь, со страдальческим лицом посмотрел на доктора Мори — от вида увеличенной печени ему стало еще хуже.

— Ну что же, друзья, печень мы оставим на потом. Кто хочет попробовать наложить швы? — спросил Вивиан, оглядывая студентов. — Или же мы попросим господина Фельдмана?

— Мы попросим господина Фельдмана! — дружно ответили студенты.

— О нет, нет, — взмолился Адам.

— Пожалуйста, господин Фельдман, — попросила одна из студенток. — Если вы ошибетесь, профессор скажет вам, как нужно делать правильно.

Адам приложил ладонь к виску. У него продолжала кружиться голова, и он подумал, что сейчас больше всего ему хочется присесть. Но стульев в анатомической лаборатории не было.

— Господин Фельдман, вам нехорошо? — обратился к нему доктор Мори. — Я выведу вас на свежий воздух, вам станет легче.

— Спасибо, доктор, я справлюсь сам.

С этими словами Адам шагнул в направлении двери, но понял, что дальше он не пойдет.

Он опустился на колени, а потом сел на пол. Девушка, которая предлагала ему наложить швы, подошла к нему и положила руку ему на плечо.

— Профессор, — сказала она, обращаясь к Вивиану, — думаю, нам нужен нашатырный спирт.

***

Доктор Мори открыл окно и подошел к Адаму, который лежал на диване. Рядом с ним на небольшой табуретке стоял стакан с водой, а спасительная вата с нашатырным спиртом до сих пор была в руке «пациента».

— Какой ужас, — проговорил Адам тихо — он сказать это громче, но понял, что для этого сил у него не осталось. — Как я умудрился упасть в обморок?

— Вы, наверное, впервые переступили порог анатомической лаборатории?

— Я ни разу не был даже в морге.

— Riskну сказать, что вам повезло. Что до обморока — многие так реагируют на подобную атмосферу. Вашего покорного слугу долго приводили в чувство после того, как его преподаватель анатомии предложил ему сделать первый в его жизни надрез скальпелем. Один из моих профессоров говорил: «Если будущий врач упал в обморок в анатомичке один раз, то это нормально. Если он упал в обморок во второй раз, то ему нужно задуматься о правильности выбора профессии. А если он упал в обморок в третий раз, то ему никогда не стать врачом». Так что ничего страшного не произошло. Вы еще и студентов повеселили. Лежите, лежите. Пусть кровь прильет к голове.

Адам устроился поудобнее. Вивиан подошел к столу и стал приводить в порядок документы.

— Хорошо, что вы пришли, — снова заговорил он. — Я хотел позвонить вам, но не хотел мешать. Также я хотел к вам зайти, но не знал вашего университетского расписания, а приходить не вовремя мне, опять же, не хотелось. Я хотел попросить у вас прощения. Надеюсь, я не очень сильно обидел вас.

— Не обидели, но ваша реакция меня удивила.

— Не только вас — Доктор Мори открыл один из ящиков стола и положил туда пару тонких папок. — В последнее время я перестаю понимать, что со мной происходит. Простите, — тут же оборвал он себя. — Вас, конечно же, это не интересует.

Адам попытался поднять голову, но бдительность Вивиана он недооценил — под взглядом доктора ему только и осталось, что вернуться в исходное положение.

— Если вы чувствуете, что вам нужно об этом рассказать, то я буду рад вас выслушать.

— Если бы я знал, что рассказать, Адам, то обязательно бы рассказал. У меня в голове и в жизни чертов салат. Афродита, доктор Гентингтон... и еще целая куча всего.

— Доктор Гентингтон?

— Да лежите же спокойно, черт побери!

Адам вздохнул.

— Я ничего не знал про доктора Гентингтон, — сказал он честно. — Если вам будет легче, вы можете рассказать. Мы с Джеральдом хорошие друзья, но, обещаю, он ничего не узнает.

— Вот кто-кто, а Джеральд меня волнует меньше всего.

Доктор Мори сел в кресло у стола.

— Как... поживает госпожа Вайс? — спросил Адам, почувствовав, что нужно нарушить молчание.

— После того, как вы с ней спали в одной постели, вы до сих пор называете ее госпожой Вайс? — Вивиан покачал головой. — Ладно. Поднимитесь-ка.

Адам встал и прислушался к своим ощущениям.

— Вы не думаете повторять свой недавний подвиг?

— Со мной все в порядке.

— Отлично. — Вивиан посмотрел на наручные часы. — Самое время для того, чтобы пообедать.

***

— Мне кажется, что тут даже уютнее, чем у меня дома.

Вивиан отреагировал на реплику Анжелики едва заметным поворотом головы. Номер отеля выглядел вполне пристойно, но впечатления уютного не оставлял.

— В отелях есть что-то пошлое, — сказал он. — Меня так и тянет на мысли о второсортных фильмах и парочках, которые ютятся в темных номерах и прячутся от жен и мужей.

— Мы мало чем от них отличаемся.

Анжелика села на кровати, помедлила пару секунд, после чего поднялась и, осторожно ступая босыми ногами по ковру, подошла к окну.

— Снова дождь, — сказала она печально. — Я живу тут не один год, но меня всегда удивляло, что здесь так часто идет дождь.

— Для меня это всегда было неотъемлемой частью города. Когда нет дождя, я начинаю чувствовать, что что-то не так.

— Мы ведь останемся тут до утра, правда, Вивиан?

— Если тебе тут так понравилось, то можно остаться и до утра.

Анжелика отошла от окна и присела на покрывало кровати.

— Что-то не так? — спросила она.

— Что может быть не так? Мы вдвоем и замечательно проводим время. Нам не мешает ни твой муж, ни моя женщина. О чем еще можно мечтать?

Анжелика прилегла на подушку и укрылась легким покрывалом. Вивиан наклонился к ней для того, чтобы поцеловать, но она отвернулась.

— Нет, на самом деле, — заговорила она. — Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто сегодня я устал.

— Или тебе не понравилось. — Она села на кровати, обхватив колени руками. — Но ты можешь сказать мне об этом прямо. В отличие от Джеральда, у тебя с этим нет проблем.

— В отличие от Джеральда, я думаю, что в постели важны желания обоих, а не только желания мужчины.

Анжелика посмотрела на него и перевела взгляд на окно.

— Джеральд мог бы многому тебя научить. Просто он не понимает, как это делается.

— О чем ты?

— О том, что твой муж эгоист. И его эротические сны, которые он так усердно записывает в своем дневнике, говорят об этом прямо. Кстати, ты никогда не заговаривала с ним на эту тему?

— На тему его... эротических снов?

— В том числе. Ты можешь сказать ему, какая поза тебе нравится?

Анжелика подняла бровь и сделала неопределенный жест рукой.

— Я? Нет... не думаю.

— Потому что ты не знаешь, какая тебе нравится поза или потому, что тебе стыдно об этом спрашивать?

— Думаю, что и то, и другое.

— Вот об этом я тебе и говорил. Как ты можешь знать, что доставляет удовольствие другому, если не знаешь, что доставляет удовольствие тебе?

Анжелика легко пожала плечами и замолчала.

— Как ты думаешь, как отреагирует твой муж, если ты скажешь ему, что любишь анальный секс?

— Он решит, что я выпила и теперь несу чушь. Как минимум.

— То есть, со мной, чужим человеком, ты можешь это обсуждать. А со своим мужем ты боишься говорить на эту тему.

— Я не боюсь, но... — Анжелика привычным жестом поднесла руку к цепочке с крестиком, но вспомнила, что сняла ее пару часов назад. — Это прозвучит глупо.

— Предположим, что твой муж — не Джеральд, и он не эгоист. Он замечательный любовник и тонко чувствует женщину. Но если ты будешь молчать, то это рано или поздно ему надоест.

Анжелика взяла с пола пачку тонких сигарет и закурила. Она по-прежнему изучала ночное небо.

— Пойми, наконец, что это просто-напросто скучно. — Вивиан обнял ее за плечи. Она опустила голову, но не отстранилась. — Подумай о себе. Подумай о том, что есть неизведанный мир, о котором ты недавно не имела никакого понятия, а теперь тебе дали ключи от всех дверей. Даже от самых потайных. Неужели ты удержишься от соблазна открыть их все?

— А что будет, когда двери закончатся?

— Со временем ты поднимешься на другой этаж, там будет больше дверей. И так далее. До бесконечности.

Анжелика повернулась к нему и несколько секунд изучала его лицо.

— А если мне так понравится, что я не смогу остановиться?

— Останавливаться не нужно. В этом и суть.

Она сделала глубокую затяжку и выпустила дым в потолок.

— Я подумаю над этим.

— На следующей неделе мы кое-куда сходим. Я приглашу Афродиту. Тебе будет интересно с ней познакомиться.

— Она тоже меня чему-нибудь научит?

— Вполне может быть.

Анжелика потрепала его по волосам.

— Вы с ней, похоже, друг друга стоите. Кто из вас кого испортил?

— Изначально инициатива была моей. Но Дита тоже постаралась.

— Давай я расскажу тебе, что мне нравится. А ты послушаешь.

— Конечно. У нас впереди целая ночь.

Глава шестнадцатая

— Вы уже оделись, госпожа Вайс? Прошу вас, присядьте.

Невысокая женщина лет сорока с густыми каштановыми волосами улыбнулась и кивнула на одно из кресел возле ее стола. Афродита воспользовалась приглашением. Врач, в свою очередь, заняла второе кресло.

— У вас такое лицо, будто вы хотите сообщить мне что-то ужасное, доктор Кэмерон. — Афродита решила улыбнуться в ответ, но улыбка ее, в отличие от улыбки собеседницы, получилась неискренней.

— Нет, моя дорогая. С вами все в порядке. Для этого вам не нужно было сдавать кровь и проходить все эти проверки — вы выглядите здоровой женщиной, которая радуется жизни и не представляет, как можно существовать иначе.

— Тогда зачем мне нужно было три дня курсировать между больницей и домом?

— Я привыкла полагаться на факты. — Доктор Кэмерон взглядела в лицо пациентки. — Похоже, вы чувствуете себя неуютно. Из-за того, что ваш личный гинеколог не смог вас принять, и вам пришлось пойти на прием к женщине?

— Нет, что вы. — Афродита убрала за ухо прядь волос. — Мне кажется, что с женщиной даже в каком-то плане... легче. Можно поделиться чем-нибудь чисто женским.

Доктор Кэмерон понимающе кивнула.

— Да, думаю, вы в чем-то правы. Но я, если честно, предпочитаю гинекологов-мужчин. В женщинах меня что-то настораживает.

— Так что вы можете сказать по поводу результатов анализов, доктор Кэмерон?

— Анализы у вас замечательные. Все показатели в норме. Напомните-ка мне срок задержки?

— Две недели.

— Ваши дела обстоят даже лучше, чем вы сами думаете, моя дорогая. Уверена, что ваш мужчина будет рад не меньше вас, потому что он скоро станет отцом.

Афродита вскинула голову.

— Отцом?!

— По сугубо медицинским подсчетам, сейчас вы на шестой неделе беременности. Но вы, конечно же, можете посчитать для себя точнее. — Доктор Кэмерон улыбнулась. — Женщины знают больше секретов, чем мужчины.

Афродита растерянно развела руками и обреченно покачала головой.

— Но это невозможно! Я даже не знаю, как на это реагировать...

— Радостно, госпожа Вайс. Именно так женщина должна реагировать на известие о том, что беременна. Скорее всего, для себя вы уже решили, что до конца своих дней останетесь женщиной наполовину, потому что Бог отнял у вас что-то важное. — Она погладила пациентку по руке. — Я рада за вас. И за вашего мужчину тоже. Может, теперь он наконец-то решит на вас жениться и перестанет мучить всех, включая себя, бесконечными сомнениями?

— Нет, доктор Кэмерон. У меня другое мнение на этот счет. Я хочу сделать аборт.

Под недоумевающим взглядом врача Афродита скрестила руки на груди и отвернулась.

— Понимаю, сейчас вы будете меня отговаривать. Но я не хочу этого ребенка. Если я начну посвящать вас в подробности своей личной жизни, то мы будем сидеть тут до утра.

— Вы не уверены, что это ребенок доктора Мори?

В ответ Афродита покачала головой. Доктор Кэмерон вздохнула.

— Даже если это не его ребенок, вы не можете позволить себе сделать аборт. Если вы это сделаете, то не сможете больше забеременеть. Вы это понимаете?

— Сколько бы вы ни упрямылись, вы сделаете то, что требует пациент. Ведь это не противоречит врачебной этике.

— Я думаю, что аборт противоречит врачебной этике, потому что это убийство, — сказала доктор Кэмерон твердо. Афродита, удивленная тем, как изменился ее тон, повернулась к ней. — Вы убиваете не только этого ребенка. Вы убиваете свою надежду на то, что когда-нибудь станете матерью. Я могла бы назначить вам дату следующего приема, а потом бы выписала вам нужные таблетки — и мы бы покончили с этим. Аборт — это не пятичасовая операция, тем более, на таком сроке. Это дело сорока минут, может быть, часа. — Она снова вздохнула. — Подумайте о своем мужчине, наконец. Несмотря на то, что он об этом никогда не говорил вам, он тоже хочет детей. Точно так же, как и вы. Он любит вас. Да, он будет любить вас и без детей. Но...

— Пожалуйста, назначьте дату приема, доктор Кэмерон. Мне нужно идти.

Доктор Кэмерон открыла один из ящиков своего стола.

— Я назначу вам дату приема, — сказала она. — Но я буду рада, если вы решите не приходить.

— Так когда мне нужно будет снова вернуться в ваш кабинет?

— Вторник, половина двенадцатого. С вечера понедельника ничего не ешьте. Пить можно только воду.

— Благодарю вас, доктор. До встречи.

После того, как Афродита оставила кабинет, врач еще некоторое время сидела за столом. Она размышляла. В конце концов, чувства взяли верх над профессионализмом и правом пациента на тайну, и она, подняв телефонную трубку, набрала короткий внутренний номер.

— Слушаю, доктор Кэмерон? — ответила секретарь.

— Доктор Мори у себя?

— Он спустился в кафетерий. Я могу что-нибудь ему передать?

— Нет, спасибо. Я поговорю с ним лично.

***

Доктор Алиса Кэмерон работала в городской больнице больше десяти лет, и считалась одним из лучших специалистов в своей области. Коллеги знали ее как спокойную, уравновешенную женщину, которую, казалось, невозможно было вывести из себя. Доктор Кэмерон могла найти подход к любому пациенту и преподать самый тяжелый диагноз правильными словами. Она могла утешить, подбодрить, погрузить или посмеяться вместе с тем, кому это было нужно. Но сейчас доктор Кэмерон вошла в больничный кафетерий так, как входит в операционную дежурный врач после сообщения на пейджер со словом «СРОЧНО». Она не вошла, а влетела в кафетерий, распахнув двери. Посетители — все, как один — оглянулись и посмотрели в ее сторону. Не обращая внимания на недоуменные взгляды, доктор Кэмерон, не останавливаясь, подошла к столику, за которым сидел доктор Мори. Вивиан пил кофе и читал медицинский журнал.

— Брось свой журнал и посмотри на меня, — выпалила женщина. — Сейчас же.

Доктор Мори поднял на нее глаза.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Да.

Он инстинктивно посмотрел на свой пейджер.

— Мне не присылали сообщений. Что-то случилось в приемном покое? Или с кем-то из моих пациентов? Но и сотовый телефон со мной.

— Это не связано с работой.

— У тебя что-то случилось? — Доктор Мори выделил первые два слова. — Садись. Хочешь кофе?

— Нет, спасибо, мне нужно бежать. Ко мне через пять минут придет пациентка.

Доктор Кэмерон села у стола.

— Ну? — поторопил Вивиан. — Говори, Алиса. Все живы и здоровы?

— Простите, что помешала.

Афродита заняла свободный стул и положила сумочку на колени. Она улыбнулась Вивиану.

— Я бы тоже не отказалась от кофе. И с удовольствием съела бы что-нибудь.

Доктор Мори не ответил. Афродита посмотрела на доктора Кэмерон — пару секунд женщины изучали друг друга, после чего последняя улыбнулась и поднялась.

— Пожалуй, я пойду. Не люблю заставлять пациентов ждать. Приятного вам дня.

Афродита кивнула ей на прощание и снова повернулась к доктору Мори.

— Ты не рад меня видеть? — спросила она.

— Очень рад. Меня удивило поведение доктора Кэмерон. Она влетела так, будто за ней гнались. Ладно, спрошу у нее при случае. Сейчас я принесу тебе кофе.

Вивиан поднялся, но Афродита остановила его жестом.

— Что? — спросил он.

— Ничего. — Она улыбнулась и легко пожала плечами. — Я хотела сказать, что проснулась одна, и мне тебя не хватало.

***

— Какой скучный тип, этот Патрик Мэйсон. Мнит себя героем-любовником, думает, что женщину можно купить с помощью бриллиантов и золота... и так уверен в себе, что смешно.

— Вы уже не вместе?

— Вместе. С его кошельком.

Афродита поболтала в стакане остатки коктейля — второго за этот вечер. На часах было начало одиннадцатого вечера, Вивиан, как всегда бывало во время его вечерних дежурств, опаздывал. Тишину второго этажа клуба нарушала только негромкая музыка, доносившаяся из колонок под потолком, пара посетителей за соседним столиком неслышно о чем-то шепталась, покуривая кальян и изредка подзывая официанта для того, чтобы заказать «еще шампанского».

Запах кальянного дыма смешивался с запахом алкоголя и чьих-то духов, и все это вместе с неярким светом нагоняло сон. Афродита зевнула и посмотрела на сидевшую напротив Клариссу Вольфсон — пригласить ее для того, чтобы скрасить одиночество до прихода доктора Мори, было не самой удачной идеей, но и не самой худшей. Одинокие посиделки с курением «травы» и распитием коктейлей в дорогом клубе в зоне для важных персон сегодня в ее планы не входили, хотя она предпочла бы крепко напиться и забыть визит к доктору Кэмерон.

Они с Клариссой не были хорошими подругами. Афродита не любила общество женщин — тем более близкое общение с женщинами (за исключением секса). Ей было привычнее общаться с мужчинами, даже когда она понимала, что они видят в ней не только подругу. Общение с женщинами начинало угнетать Афродиту, когда они начинали жаловаться на жизнь, отсутствие денег, любви и правильных мужчин.

Кларисса Вольфсон, красавица-блондинка с огромными голубыми глазами и ногами, на которые не оглянулся бы разве что слепой, тоже любила жаловаться на все вышеперечисленное. Клариссе недавно исполнилось тридцать, и она была уверена, что после тридцати жизнь женщины превращается в гонку за потенциальным мужем. Ее поведение ассоциировалось у Афродиты с героинями сериала «Секс в большом городе» — может, потому, что Кларисса была талантливой актрисой, которая до конца не верила в свой талант, и поэтому лет до двадцати восьми снималась исключительно в сериалах.

У Клариссы не было денег и постоянной квартиры — она переезжала из дома в дом, иногда коротая ночи у друзей. Когда Вивиан звонил под вечер и говорил, что ему придется задержаться на работе до утра, Афродита приглашала Клариссу к себе. Она кормила подругу ужином, выслушивала очередную историю о бросившем ее мужчине и укладывала спать. После этого она доставала ее бумажник — пустой, если не считать мелочи — и складывала туда пару-тройку стодолларовых купюр. Если Афродита не могла уснуть, она принималась разбирать вещи в шкафу и, найдя несколько ненужных или разонравившихся платьев, прятала их в сумку Клариссы (та была стройнее Афродиты, но всегда сетовала на то, что ей не нравится ее фигура, и что пора садиться на диету).

Кларисса любила поспать допоздна; Афродита вставала рано. Когда у нее не получалось разбудить подругу, она готовила завтрак, варила кофе, оставляла все это на столе и отправлялась в университет. Доктор Мори не удивлялся гостям — после ночи на ногах, которая обычно выдавалась не самой легкой, его не смог бы удивить даже визит Мессии. По приходу домой он с безразличным видом снимал обувь и плащ и шел наверх, в направлении ванной, на ходу расстегивая рубашку, при этом даже не удостоив гостью взглядом. Их интеракция была минимальной: самым мудрым, что мог сказать Вивиан в такой час, могла быть фраза «если сарахница пуста, госпожа Вольфсон, пакет можно найти на одной из верхних полок»

— Кошелек у него большой? — нарушила молчание Афродита.

— Уж больше, чем его член. Хотя меньше, чем его раздутое самомнение. — Кларисса в очередной раз закурила, затянулась и поморщилась от дыма, который попал в глаза. — Он только и делает, что рассказывает мне про своих бывших жен.

— Наверное, ему больше не о чем с тобой поговорить.

Кларисса посмотрела на Афродиту, и на ее лице мелькнуло презрительное выражение. Афродита уловила эту перемену.

— Ты в очередной раз хочешь сказать мне, что я выбрала неправильного мужчину?

— Я тебе никогда такого не говорила.

— Для тебя все мои мужчины — неправильные. У тебя один идеал — твой доктор. Я только и слышу: доктор, доктор, доктор. Ты убираешь, стираешь, готовишь, а он работает, иногда снисходя до тебя и приходя домой. Для того чтобы поспать. Идеальный мужчина, ничего не скажешь.

Афродита допила остатки коктейля. Бдительный официант оказался рядом, и она попросила повторить заказ — Кларисса тоже успела допить свой martini.

— Мы с Патриком говорим о его бывших женах. А о чем говорите вы с доктором?

— Обо всем.

— Когда ты пылесосишь ковер, а он сидит, положив ноги на стол? Знаешь, Дити, — Афродита ненавидела, когда ее так называют, но уже устала повторять это, а поэтому промолчала, — ты скоро превратишься в домохозяйку. Вот увидишь. Ты и так не работаешь.

— Вивиан зарабатывает достаточно для того, чтобы меня содержать.

— Твоя роль еще более унижительна, чем роль содержанки. Содержанки ничего не делают по дому, ходят по магазинам и косметическим салонам. А ты стоишь у плиты и подметаешь пол!

— Меня это устраивает.

Кларисса насмешливо фыркнула, в очередной раз затягиваясь.

— У тебя нет ни капли гордости, Дити, — сказала она. — Еще пара лет — и от твоих наманикюренных ручек ничего не останется. Ты перестанешь ухаживать за собой, покупать одежду и накладывать макияж. А твой доктор останется таким же бабником, который не пропускает ни одной юбки. Может, у меня нет денег, но я не домохозяйка!

Афродита кивнула в сторону лестницы.

— А вот и доктор. Опоздал всего-то на сорок минут.

— Если бы кое-кто оставил мне ключи от машины, я бы приехал раньше.

Вивиан занял один из свободных стульев. Официант тут же оказался рядом.

— Добрый вечер, сэр, — поздоровался он. — Что вы будете пить?

— Принесите мне бокал вина.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Афродита достала из сумочки зеркальце и оглядела макияж.

— Моя машина до сих пор в ремонте, — сказала она. — Мне придется еще пару дней пользоваться твоей.

— Что с ней произошло?

— Ты хочешь, чтобы я повторила тебе те страшные слова, которыми механик называл части двигателя?

— Не понимаю, что могло произойти с абсолютно новой машиной. Ей не больше пяти лет!

— Да, но ее водит женщина, и это все объясняет.

— Ты права, Дита. Об этом я не подумал. Пожалуй, это на самом деле все объясняет.

Кларисса скорчила высокомерную гримасу: она ненавидела подобные высказывания в адрес женщин, но на этот раз обращались не к ней, а поэтому она могла это стерпеть.

— Как вы поживаете, госпожа Вольфсон? — переключил свое внимание на нее Вивиан. — Мне кажется, или мы с вами давно не виделись?

— Я была у вас в гостях неделю назад, доктор.

— Когда я прихожу домой с утра после работы, и в голове у меня две мысли — принять душ и положить голову на подушку, то я не вижу никого и ничего. Вам нужно зайти к нам в гости. Как-нибудь вечером. Мы выпьем и поговорим. К примеру, о вашей карьере. Как она продвигается?

Кларисса сделала скучное лицо. Ей было приятно, что доктор Мори интересуется ее карьерой, но в его тоне можно было услышать легкие ироничные нотки, и это ее смущало.

— Не так активно, как у вашей женщины, доктор.

— Если я не ошибаюсь, премьера фильма на следующей неделе?

— Да, обязательно приходите. Можете сесть в первом ряду.

— Спасибо, я предпочитаю последний. — Вивиан сделал красноречивую паузу и пояснил: — Но это мое личное предпочтение, вы не обязаны со мной соглашаться.

Афродита посмотрела на наручные часы.

— Уже двенадцатый час, — сказала она. — Скоро эти скучные стриптизерши уйдут домой, и тогда можно будет потанцевать. — Она посмотрела на Клариссу. — Хочешь потанцевать?

— Я? Потанцевать? Это была шутка?

— Вовсе нет. Ты ведь отлично танцуешь! Я сама видела на съемках. — Афродита поднялась и протянула ей руку. — Идем.

Кларисса покачала головой. Вивиан с любопытством посмотрел на нее.

— Я не знал, что вы танцуете. И какие же танцы вы предпочитаете?

— Стриптиз, — ответила за подругу Афродита, снова садясь, и лучезарно улыбнулась. Она чувствовала, что четвертый коктейль будет лишним, и что она вряд ли допьет его до конца, но попросила принесшего вино официанта принести еще один.

— Да. Но я не люблю танцевать на публике.

— А если я попрошу вас станцевать для меня, вы откажетесь?

— Для вас? Здесь?

— Вас смущает пара за соседним столом? Я могу попросить их отвернуться.

Кларисса покраснела.

— Я обязательно станцую для вас, доктор. Но не сейчас. Дити, ты заказала коктейль, а мартини для меня, судя по всему, заказать забыла?

Афродита с сомнением посмотрела на нее.

— Мне кажется, что тебе не стоит так много пить.

— Не начинай читать мне мораль, просто закажи мне еще мартини, хорошо?

— Не упирайся, Дита, — вмешался Вивиан. — Мы довезем девушку до дома. Судя по количеству выпитого, за руль ты не сядешь, и поведу я, а для меня не составит труда сделать небольшой круг.

Афродита обхватила ладонями принесенный бокал с коктейлем и снова улыбнулась.

— Мы? — переспросила она. — Это ты довезешь девушку. У меня на этот вечер другие планы.

— Ты не дождешься доктора Гентингтон?

— Доктора Гентингтон? Вы сегодня что, не разговаривали?

— Нет, мы сегодня не виделись.

— Я встретила ее в коридоре после того, как мы с тобой пообедали. И сказала ей, что сегодняшней вечер мне хочется провести в женском обществе, а она меня поддержала. Так что, — Афродита развела руками, — мне придется покинуть вас. У нас с доктором Гентингтон насыщенный график.

Доктор Мори отставил в сторону бокал с вином.

— Так что же, домой я могу возвращаться только под утро?

— Мы вряд ли придем домой до утра. Так что квартира в твоем распоряжении.

Афродита прислушалась, после чего взяла сумочку, достала сотовый телефон и ответила на звонок.

— Да, дорогая? Я уже выхожу.

Вивиан посмотрел ей вслед.

— Вот так вот моя же женщина уводит у меня женщин, — улыбнулся он.

— Надеюсь, вы не отправитесь на поиски приключений, и не оставите меня одну?

— Что вы. Ночь только началась, завтра выходной и никто никуда не торопится.

Особенно важно не торопиться с поиском приключений. А то мы найдем слишком много, и потом долго будем разбираться, что к чему. Как поживает господин Мэйсон?

Кларисса удивленно посмотрела на него.

— Вы с ним говорите... обо мне?

— Он упоминает о вас.

Кларисса улыбнулась.

— Надеюсь, упоминает в хорошем ключе?

— У пациента есть право на тайну, госпожа Вольфсон.

— Да, вы правы. Просто мы с ним почти не общаемся. Он весь в делах. Работа, работа, работа...

— Если бы он не работал, у вас бы не было денег, и вы бы не могли их тратить.

— Точно так же, как и у вашей женщины.

Воспользовавшись парой минут тишины, доктор Мори допил вино.

— Ваша беда, Кларисса, в том, что вы скучны.

Он не воспользовался вежливым «госпожа Вольфсон», и от Клариссы это не ускользнуло.

— Это вам сказал господин Мэйсон?

— Нет, это говорю вам я. Господин Мэйсон любит предсказуемых женщин. Это его беда. А ваша беда в том, что вы предсказуемы.

Кларисса промолчала.

— Изю дня в день вы живете одну и ту же жизнь, — продолжил Вивиан. — Вы заиклены на мыслях о собственном несовершенстве, об отсутствии таланта и о том, что ваша жизнь не удалась. Дита — ваша полная противоположность, и поэтому вы подружились. Вам удобно проецировать на нее ваши недостатки. Вы обвиняете ее в том, в чем боитесь обвинить себя. А в перерывах между этими обвинениями думаете о том, что хотели бы поменяться с ней ролями. Дита это понимает, и ей смешно. Но она сочувствует вам. Женская дружба отличается от мужской тем, что в последней статус и разница во взглядах не играет серьезную роль. А женская дружба основана на этих различиях.

— Что вы думаете по поводу того, чтобы попросить счет и поехать куда-нибудь, доктор?

— Предлагаю поехать ко мне домой. Надеюсь, вы не забыли про свое обещание?

Глава семнадцатая

Больше всего Афродита не любила вставать с кровати сразу после того, как просыпалась. В будние дни она заводила будильник минут на пятнадцать, а то и на тридцать раньше для того, чтобы у нее было время немного полежать. Вот и теперь она не торопилась открывать глаза, вспоминая увиденный сон и прислушиваясь к тишине спальни. Часы с большими цифрами, стоявшие на прикроватной тумбочке, показывали почти полдень. Афродита поудобнее устроилась на руке доктора Мори, который обнимал ее во сне, и снова положила голову на подушку.

— Все хорошо? — сонно спросил Вивиан. — У тебя ничего не болит? Который час?

— Без десяти двенадцать. По нашему графику, раннее воскресное утро.

Вивиан обнял ее чуть крепче. Афродита поправила одеяло: на улице шел дождь, окно в спальне всегда было открыто, и в комнате царила прохлада.

— Как ты провел вчерашний вечер? — снова заговорила она. — Точнее, вчерашнюю ночь?

— Я поехал домой с твоей очаровательной подругой. Она хорошо танцует, и только. Тот случай, когда женщину не спасает даже третий размер груди и длинные ноги.

Афродита приподняла голову и попыталась повернуться к нему.

— Чем вы занимались?

— Мы выпили, а потом я отвез ее домой.

— Ты меня разыгрываешь!

— Честное слово. Или от меня снова пахнет женщиной?

Она насмешливо фыркнула.

— Она тебе не понравилась?

— Она глупа, Дита. Во-вторых, в последнее время меня раздражают женщины, которые просят меня залезть к ним под юбку. Я пригласил ее на сеанс психоанализа. Ты не против?

— Это твоя работа, я не могу говорить тебе, кого приглашать. Вы обсудите ее эротические фантазии. Думаю, она давно этого жаждет. Обсудить их с тобой.

Вивиан провел пальцами вдоль ее позвоночника, и Афродита свернулась клубком.

— Помнишь? — спросила она.

— Что именно?

— Когда я была в больнице, ты ни разу не прикоснулся ко мне. Даже капельницу мне ставила медсестра.

— Наутро после того, как ты появилась в больнице, профессор Монтгомери позвал меня к себе и сказал, что после пережитого тебе вряд ли понравится, если к тебе будет прикасаться мужчина. Даже если учесть, что этот мужчина — врач. И я с ним согласился. Поэтому мы свели наш тактильный контакт к минимуму.

— Думаю, что-то подобное я чувствовала. — Афродита помолчала. — Как-то вечером мы остались в палате одни. Я ужинала, а ты заполнял медицинскую карту. В какой-то момент ты поднял голову, посмотрел на капельницу и заметил, что лекарство закончилось. Медсестры рядом не было — лекарство обычно меняла она. Я смотрела, как ты открываешь ампулу и набираешь лекарство в шприц для того, чтобы наполнить пакет для капельницы, и думала о том, какие у тебя красивые руки. Такие пальцы, будто ты не хирург, а художник или музыкант.

— Помню, ты спросила про татуировку. Тебя удивил мой ответ?

— Нет. Ты оставлял впечатление несчастного человека. Человека, который устал от жизни. И я вполне могла предположить, что ты говоришь правду.

Афродита повернулась к нему и взгляделась в его лицо — так, будто хотела понять его реакцию.

— Почему-то я думала, что ты проверишь иглу, поправишь что-нибудь. Прикоснешься ко мне. Но ты этого не сделал. Ты выбросил пустой шприц и сел, а потом снова принялся за карту. И я подумала, что это правильно. Потому что в тот момент мне так хотелось, чтобы ты прикоснулся ко мне. Даже случайно. С одной стороны, мне этого хотелось, с другой мне было страшно об этом думать — несколько дней назад убили моего мужа, я потеряла ребенка, во мне не должно быть таких ощущений, это неправильно, я не могу хотеть, чтобы ко мне прикоснулся мужчина, которого я почти не знаю. И... в тот момент мне казалось, что если ты прикоснешься ко мне, то я отдамся тебе прямо здесь. И не буду думать про медсестру, которая может войти сюда в любой момент.

— Я испытывал похожие ощущения. Но счет неуместным делиться этим с тобой. Только как это связано с позвоночником?

— Это начало истории, сейчас мы должны перенестись в тот вечер, когда я пришла к тебе домой.

Доктор Мори кивнул, всем своим видом показывая, что готов слушать.

— Я стояла возле шкафа в спальне, раскладывала свои вещи и в какой-то момент увлеклась своими мыслями. Ты вошел очень тихо, но я почувствовала, что ты стоишь у меня за спиной. И я вспомнила тот вечер в больнице. Подумала, что до этого ты ко мне ни разу не прикоснулся. Ты предлагаешь женщине жить с тобой в одной квартире, но ни разу не прикоснулся к ней. Ты не знаешь, как пахнут ее волосы, какая у нее кожа на ощупь, как она ведет себя в постели... и я думала — что ты сделаешь сейчас? Обнимешь меня? Погладишь по волосам? Я наклонилась для того, чтобы положить очередную стопку вещей в нижний ящик шкафа, мой свитер немного поднялся, и ты прикоснулся к моему позвоночнику. Как сейчас. Понятия не имею, о чем ты тогда думал — о том, что тебе нравится моя кожа или о том, что я такая худая, что на моей спине можно разглядеть все позвонки, но меня словно ударило током. Я ожидала всего угодно, но только не этого.

— Интересно, что же я должен был сделать? Может, разорвать на тебе одежду и изнасиловать?

— Не знаю. Но потом ты, как последний идиот, спросил: «Ты закончила с вещами? Можно выпить чаю». И у тебя было такое лицо, будто ты и не представлял, что произойдет в следующую секунду.

Афродита прикрыла глаза.

— Давай вообще не будем вставать, — предложила она. — Мы так давно не просыпались вместе. И вечно куда-то бежали. А теперь мы никуда не будем бежать. Разве что через пару часов встанем для того, чтобы пообедать. А потом снова вернемся в кровать.

— Ты не рассказала мне о том, чем вы занимались с доктором Гентингтон.

— Ну, если уж я сегодня примерила на себя роль рассказчика... — Афродита сморщила нос и рассмеялась. — Мы с доктором Гентингтон поехали гулять. Побывали в паре клубов, выпили. Это ты научил ее пить?

— Вовсе нет, я не учу таким вещам. Это вредно для здоровья.

— У меня давно не было чувства, что я могу доверять женщине. А когда я общалась с

ней, то была уверена, что ей можно доверять. И я говорила, говорила... а она слушала. Потом мы потанцевали. А дальше я буду рассказывать только после того, как ты меня обнимешь. Это обязательное условие.

Вивиан обнял ее, и Афродита приблизилась к его лицу почти вплотную.

— А потом, — сказала она, — мы поехали домой к господину Фельдману.

— Хотя бы кто-то получил удовольствие.

— Я шучу. Мы не поехали домой к господину Фельдману. Мы поехали в ту чудесную комнату в зоне для особо важных персон, которую ты купил пару месяцев назад.

— Господин Фельдман, как и я, замерз этой ночью в одиночестве?

— Да. А мы с доктором Гентингтон, — Афродита понизила голос почти до шепота, — провели пару приятных часов наедине. Когда я была с ней, у меня в голове крутилась эротическая фантазия: я соблазняю священника.

— Тебе хочется соблазнить священника?

— Сейчас мне хочется соблазнить тебя. Священник подождет.

Афродита повела плечами, освободившись от легкого пеньюара, и скользнула под одеяло.

— Я продолжу рассказ, — предупредила она. — Но надо растянуть удовольствие. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что я соскучился по тебе. И доктор Гентингтон меня не интересуется.

Звонок в дверь заставил Афродиту замереть. Через секунду она высунула голову из-под одеяла и, приподнявшись, прислушалась.

— Кто это может быть в такой час?

— Кто бы это ни был, он пришел не вовремя, потому что нас нет дома. — Вивиан снова обнял ее. — Сейчас они позвонят пару раз — максимум раза три, если они упрямы — и уйдут.

Афродита покачала головой и, встав с кровати, подняла с пола шелковый халат.

— Пожалуй, я открою. А то они перебудят всех соседей, и потом к нам придут с жалобами.

Двое мужчин на пороге несколько секунд хранили молчание, после чего один из них снял солнцезащитные очки (они выглядели особенно неуместными при мысли о пасмурной погоде) и достал из кармана плаща удостоверение.

— Госпожа Вайс, полагаю? — спросил он.

— Нет, Мария Антуанетта. Чем могу помочь, джентльмены? Для того чтобы заявиться в выходной день без предупреждения, у вас должна быть веская причина.

— Простите, я не представился. Детектив Мэтью Кэллаган, полиция Мирквуда. — И мужчина отдал ей сложенный вчетверо лист бумаги. — Это ордер на обыск квартиры доктора Мори.

Афродита посторонилась и пропустила полицейских в прихожую.

— Вы намереваетесь искать что-то конкретное, детектив? — спросила она. — Оружие? Наркотики? Проститутки? Нелегально завезенных в страну рабочих?

— Пока не знаю, госпожа Вайс. Познакомьтесь, Майкл Ларсон. Он любезно согласился составить мне компанию вместо детектива Мэдисон — у нее сегодня выходной.

Молодой человек, названный Майклом Ларсоном, выглядел растерянным. Он переводил взгляд с детектива Кэллагана на Афродиту и обратно, не зная, как вести себя в сложившейся ситуации.

— Пожалуй, я приступлю к делу, — заговорил детектив. — С какой комнаты вы предложите начать?

— С кабинета. Там, по крайней мере, нет такого бардака, как в спальне.

Вивиан слушал диалог, стоя в дверях спальни.

— Не думал, что детектив Мэдисон когда-то бывает выходной, — нарушил он свое молчание.

Детектив Кэллаган почтительно кивнул.

— Доктор Мори, — сказал он. — Прошу прощения за неожиданный визит. Я уже объяснил госпоже Вайс его причину, но могу...

— Не утруждайте себя. Если я скажу, что не хочу вас видеть, вы будете тыкать мне в нос своим ордером на обыск. Так что делайте свою работу.

Майкл проводил взглядом детектива, который исчез в дверях кабинета, и посмотрел на хозяина квартиры.

— Вы, судя по всему, сегодня выступаете в роли детектива Мэдисон?

Под внимательным взглядом Афродиты молодой человек улыбнулся.

— С детективной работой я не имею ничего общего. Я психолог. — И он протянул Вивиану руку. — Майкл Ларсон.

Доктор Мори ответил на рукопожатие, но разговор продолжать не торопился. Он изучающе оглядел Майкла.

— Вы сын Долорес Ларсон? — спросил он.

Майкл удивленно посмотрел на него.

— Да, — ответил он после паузы. — Вы помните маму?

— Я помню всех своих пациентов. Судя по тому, что она не навещает меня уже несколько месяцев, у нее все отлично. Но при случае передайте ей, что скоро она должна пройти общее обследование. Если не ошибаюсь, на прошлой неделе она отпраздновала свой день рождения? Пожалуйста, поздравьте ее от меня. — Доктор Мори пригласил гостя присесть. — Чувствуйте себя как дома. Вы решили не поступать на медицинский факультет, как хотела ваша матушка, и выбрали другую профессию? Почему именно психология?

Молодой человек смутился.

— Психология и криминология, — поправил он мягко. — Я решил, что судебная медицина — это слишком серьезно для меня.

— Вы испугались диссертации?

— Нет. Я хотел стать психиатром, но для этого нужно было бы изучать медицину...

Вивиан покачал головой.

— Что же, хочется верить, что Полицейская академия дала вам что-то, чего не могла дать медицина.

Афродита оглядела мужчин.

— Может, кто-нибудь хочет кофе? — спросила она. — Думаю, господин Ларсон от кофе не откажется. На улице такая погода, что и плохой хозяин не выпустит собаку на улицу. В такие дни лучше всего сидеть дома и читать, завернувшись в плед. Ну, или заниматься более приятными вещами. От которых вы отвлекли нас с доктором.

— Прекрати, Дита, это переходит границы хорошего тона, — ответил ей Вивиан. — Ты можешь приготовить кофе. Я тоже не откажусь.

— Не утруждайте себя, госпожа Вайс. Я нашел то, что искал. Вам придется поехать с нами.

Появившийся в гостиной детектив Кэллаган держал в руках пакет, в который полицейские обычно складывают вещественные доказательства. Он продемонстрировал находку, помахав ей в воздухе. В пакете находился небольшой пистолет.

— Что бы это значило? — спросила Афродита.

— Это оружие. Я нашел этот пистолет в ящике вашего письменного стола.

— Я и понятия не имею, что это за пистолет.

— Я расскажу вам, что это за пистолет. Вам его когда-то отдал Ник Тейлор.

Афродита поджала губы.

— Не понимаю, о чем вы, — сказала она. — Конечно, я часто возвращаюсь домой в темное время суток, но не имею привычки ходить пешком. Я никогда не носила с собой газовых баллончиков или ножей. Пистолетов — тем более.

— А стоило бы. Похоже, неприятная история с вашим покойным мужем вас ничему не научила.

— Я не думаю, что стоит разговаривать с дамой в таком тоне, — вмешался доктор Мори.

Детектив Кэллаган перевел взгляд на Вивиана.

— Ваша дама поедет со мной, доктор, — сказал он. — А вы останетесь. Господин Ларсон не даст вам скучать. У него тоже есть задание.

Афродита посмотрела на доктора Мори.

— Я разберусь сама, — сказала она негромко. — Хорошо?

— Я приеду через пару часов. Надеюсь, надолго господин Ларсон меня не задержит.

Когда за Афродитой и детективом Кэллаганом закрылась дверь, хозяин квартиры поднялся.

— Идемте, — пригласил он гостя. — Нам все же стоит выпить кофе.

Несколько минут Майкл изучал кухню, после чего присел возле стола. Вивиан достал из шкафа две небольшие чашки.

— В чем заключается ваше задание? — спросил он. — Вы тоже будете искать что-нибудь? Честно признаюсь, что у меня есть новокаин, викодин и морфий. Правда, все они куплены по рецептам. Ах да, у меня еще есть опиум. Портсигар на столе. Угощайтесь.

Молодой человек достал сигарету и, закулив, сделал пару глубоких затяжек.

— Замечательная штука, — похвалил он. — Наверное, помогает расслабиться?

Доктор Мори посмотрел на него через плечо и снова вернулся к приготовлению кофе.

— А вы производите впечатления правильного человека, — заметил он.

— Правильные люди не курят опиум?

— Предлагаю подискутировать на эту тему в другой раз. Так в чем заключается ваше задание?

— Мне поручили составить ваш психологический портрет.

— Вот как? А почему у меня дома?

— «Естественная среда обитания объекта». — Майкл сделал очередную затяжку и улыбнулся. — Цитирую учебник. Я был прилежным учеником.

Вивиан поставил на стол чашки с кофе и присел.

— Вы будете задавать мне каверзные вопросы? — спросил он, тоже достав сигарету.

— Скорее, личные. Если вам покажется, что они слишком откровенны, можете не отвечать.

— Надеюсь, вы не будете спрашивать меня о моих эротических фантазиях в

шестнадцатилетнем возрасте. — Доктор Мори подвинул к себе пепельницу. — Я полагаю, вы успели изучить мою психологическую характеристику, составленную доктором Эдитой Кейн. Мы с ней беседовали незадолго до того, как я поехал в Ливан.

— Да. Там было много о вашем эгоцентризме, о том, что вы склонны к саморазрушению, о том, что иногда вы впадаете в депрессивные состояния. Еще она писала о том, что вы не признаете авторитетов, что вы социопат, и что при уровне вашего интеллекта вам следовало бы терпимее относиться к глупости окружающих. Также вы страдаете комплексом Рубика, который выражается в вашей страсти к науке и в том, как вы выбираете друзей. Когда вы чувствуете, что в человеке больше нет загадки, вы перестаете с ним общаться. Помимо этого, вы очень ответственны во всем, что касается вашей работы, но совершенно беспомощны во всем, что касается обычной жизни. И еще вы очень любите женщин.

Доктор Мори сделал глоток кофе.

— Помнится, доктор Кейн подробно расспрашивала меня о моих предпочтениях в плане секса. Это она в характеристике тоже указывала?

— Она писала о том, что в постели вы предпочитаете доминировать.

— Интересно, ее декольте как-то повлияло на мою откровенность? Помню, в тот момент она наклонилась ко мне, чтобы я смог оценить его по достоинству. Я подумал, что она с помощью языка тела предлагает мне это продемонстрировать. — Вивиан стряхнул пепел с сигареты. — Что-то я все о своем. Знаете ли, психоаналитику везде мерещится язык тела и секс.

— Я хотел спросить о ваших отношениях с госпожой Вайс. Как бы вы их определили?

Поймав взгляд доктора Мори, молодой человек не отвел глаз. Он дождался ответной реплики.

— Не подумайте, что я не хочу говорить на эту тему. Просто у меня нет ответа на этот вопрос.

— Вы живете вместе четыре года. Неужели вы ни разу не спрашивали у себя, что между вами происходит?

— Не знаю, знакомо ли вам это чувство, но иногда бывает такое, что вам хорошо. Мы как бы живем свои отдельные жизни, но жизнь у нас одна. И в какой-то момент я подумал: зачем мучить себя вопросами, если ответы мне ничего не дадут? Как говорится, тот, кто мало знает, хорошо спит.

— Как вы отреагировали на историю с Ником Тейлором?

Вивиан потушил сигарету.

— Очень хочется вам солгать, Майкл, — ответил он, — но я не буду этого делать. Конечно же, болезненно. Иначе я отреагировать не мог.

— Вы знали, что госпожа Вайс была сводной сестрой Ника Тейлора?

Доктор Мори в последний момент опустил чашку на блюдце.

— Сводной сестрой? — переспросил он.

— Да, — кивнул Майкл. — Когда ей было восемь лет, Леон Тейлор удочерил ее. Точнее, он купил ее у дяди с тетей за приличную сумму денег.

— Крестный отец, — сказал Вивиан, делая глоток кофе.

— Совершенно верно. И жилось ей хорошо. До того момента, пока она не оказалась между молотом и наковальней — между своим сводным братом Ником Тейлором и сыном злейшего врага его отца, Полом Фонтейном, своим мужем.

***

Сонная девушка за стойкой встрепенулась и улыбнулась красивому молодому мужчине.

— Добрый вечер, — сказала она, оправляя форму. — Чем могу помочь?

— Мне нужна Афродита Вайс.

Девушка перевернула пару страниц журнала, лежавшего рядом с ней на столе.

— А кем вы ей приходитесь? — спросила она.

— Мы живем вместе. И я бы хотел забрать ее домой.

Дежурная красноречиво протянула руку, и в ее ладонь легла карточка водительских прав.

— Госпожа Вайс уехала час назад, доктор Мори. Милый джентльмен внес залог.

— И кто же этот милый джентльмен?

Дежурная снова обратилась к журналу. Пару секунд она изучала написанное, а потом указала пальцем с аккуратным перламутровым ногтем на подпись:

— Адам Фельдман.

Глава восемнадцатая

Адам не делил людей на «сов» и «жаворонков», и поэтому не задумывался над тем, к какой группе он относится: к тем, кто любит поспать, или же к тем, кто встает рано. Он не замечал за собой особой любви ко сну — сон для него был, скорее, необходимостью, чем приятным времяпрепровождением. Но этому утру было суждено стать исключением из правил.

Все началось с того, что Адам не услышал будильника — такого с ним не случилось еще ни разу, даже если он спал всего два часа. На девять утра была назначена встреча с Чарльзом. Агент не отличался пунктуальностью и, вполне вероятно, сам опоздал бы как минимум минут на сорок. Адам опаздывать не любил и вот уже с полчаса говорил себе, что пора вставать, но каждый раз переводил будильник на пять минут вперед — для того, чтобы еще немного поспать.

Вчерашний вечер выдался странным, если не сказать, что лишенным всякой логики. В половину седьмого Адам отвлекся от рукописи для того, чтобы налить себе чего-нибудь холодного, и ему позвонила Афродита. Просьба была странной — она попросила забрать ее из полицейского участка. Уже тогда у Адама возник вопрос «где доктор Мори», но он не стал его задавать.

Афродита выглядела усталой и взволнованной и наотрез отказалась говорить о том, как она оказалась в таком странном месте, да еще и в выходной. На предложение позвонить Вивиану она тоже ответила отказом, равно как и на предложение отвезти ее домой. Она не была в восторге и от идеи поехать куда-нибудь и развеяться. В результате Адам отвез ее к себе. Настроение работать пропало, разболелась голова, и он, извинившись перед гостьей, отправился спать. Афродита приготовила ему чай из каких-то трав, уверив, что он уснет через пару минут, а с утра будет чувствовать себя превосходно. И оказалась права. Адам и сам не заметил, как уснул, несмотря на мучившие его вопросы, коих было немало.

Теперь, лежа в кровати и глядя в потолок, он не уговаривал себя встать, а размышлял над теми же вопросами. Он мог понять Афродиту в прошлый раз, когда она пришла к нему домой — хотя бы мог предположить, что ей было некуда пойти в такой час. Но почему вчера она позвонила именно ему? У нее было право на один телефонный звонок, и она воспользовалась им, руководствуясь какой-то непонятной логикой. Она и словом не обмолвилась о том, что привело ее в полицейский участок, ничего не сказала о том, почему не хочет возвращаться домой... и Вивиан, который мог ей позвонить — ее сотовый телефон был включен — не позвонил. Адам чувствовал себя героем фильма с закрученным сюжетом. Только он и понятия не имел, что будет в следующей серии. Все зависело от того, что придет в голову режиссеру.

Через несколько минут Адам заставил себя сесть на кровати и оглядел спальню. Его одежда была аккуратно сложена на спинке стула — судя по всему, ее привела в порядок Афродита, потому что в моменты плохого самочувствия он имел привычку бросать вещи где придется и не думал о том, как они будут выглядеть на следующий день. Где спала его гостья, и спала ли она вообще? Очередная загадка. Интересно, сколько еще загадок окружало эту странную парочку — доктора Мори и Афродиту Вайс?

Он успел хорошо узнать Вивиана (по крайней мере, ему нравилось так думать), и тот доверял ему — может, потому, что больше никому не доверял, а, может, и потому, что хотел

ему верить. Но сколько еще тайн из прошлого доктора Мори ему предстоит узнать? Можно было только удивляться тому, как этот спокойный и на вид ничем не примечательный человек умудряется хранить столько всего внутри. А о том, что ему предстоит узнать о прошлом Афродиты, Адам вовсе не хотел думать. Если доктор Мори при более близком знакомстве оказался шкатулкой с тайнами, то она в этом плане его перещеголяла.

На сегодняшний день Адам был уверен в одном: он влюблен в чужую женщину. Более того — в женщину человека, которого он мог назвать своим хорошим другом. И, что еще хуже — друг этот любит эту женщину. Странной любовью, но, тем не менее, она была единственным человеком, который держал его в этой жизни. Он оказался в очень неприятной ситуации, хотя не мог сказать, что она была из ряда вон выходящей. Классический любовный треугольник, как раз такой, какие любят описывать авторы романов. Оставалось верить в то, что автор романа по-божески обойдется с героями.

***

Афродита варила кофе на кухне. Услышав шаги Адама, она обернулась.

— Доброе утро. У тебя уже не болит голова?

— Нет. Но я безбожно проспал, и не знаю, что со мной сделает мой...

— Я сказала, что ты плохо себя чувствуешь. Встреча откладывается на час.

Адам сел у стола.

— Ты знакома с Чарльзом?

— Он помогал Вивиану опубликовать его первую книгу, так что у меня есть связи и в вашем мире, господин Фельдман.

Афродита поставила перед ним чашку с кофе.

— Что ты будешь на завтрак? — спросила она. — Могу предложить салат и тосты, но если ты голоден, то приготовлю что-нибудь более серьезное.

Адам оглядел ее. На Афродите было длинное темно-серое платье, поверх которого она надела легкий белый жакет. Несобранные волосы, влажные после принятого душа, лежали на плечах.

— Спасибо, я ограничусь кофе.

— Ты не любишь завтракать?

— Скорее, я не привык, чтобы мне кто-то готовил завтрак.

Афродита закурила и присела напротив него.

— Ты всегда так рано встаешь? — снова нарушил молчание Адам, принимаясь за кофе.

— Я не люблю спать. Вместо того чтобы лежать в кровати, можно сделать что-то полезное.

Адам окинул взглядом кухню. Чашки, которые он расставлял в случайном порядке, выстроились в ряд — после прихода Афродиты чистота и рациональность вернулись на кухню.

— Ты расставляла чашки с утра?

— Ночью. Мне не спалось.

— А как же тот чай, который ты мне дала? На тебя он не действует?

— Тебе понравилось? Этот чай привез Вивиану кто-то из его друзей, и он дал мне пару пакетиков.

— Тот же друг, который привез ему кофе?

Афродита улыбнулась и подвинула к себе чашку.

— Тот самый. Ты уже знаешь историю про него?

— Да, доктор мне рассказывал.

— Судя по всему, не так подробно, как мне, иначе бы ты не говорил с таким спокойным лицом.

— Мне кажется, это довольно личные переживания.

— Я люблю, когда он рассказывает подробно о таких вещах в постели. Это доставляет мне удовольствие.

Адам достал сигареты.

— У меня есть вопрос, — сказал он. — Вчера, когда я предложил тебе позвонить доктору... почему ты отказалась?

— Спроси «почему ты позвонила не доктору, а мне». Это прозвучит более правдоподобно.

— Хорошо. Почему ты позвонила не доктору, а мне?

— Потому что мне хотелось позвонить тебе.

— Вы снова поссорились?

Афродита сделала глоток кофе.

— Нет, просто мне не хочется в очередной раз выслушивать его жалобы на жизнь. У него иногда бывают приступы... не знаю, как их назвать, саморазрушения, что ли, во время которых он невыносим. И... некоторые мои поступки провоцируют эти приступы. Поэтому я в такие моменты предпочитаю держаться от него подальше. Он поговорит по душам со своим приятелем, доктором Диксоном, они пойдут куда-нибудь, напьются, подцепят девочек. А через пару дней доктор снова будет делать вид, что он любит эту жизнь.

— Ты не думала, что в такие моменты ему хочется, чтобы ты была рядом?

— В такие моменты ему наплевать, находится кто-то рядом или нет. Он может сделать несчастным кого угодно, даже черта. А доктор Диксон спокойно это воспринимает, его уже ничем не удивить. Он выслушает, успокоит и даст совет. Я не могу это выслушивать. У меня начинается депрессия.

— То есть, тебе некому было позвонить, и ты позвонила мне?

Афродита потушила сигарету.

— Мне было кому звонить, Адам, но я хотела позвонить тебе. Такой ответ тебя устраивает?

— А почему ты позвонила именно мне?

— Потому что мне нравится твоя квартира. И мне нравится, что ты не задаешь лишних вопросов. Как сейчас.

— Как ты думаешь, какого мнения доктор обо всем этом?

Она тяжело вздохнула и поднялась.

— Пожалуй, мне пора.

— Только ответь на мой вопрос.

— «Просто ответь на мой вопрос, Дита, хорошо?». Мне это кого-то напоминает. Мне все равно, что об этом думает доктор. У меня есть моя жизнь и мое тело, и я распоряжаюсь ими как хочу. Хочу — сплю с тобой. Хочу — сплю с ним. Хочу — сплю с кем-то еще. Его это волновать не должно.

— Тем не менее, это его волнует.

Афродита собрала волосы и достала из сумочки шпильки.

— Если бы это его волновало, он бы мне позвонил.

— Ты могла бы попробовать сделать его счастливым. Думаю, он бы тебя поблагодарил.

— Поблагодарил? Смешно, Адам. Он обращен только в себя. Он эгоист.

Адам опустил глаза и принялся изучать скатерть.

— Мне кажется, это неправильно. Ведь он живет с тобой не только для того, чтобы... делать тебя несчастной.

— Меня удобно делать несчастной. Я чувствую, что я ему должна, и поэтому мне будет трудно уйти. А он этим пользуется. — Она пригладила волосы ладонью, проверяя, нет ли несобранных прядей. — Не принимай близко к сердцу, Адам. — Она улыбнулась ему. — Я составила список покупок. У тебя слишком пустой холодильник даже для холостяка.

***

Доктор Ванесса Портман положила ногу на ногу и посмотрела на своего пациента.

— Похоже, сегодня ты говорить не настроен, — сказала она.

— Если я говорю о чем-то, кроме секса, это не значит, что я не настроен говорить.

— Секс здесь не при чем. Я чувствую, что сегодня тебе не хочется со мной общаться.

— Я плохо себя чувствую.

— Хочешь болеутоляющее?

Вивиан приподнял голову, посмотрел на нее, а потом снова занял удобную позу на кушетке.

— Хорошая шутка, — оценил он. — Я имею в виду свое душевное состояние.

— Именно поэтому ты здесь.

— Да? А я-то думал, что я здесь потому, что профессор Монтгомери попросил у тебя проводить эти идиотские беседы раз в неделю, и ты не смогла ему отказать.

— Дело не в профессоре Монтгомери. Я знаю, что тебе это нужно, хотя ты до сих пор упрямишься и не хочешь этого признавать.

— Он боится, что я перережу себе вены? Для этого я слишком сильно себя люблю.

— Он хочет, чтобы ты жил нормальной жизнью.

— Ладно, Ванесса. Давай вернемся к обсуждению моих эротических фантазий.

Доктор Портман взяла со стола графин с водой, наполнила два стакана и протянула один из них коллеге.

— Ты узнал очередную нелестную подробность о своей женщине? — предположила она.

— Это не похоже на обсуждение моих эротических фантазий.

— Ответь мне, Вивиан. Твои эротические фантазии мы будем обсуждать потом. Если нам не хватит двух часов, мы продолжим — ни у меня, ни у тебя сегодня нет пациентов, так что у нас свободен весь вечер.

— Я бы не называл это нелестной подробностью, но у меня голова идет кругом от ее недоговорок. У тебя когда-нибудь такое бывало — ты рассказываешь человеку о себе все, а потом постепенно начинаешь узнавать что-то о нем? И это что-то, о чем он мог тебе рассказать, но умолчал?

Ванесса пожала плечами.

— Конечно, такое иногда случается, ведь все мы люди. Афродита знает о твоей первой женщине?

Вивиан снова приподнялся и посмотрел на нее.

— Нет, — ответил он коротко.

— Это тебя смущает? Ты думаешь, что совершил что-то недостойное?

— Я не понимаю, зачем говорить об этом с Дитой.

— Вот видишь. Она тоже считает, что не нужно говорить с тобой о некоторых вещах.

Он сделал глоток воды и положил голову на подушку.

— Что она думает по поводу доктора Гентингтон? — снова заговорила Ванесса.

— Все самое непристойное, что ты можешь придумать, помноженное на два.

— Меня каждый раз поражает твоя страсть портить все положительное. Хотелось бы мне понять, где ее истоки.

— Я таким родился. Один большой грех — от пальцев ног до кончиков волос. Просто в детстве я не понимал, что это такое.

Ванесса откинулась на спинку кресла и улыбнулась.

— Думаю, гены твоего отца сыграли в этом определенную роль.

— Мне скучно, — объявил Вивиан. — Подумать только — раз в неделю мы тратим два часа на никому не нужный психоаналитический сеанс, хотя в это время могли бы заниматься другими вещами.

— Какими?

— К примеру, мы бы могли притвориться, что нас тут нет, закрыть дверь на ключ, опустить жалюзи и заняться любовью.

Доктор Портман улыбнулась еще шире.

— Ты не находишь меня привлекательным? — продолжил Вивиан.

— Я нахожу тебя вызывающе привлекательным, хотя такие слова странно звучат, если их говорит женщина с моей ориентацией. Но ты вряд ли любишь женщин, которые в постели ничуть не живее бревна.

Доктор Мори театрально вздохнул.

— Я понял, почему профессор Монтгомери попросил тебя проводить эти сеансы. Меня каждый раз будет раздражать тот факт, что женщина говорит мне «нет», и что-то будет толкать меня на то, чтобы приходиться еще и еще. Я в глубине души буду надеяться, что ты скажешь мне «да», но ты мне такого не скажешь, потому что любишь женщин. Какой коварный ход.

Ванесса рассмеялась.

— Мужчины легкодоступны. Сколько бы у них ни было денег, машин, домов и докторских степеней, стоит женщине надеть короткую юбку и приоткрыть грудь, они опускаются на четвереньки и начинают за ними ползти. Женщина устроена сложнее. Ее надо добиваться. Тут не отделаешься красивыми ногами и декольте. Но зато с какой страстью ты отдаешься тому, кого так долго желал и, наконец, получил...

— Может, мы сделаем исключение и обсудим твои эротические фантазии? Ненадолго. Хотя бы минут на пятнадцать.

— Хорошо, — смилостивилась Ванесса и добавила со смешком: — Если уж я не могу доставить тебе удовольствие в постели, то доставлю тебе удовольствие таким способом. Освободить тебе кресло?

Вивиан положил руку на бархат кушетки рядом с собой.

— Я подвинусь. Здесь много места.

Ванесса сняла туфли и легла, прикрыв глаза.

— Итак, что вы хотите услышать, доктор? — спросила она.

— Начни с того, что придет тебе в голову. А потом я буду задавать вопросы.

— Только сделай одолжение — веди себя как джентльмен и не распускай руки.

— Для человека, который являет собой грех, я пока что веду себя идеально.

Привыкшая входить в кабинеты врачей без стука секретарь замерла на пороге, и ее щеки залились румянцем.

— Доктор Мори, — заговорила она неуверенно, — к вам... пришли.

Ванесса встала, поправив волосы, и снова надела туфли.

— Не волнуйтесь так, Стелла, — успокоила она секретаря. — Мы с доктором Мори обсуждали мои эротические фантазии.

— Да-да. — Девушка прижала к груди папку, которую держала в руках, и неуверенно улыбнулась. — Понимаю. В любом случае, простите, что помешала.

Увидев Вивиана, доктор Гентингтон поднялась из кресла.

— Я звонила, но ты не отвечал, — сказала она.

— Ты могла бы послать сообщение на пейджер, он всегда со мной.

— Это не срочно. Ты был занят?

Доктор Портман появилась в дверях своего кабинета. Она застегнула верхнюю пуговицу блузки и посмотрела на Анжелику.

— Рада вас видеть, доктор Гентингтон. Как вы поживаете?

— Спасибо, хорошо. — Анжелика оглядела ее. — У вас тоже все в порядке?

— Не смотрите на меня такими ревнивыми глазами. Несмотря на настойчивые предложения доктора Мори, я не имею привычки заводить служебные романы. С мужчинами, — добавила она с улыбкой и снова скрылась в кабинете.

Секретарь сделала вид, что увлечена работой с документами.

— Я хотел позвонить, но не думал, что это будет уместно. — Вивиан пропустил Анжелику вперед и прикрыл дверь своего кабинета. — Твой муж производит впечатление ревнивого человека, мне не хотелось бы с ним ссориться. Он, как-никак, мой пациент.

— А я хотела сказать, что соскучилась.

Анжелика обняла его, провела пальцами по щекам, по шее и остановилась на пуговицах рубашки.

— Надеюсь, твой коллега не имеет привычки входить без стука?

— Нет. Только секретарь.

— Тогда давай закроем дверь.

— Давай поедem домой. Я хочу поужинать. И еще я помню, что обещал угостить тебя кофе.

Глава девятнадцатая

— Вы плохо выглядите, госпожа Вайс. Я налью вам стакан воды?

— Нет, спасибо. Я хорошо себя чувствую, просто почти не спала ночью.

Доктор Алиса Кэмерон с сожалением покачала головой, но ничего не ответила. Афродита посмотрела на нее.

— Вы, наверное, обрадуетесь, — сказала она, и в ее голосе послышались едва уловимые нотки сарказма. — Вам не понадобилось рассказывать мне душещипательных историй насчет аборт.

— Вы передумали?

— Временно. Только не думайте, что вы на меня повлияли.

— В любом случае, я рада, что вы... — Алиса запнулась. — Не стали делать необдуманных шагов.

Афродита оглядела кабинет, и взгляд ее остановился на плакате, где было изображено развитие эмбриона.

— Вы с доктором Мори хорошие друзья, да? — спросила она.

— Для коллег мы довольно близко общаемся, но наши отношения ограничиваются взаимными консультациями и чашкой кофе во время ночных дежурств.

— Я хотела попросить у вас совета. По поводу... всего этого. Что бы вы сделали на моем месте?

— Я не думаю, что вам нужен мой совет, госпожа Вайс. Вы достаточно мудры для того, чтобы поступать так, как считаете нужным.

— И все же мне хотелось бы узнать, что вы об этом думаете.

Алиса несколько секунд перебирала в руках шариковую ручку с логотипом госпиталя.

— Я за то, чтобы между мужчиной и женщиной не было секретов, — заговорила она, наконец. — Кроме того, я считаю, что правда рано или поздно выходит на свет. И лучше рассказать это сейчас.

— А если он не хочет этого ребенка? Вы ведь его совсем не знаете...

— Вы ошибаетесь, моя дорогая. Я отлично его знаю. И скажу вам кое-что еще. Если мужчина любит вас, то он будет любить и вашего ребенка. И совсем не важно, чей это ребенок — его или же чужой.

Афродита молчала. Доктор Кэмерон отложила ручку и, приподнявшись, наклонилась к ней через стол.

— Мой первый муж бросил меня, когда я была на седьмом месяце беременности, — сказала она. — Мы жили вместе два года, и оба знали, что этот брак обречен, но должно было произойти что-то, чему было суждено стать последней каплей. Он понял, что если со мной ему было тяжело, то с ребенком будет еще тяжелее. К тому времени мы с Жаном были друзьями, и я, разумеется, не могла и думать о том, что между нами возникнет что-то, похожее на отношения. А он через две недели после моего развода предложил мне руку и сердце. Мы обвенчались в больнице. На следующий день после того, как я родила Натали. Ему было наплевать, чей это ребенок и что было в моей жизни до того, как мы поженились. Я не ожидала от него такого поступка. Но мужчиной порой удивляют нас, госпожа Вайс.

Короткий сигнал пейджера вернул Алису к реальности. Сегодня она была дежурным врачом в приемном покое, и ожидала сообщения вроде «доктор Кэмерон, срочно пройдите в

первую операционную», но ошиблась. «Если ты сейчас же не спустишься, шампанское закончится», значилось в сообщении. Увидев подпись «В.М.», она достала сотовый телефон и набрала номер.

— Что бы это значило? — спросила она, услышав знакомое «да» на другом конце провода.

— Я никогда не был так близок к тому, чтобы обидеться на тебя, Алиса, — ответил доктор Мори. — Ты пропустила речь, которую произнес в мою честь доктор Миллер, и торжественную речь профессора Монтгомери. Проще говоря, ты пропустила всю официальную часть и не порадовалась за своего коллегу, который сегодня получил должность руководителя онкологического отделения. Шампанского почти не осталось, и, если ты не придешь в ближайшие пятнадцать минут, то Роберт его допьет. Он уже намеревался это сделать, но я его остановил.

— Прости, я совсем забыла. Кручусь, как белка в колесе. Буду через пять минут.

Афродита посмотрела на то, как Алиса отключает телефон и возвращает его в карман халата.

— Дайте-ка я угадаю: вам пора бежать.

— У вашего мужчины сегодня важный день.

— Да, знаю, он прожужжал мне все уши насчет этого.

— Вы хотите пойти со мной?

— Увы, мне нужно идти, у меня через сорок минут репетиция. Поздравлю его позже.

***

Доктор Роберт Диксон взял очередной бокал с шампанским и оглядел зал.

— Ну и ну, — сказал он задумчиво. — Я и подумать не мог, что в больнице работает столько народу!

— Когда ты работаешь в приемном покое, то видишь исключительно пациентов. Так что удивляться тут нечему.

Доктор Мори посмотрел на часы.

— Алиса сказала, что придет через пять минут. Похоже, женщины-врачи так же непунктуальны, как обычные женщины.

— Кстати, насчет женщин. Мой хороший приятель уезжает на месяц, у него есть дом за городом. Он оставляет его на мое попечение. Можно было бы съездить туда на выходные и справить твой день рождения. Я, ты, Алиса и Афродита. Мы устроим праздничный ужин, а потом будем купаться в бассейне ночью при свете луны и звезд.

— Без одежды.

— Ты предсказуем, Вивиан.

— Нет, это ты слишком проницателен. Мне нравится эта идея, но вместо Афродиты предлагаю взять кого-нибудь другого. Она лучше умрет, чем будет слушать твои циничные шутки.

Роберт задумчиво потер подбородок.

— Анжелика? — спросил он коротко.

— Предлагаю кандидатуру Ванессы. Думаю, это самое подходящее.

Доктор Диксон фыркнул от смеха.

— Ты, похоже, до сих пор не оставил попыток?

— В любом случае, мне было бы приятно пообщаться с ней в неофициальной обстановке. Тем более что у нее передо мной теперь есть небольшой должок.

— Она пообещала пригласить тебя домой и посмотреть на то, как они с ее подругой занимаются любовью, а у тебя на тот вечер были другие планы?

— Ты предскажем, Роберт.

Вивиан кивнул профессору Монтгомери, который молчаливо указал на дверь, сообщая, что уходит. Роберт сделал глоток шампанского.

— Можно и Ванессу, — заговорил он. — Только пусть возьмет подругу, если уж обещала.

— Кстати, насчет Алисы. Я что-то пропустил?

— Нет, просто я подумал, что неплохо было бы провести вместе выходные. Она много работает, а потом приходит домой, начинает готовить и убирать. Мне кажется, что она не будет против небольшого отпуска.

— Надеюсь, ее муж тоже не будет против.

— Ее мужа я беру на себя. Мы с ним знакомы, когда-то вместе служили. Проблема может возникнуть с тобой.

— Даже так?

Доктор Диксон насмешливо посмотрел на коллегу.

— Она ведь влюблена в тебя по уши. Ты что, не знаешь Алису? Ей-богу, Вивиан, иногда ты становишься слеп, как целое стадо слепцов. Держу пари, она мечтает о том, что встанет не в пять утра, а в четыре, приготовит завтрак мужу, а потом приготовит завтрак тебе. Надеюсь, тот факт, что она в тебя влюблена, ты отрицать не будешь?

— Это просто дружеская привязанность.

— А вот и доктор Кэмерон. Отложим беседу на потом.

Алиса приняла из рук Роберта бокал с шампанским.

— Прошу прощения, что опоздала, — обратилась она к Вивиану. — Но в любом случае прими мои поздравления. Ты уже ощущаешь свою власть над людьми?

— Власть меня не интересует, но мне нравится думать о том, что теперь я смогу что-нибудь изменить к лучшему.

— У меня есть деловое предложение по поводу выходных, — подал голос доктор Диксон. — Хочешь поехать за город? Мы будем жить в шикарном викторианском особняке, пить шампанское на завтрак, дорогое вино на обед и французский коньяк на ужин, а в перерывах между трапезами будем осматривать окрестности. А заодно справим день рождения доктора Мори.

— За город? — Алиса перевела взгляд с Роберта на Вивиана и обратно. — Я и... вы?

— Со мной поедет моя коллега по психоаналитической практике, — ответил доктор Мори. — Так что все будет вполне справедливо с точки зрения расстановки сил.

— Звучит заманчиво.

Доктор Диксон вернул пустой бокал на стол.

— Вынужден вас оставить, — сказал он. — У меня куча дел.

— Надеюсь, сегодня ты никого не оперируешь и не приближаешься к пациентам с чем-то, что напоминает иглу или скальпель? — спросил Вивиан.

Роберт широко улыбнулся — обычно он пил мало и редко, и после двух бокалов шампанского в его глазах появились озорные искорки.

— Не волнуйтесь, доктор Мори, — сказал он. — Максимум я позову вас, и мы выпьем еще по бокальчику — за упокой несчастного.

Алиса покачала головой — она спокойно относилась к шуткам о смерти, но большой

поклонницей черного юмора не была.

— Мне нужно разобрать бумаги, — пояснил доктор Диксон. — Счастливо оставаться.

— Он неисправим, — сказала доктор Кэмерон, провожая взглядом коллегу.

Вивиан посмотрел на нее.

— Так что ты думаешь по поводу выходных?

— Посмотрим, есть ли у Жана какие-то планы.

— Ты не можешь во всем зависеть от мужа, Алиса. У тебя есть право на личное пространство.

Она вздохнула.

— Если бы на моем пальце не было обручального кольца, вероятно, я рассуждала бы иначе.

— Ты говоришь так, будто брак — это пожизненный срок в тюрьме строгого режима.

— Я не хочу обсуждать это, Вивиан. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Расскажи мне, почему твои пять минут оказались двадцатью минутами. Или мне на самом деле стоит обидеться?

— Расскажу с удовольствием. У меня была пациентка. Афродита.

Доктор Мори присел на стол.

— Не знал, что ты ее личный гинеколог.

— Ее личный гинеколог взял больничный, и она пришла ко мне.

— О чем вы разговаривали целых двадцать минут?

Алиса сделала паузу.

— Я не могу обсуждать с тобой больничную карту пациента. Думаю, ты меня понимаешь. Если она сочтет нужным, то все тебе расскажет.

— А в тот раз, когда ты искала меня в кафетерии, она тоже была у тебя?

Алиса посмотрела на выходящих из зала врачей.

— Нет, — ответила она, а потом улыбнулась и положила руку ему на плечо. — Ничего страшного не произошло. Не делай такое лицо, будто завтра наступит конец света. Если бы ты знал, сколько у нас, женщин, чисто женских проблем, ты бы поблагодарил Господа за то, что он создал тебя мужчиной.

***

Услышав звук открывающейся двери, Афродита поставила диск в проигрывателе DVD на паузу и, поднявшись из кресла, направилась в прихожую. Несколько секунд она смотрела на то, как Вивиан кладет перчатки в карман и снимает плащ.

— Рановато ты сегодня, — сказал он ей. — Я думал, у тебя репетиция.

— Мы закончили раньше. Ты, наверное, голоден. Пойдем, я разогрею ужин.

— Я не хочу есть, но от чашки чая не откажусь.

На кухне Афродита открыла один из шкафов и достала оттуда деревянную шкатулку с чаем.

— Прости, что не пришла сегодня, — сказала она. — Но у меня есть для тебя подарок. Правда, тебе придется немного подождать, с ним возникли некоторые сложности. Думаю, ты его получишь через неделю — как раз ко дню рождения.

— Буду ждать с нетерпением. — Вивиан сел за стол и подвинул к себе пепельницу. — Что ты смотрела?

— «Доктора Хауса».

— Никогда не замечал за тобой любви к медицинским сериалам.

— Я тоже. Но мне было скучно, и я решила просмотреть твои диски. А теперь не могу остановиться, уже почти досмотрела первый сезон. Мне нравится доктор Кадди. А тебе?

— Для меня они с Хаусом делят пальму первенства на протяжении всех четырех сезонов, которые я успел посмотреть. Как прошел твой визит в полицейский участок?

Афродита бросила на него короткий взгляд и снова сосредоточилась на приготовлении чая.

— Утомительно, — ответила она.

— Ты не хочешь объяснить мне, что произошло?

— Что именно? То, каким образом пистолет Ника оказался в ящике моего письменного стола? Он уже давно там лежит, Ник дал мне его для самозащиты и не соглашался забирать обратно. Я не прикасалась к нему целую вечность. Почти забыла о том, что он у меня есть.

— Я не хочу даже слышать о том, что ты имеешь что-то общее с Тейлорами, Дита. И, надеюсь, это был последний визит полиции в мой дом.

Афродита поставила на стол две чашки с чаем.

— Я думала, ты позвонишь, — сказала она. — И ты обещал приехать.

— Я приехал. Но выяснилось, что меня опередил милый джентльмен по имени Адам Фельдман.

— Ты мог позвонить потом.

— Я не хотел мешать.

Афродита взяла чашку и посмотрела на Вивиана. Он курил, изучая приоткрытое окно и колеблющиеся от ветра занавески.

— Ты ревнуешь? — спросила она.

— Если тебе нравится так думать, то да.

— Никто из нас не давал тебе повода.

— Мне не нужен повод.

— Кто бы сомневался.

Афродита тоже закурила и, положив руку на стол, критически оглядела свои ногти.

— Давай поговорим откровенно, Дита. Я считаю, что наши отношения имеют право на жизнь только в одном случае — если у нас друг перед другом не будет никаких тайн, и я тебе говорил об этом много раз. Мне надоело дожидаться очередного секрета из твоего прошлого, который, как чертик, выпрыгнет из табакерки. Последние пару дней я думал... — Вивиан замолчал. — Впрочем, не важно. Что бы ни произошло в твоём прошлом, Дита, я приму все, и ты можешь рассказать мне об этом. То же самое касается и моего прошлого.

— Зачем тебе это?

— Затем, что я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Я не могу прожить всю жизнь с человеком, которому не доверяю.

Афродита потушила недокуренную сигарету в пепельнице.

— Замуж? — переспросила она. — Ты шутишь?

— Не так давно ты сама спрашивала у меня, почему я не предлагаю тебе выйти за меня замуж. Я подумал и решил, что ты права. Мы четыре года живем вместе, ведь это не может продолжаться вечно. Отношения должны развиваться. Или ты со мной не согласна?

— Согласна. — Афродита запоздало подумала о том, что зря потушила сигарету, и закурила в очередной раз. — Скажи мне... это, конечно, просто предположение, но мне важно знать. Если бы ты узнал, что я беременна, ты бы сделал мне предложение раньше?

Вивиан поднял бровь.

— Странный вопрос. Да я был бы самым счастливым человеком на свете!

— На самом деле?

— Конечно. По-моему, все нормальные люди так реагируют на подобные новости.

— И ты бы... не боялся, что ребенок привяжет тебя ко мне?

— Я не понимаю, зачем ты это спрашиваешь, Дита. Или ты хочешь рассказать мне что-то, о чем я не знаю?

— Да. Но это не связано с ребенком. Я хочу рассказать тебе... мы с Ником были родственниками.

— Он был твоим сводным братом. Я знаю.

Афродита подняла глаза.

— Мне рассказал об этом молодой человек, коллега детектива, — продолжил Вивиан. — Он, видимо, был уверен в том, что я в курсе дел. Я заставил его почувствовать себя неудобно.

— И что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что в этом нет ничего странного или предосудительного. Моей первой женщиной была моя сводная сестра.

От удивления Афродита даже поднялась со стула.

— Как? — выдохнула она.

— Дочь Джозефа, мужа моей матери — его ребенок от первого брака. Джозеф с мамой месяца три переписывались и перезванивались, а потом он приехал к ней вместе с дочерью. Она была старше меня на пару лет, уже училась в университете. До нее я был так увлечен учебой и предстоящим поступлением, что почти не смотрел на девушек — и тем более не приглашал их на свидания. А когда я увидел ее, у меня будто что-то щелкнуло в голове. Первое время я даже боялся этого чувства — отчасти потому, что оно практически не поддавалось контролю, отчасти потому, что я не мог понять, что это за чувство. Пока однажды я окончательно не понял, что не могу держать его в себе. Они гостили у нас неделю, и это была самая чудесная неделя в моей жизни. Ты как-то спрашивала у меня про мой медальон. Ее звали Рэне, это слово почти созвучно с французским «лиса». За день до отъезда она подарила мне медальон с выгравированной головой лисы.

— С ума сойти, — только и сказала Афродита. — Ты рассказывал мне про Беатрис, но и словом не обмолвился о своей первой женщине! А что сказала твоя мама?

— Слава Богу, она об этом не знала. Любовная связь с моим отцом — это единственный грех, который она совершила. У нее всегда были твердые моральные принципы, и она осуждала людей, которые на них плюют. Держу пари, у нее случился бы сердечный приступ, узнай она хотя бы о части моих приключений.

Афродита поднялась, подошла к Вивиану и села к нему на колени.

— Хватит на сегодня откровений и рассказов о прошлом, — сказала она. — Пойдем спать. Мне завтра рано вставать.

— Да, мне тоже. Завтра я занят целый день — у меня десять пациентов. И первый из них — Джеральд Гентингтон. Какая мука — выслушивать рассказы про его эротические сны с самого утра...

— Кстати, тебе звонила доктор Портман. Попросила передать, что завтра задержится. У нее такой... проникновенный голос. Когда ты его слышишь, тебе не хочется ее изнасиловать?

— Это желание становится сильнее, когда я на нее смотрю.

Афродита мечтательно улыбнулась.

— Я бы с удовольствием посмотрела на то, как ты ее трахаеть...

— Скорее, это я бы с удовольствием посмотрел на то, как вы занимаетесь любовью.

Потому что она предпочитает женщин.

— Какими глупыми вещами люди начинают забивать себе голову, когда речь заходит о сексуальной ориентации...

Глава двадцатая

— Где же ваши записи, господин Гентингтон? Неужели вы забыли их дома? В следующий раз я не буду назначать вам сеанс на восемь утра. Вы хотите кофе?

Джеральд покачал головой.

— Нет, доктор, благодарю вас. У меня кофеиновая диета — когда вы выпиваете пять чашек в день, рано или поздно приходите к выводу, что следует придерживаться лошадей.

— Вы правы. Так что же, вы не принесли свой дневник?

— По правде говоря, сегодня я ограничен во времени, поэтому, если позволите, мы сократим нашу встречу. И я хотел поговорить с вами не о моих снах, а об Анжелике.

Доктор Мори сцепил пальцы и посмотрел на пациента.

— Я внимательно слушаю вас, господин Гентингтон.

— Во время одного из прошлых сеансов вы сказали мне, что я не спрашиваю у своей... темной половины, чего она хочет. Что я использую ее, но ничего не даю ей взамен. Я пришел к выводу, что вы правы. В итоге я взял два билета до Амстердама — для себя и для своего друга — и решил, что было бы неплохо развеяться. Я тысячу лет никуда не ездил отдыхать. И... у вас никогда не было такого ощущения, будто вы переживаете второй медовый месяц? — Джеральд помолчал, оценивая свои слова. — Ну... вы поняли меня.

Доктор Мори зевнул, и Джеральд это заметил. Вивиан улыбнулся, пытаясь скрыть смущение.

— Это примерно то, что не давало мне спать этой ночью. Простите. Умираю от усталости.

— У меня такое ощущение, будто я снова влюбился в собственную жену — совсем как тогда, когда впервые ее встретил. Тогда я влюбился с первого взгляда, хотя до этого не верил, что такое возможно. И сейчас я испытываю похожие ощущения, но в миллион раз сильнее. Я впервые за все время нашей совместной жизни поймал себя на мысли, что с утра мне не хочется уходить. Что мне хочется провести с ней весь день. И что я был бы рад вообще не уходить из дома, быть с ней двадцать четыре часа в сутки.

— В этом нет ничего странного, мой друг. Вероятно, вы сделали или сказали что-то, что повлекло за собой такую реакцию. Как я понимаю, вы говорите, прежде всего, про секс?

— Да, но не только. Она изменилась. Стала другой. Она... как бы сказать? Она стала женщиной. Раньше меня в ней притягивала неприступность, какая-то скрытность, может, даже застенчивость. А теперь в ней этого нет, но я хочу ее только сильнее. — Джеральд пожал плечами. — Или я был слеп, как последний осел, и не видел в своей жене женщину, или... — Он рассмеялся. — Это прозвучит дико, но если бы я не знал ее так хорошо, то подумал бы, что она завела любовника.

Доктор Мори пару взял чашку с кофе.

— Порой, господин Гентингтон, другой мужчина помогает женщине в полной мере раскрыть свою сущность. Иногда она может появиться перед мужем даже не в откровенном платье, а обнаженной, но он и бровью не поведет, потому что уже не видит в ней женщину. И тогда мысль о связи на стороне вполне может прийти ей в голову. Правда, не думаю, что ваша жена на это способна.

— Это зависит не только от нее, но и от другого мужчины. Думаю, вы со мной согласитесь.

— Конечно. Но я склонен думать, что вы были увлечены собой, и другой мужчина здесь не при чем.

Джеральд посмотрел на наручные часы.

— Вам пора идти? — спросил доктор Мори. — Буду рад, если вы сможете уделить мне еще пару минут. Это не связано с сеансом. Личный вопрос.

— Разумеется, доктор.

— Вы с господином Фельдманом дружны довольно давно, я прав?

— Да. Мы познакомились еще в университете.

— Скажите, вы в курсе подробностей его личной жизни? С какими женщинами он встречался? Как часто? Как долго длились его романы?

Джеральд задумчиво поднял глаза к потолку, подцепив пальцем браслет-цепочку на запястье.

— По правде говоря, я не интересовался подобными вещами, но, если постараться, могу что-нибудь вспомнить. А почему вы спрашиваете?

— Из всех ваших многочисленных приятелей другом вы называете только его. Следовательно, второй билет в Амстердам предназначался господину Фельдману. Мне было бы интересно узнать, чем вы собирались там заниматься. Вы ведь более-менее осведомлены о его вкусах, не так ли?

Во время затянувшейся паузы доктор Мори изучал лицо Джеральда, терпеливо дожидаясь ответа. Наконец, пациент сдался.

— Меня иногда пугает ваша проницательность, доктор, — заговорил он. — Серьезных романов у него не было. За четыре года учебы он встречался с парой-тройкой женщин, ничего особенного и из ряда вон выходящего. Думаю, его отношения с каждой из них длились максимум месяца четыре. Я бы даже не называл это романами. Просто увлечения — так, будто он делал это от скуки. В отличие от меня, он никогда не делал из секса культ и не думал, что без женщины мужчина может просуществовать максимум неделю.

— Вы на самом деле так думаете?

Джеральд посмотрел на доктора Мори.

— Ну, я, конечно, слегка утрирую...

— Я всегда придерживался мнения, что мужчина может просуществовать без женщины максимум три дня.

Не заметив на лице Вивиана улыбки, Джеральд недоуменно поднял брови. Но в следующую секунду доктор Мори рассмеялся, и пациент присоединился к нему.

— Вам давно пора привыкнуть к моим шуткам, господин Гентингтон. Тем более, на такие темы.

***

Доктор Ванесса Портман приветственно кивнула коллеге, на секунду оторвавшись от заполняемых документов.

— Интересно, какие личные дела задержали тебя до самого обеда?

— На то они и личные, чтобы о них знала только я.

Вивиан открыл дверь чуть шире, прислонился к дверному косяку и посмотрел на нее.

— Не припомню, чтобы личная жизнь мешала твоей работе. Видимо, ты завела серьезный роман?

Доктор Портман подняла глаза.

— Мешала работе? Что бы это значило?

— Пару часов назад звонила твоя пациентка. До этого она звонила тебе, ты не отвечала.

— Госпожа Ларсен? Да, я вчера до нее не дозвонилась и не смогла предупредить, что сегодняшний сеанс отменяется.

— Я сказал ей, что у нее приятный голос, и я буду рад ее принять. Даже очень рад. Только ей, кажется, не понравилась эта идея.

— Очень смешно, Вивиан. Особенно если учесть, что ее изнасиловал муж, и теперь она уже полгода ходит к психоаналитику.

— Пока что я не научился ставить диагноз только по фразе «доктора Портман сегодня не будет? Может, кто-то другой сможет меня принять?».

— Она подразумевала психоаналитика-женщину.

— Если она ходит сюда целых полгода, то, наверное, успела прочитать на табличках у входной двери, что в этом офисе работают два психоаналитика. Один из них — доктор Ванесса Портман. Второй — доктор Вивиан Мори. И когда уже пациенты поймут, что некоторые имена могут принадлежать и женщинам, и мужчинам?

Ванесса сняла очки и положила их на бумаги.

— Ты в своем репертуаре, — сказала она, потирая переносицу. — Виноват весь мир, но ты всегда прав. Тебе лучше не открывать рот при моих пациентках. Мне хватает их потерянного взгляда и бесконечных вопросов после того, как они случайно видят тебя в коридоре.

Доктор Мори присел в одно из кресел.

— Что они спрашивают? «Кто этот очаровательный джентльмен, которому доктор Портман по какой-то непонятной причине до сих пор не уделяет внимания?»?

— У тебя, похоже, выдалась хорошая ночь, Вивиан? А у меня много работы. И тебе, если я не ошибаюсь, пора в университет?

— Когда у меня приступы апатии, это вызывает у тебя тревогу. Когда я разговариваю с тобой в своей обычной манере, тебе это тоже не нравится. Тогда как же мне себя вести?

— Так, как должны себя коллеги, — отрезала доктор Портман и, снова надев очки, занялась бумагами.

Вивиан взял со стола бронзовую статуэтку кошки и принялся внимательно изучать ее.

— Я ненавижу слово «должен», — сказал он глубокомысленно. — Хотя бы скажи мне, что ты им отвечаешь. А то я умру от любопытства, и завтра тебе придется принимать моих пациентов. Мужчин, в том числе. Ты ведь этого не хочешь.

— Что я им отвечаю? «Это доктор Вивиан Мори, с которым я когда-то связалась на свою голову потому, что он задавал мне вопросы о психологии лесбийской любви, и этим меня подкупил, ведь это — тема моих исследований. Он мой коллега по психоаналитической практике. Он уже четыре года живет с одной и той же женщиной, что не мешает ему заглядывать под каждую юбку и печалиться по поводу того, что такими темпами женщины в этом городе быстро закончатся. И ему лучше ходить, опустив глаза в пол и молчать, потому что одним только взглядом и фразой «доброе утро» он может заставить умереть от стыда любую женщину».

— Теперь я не удивляюсь, что госпожа Ларсен не хочет приходить ко мне на психоаналитический сеанс. Кстати, насчет сеанса. Когда следующий? Я про наш сеанс, если что. Ты мне теперь кое-что должна.

Доктор Портман бросила на него короткий взгляд.

— Да? И что же?

— Когда мы начнем сеанс, я тебе напомним. И, пользуясь случаем, вот что. Роберт решил отпраздновать мой день рождения за городом, кто-то из его приятелей уехал и оставил ему дом. И мы решили пригласить тебя. Я, Роберт, ты и Алиса Кэмерон.

Ванесса заулыбалась.

— Хороший ход, доктор Мори. То есть, вы решили приманить меня Алисой Кэмерон? А почему же не Афродитой? Или вы не любите делиться своим?

Вивиан скрестил руки на груди и возмущенно покачал головой.

— Последняя фраза вполне заслуживает того, чтобы я сейчас встал и ушел, даже не попрощавшись.

— Я тонко намекаю тебе на это уже несколько минут.

— Я серьезно, Ванесса. Надеюсь, ты не обидишь меня отказом?

— При условии, что Роберт не будет слишком много пить. Когда мы ездили отдыхать втроем в прошлый раз, он довел меня до белого каления своими рассказами про женщин.

— Зато, считаю нужным тебе напомнить, это не ты проснулась с ним с утра в одной кровати. И не тебя он донимал бесконечными вопросами о том, что вы делали ночью. И не тебе нужно было его убеждать в том, что ничего не было, и что это он, как последний идиот, завалился в чужую спальню в половине пятого утра. Да еще после холодного душа, который принял в одежде.

Доктор Портман не выдержала и прыснула со смеху.

— Я выпил два бокала вина, а вы с ним, как два алкоголика, за несколько часов умудрились одолеть полторы бутылки виски! — продолжил Вивиан.

— Если бы я знала, что он так реагирует на алкоголь, то не дала бы ему даже понюхать пробку.

Секретарь приоткрыла дверь и остановилась на пороге.

— Простите, что мешаю, — сказала она. — Доктор Мори, к вам пришли.

Вивиан поднялся.

— Надеюсь, это госпожа Ларсен, — сказал он, посмотрев на Ванессу. — Я буду просить прощения, глядя в пол.

Кейт Мэдисон оторвалась от изучения большого календаря с фотографиями видов города, висевшего на стене, и посмотрела на доктора Мори.

— Добрый день, — поздоровался он. — Неужели вы передумали насчет эротических фантазий? Я спешу, у меня две пары в университете после обеда, но ради вас я готов задержаться.

— С моими эротическими фантазиями мой визит не связан, доктор Мори. Он связан с убийством Ника Тейлора.

— Вы в очередной раз хотите обыскать мою квартиру или пригласить меня на допрос?

— Я хочу с вами поговорить. Вы можете уделить мне минутку?

— У меня к вам встречное предложение. Давайте пообедаем. Потом я подвезу вас до участка и отправлюсь в университет. Думаю, вы голодны не меньше, чем я. А за едой обсуждать дела всегда приятнее, чем в любой другой обстановке.

***

Кейт смотрела на то, как официант расставляет на столе заказанные блюда. Доктор Мори поблагодарил его кивком головы и принялся за еду.

— Приятного аппетита, детектив Мэдисон, — сказал он. — Либо вы не голодны, либо вас смущает тот факт, что я пригласил вас на обед. Иначе бы вы заказали что-нибудь более

серьезное.

— Я не привыкла ходить в ресторан за счет мужчины. У меня есть свои деньги.

— Никогда не понимал логики женщин, которые говорят подобные вещи. Такое впечатление, будто обед навсегда сделает вас моей рабой. — Он аккуратно разломил кусок хлеба на две части. — Так о чем вы хотели поговорить?

— Нам нужен специалист по психологической экспертизе. Я говорила с профессором Монтгомери и с адвокатом Стивеном Адамсом, и они порекомендовали мне вашу кандидатуру.

Доктор Мори взял стакан с водой.

— Надеюсь, вы знаете, что я не специализируюсь на судебной психиатрии.

— У нас есть психологические портреты подозреваемых и соображения по поводу мотивов убийства. Нам нужно, чтобы вы высказали свое мнение на этот счет.

— Это становится интересным, детектив. Вы почти поймали меня на крючок.

— Буду рада, если вы согласитесь. И могу пообещать, что вам за это заплатят.

Кейт взяла вилку и принялась размешивать принесенный салат.

— Деньги мне не нужны, — уверил ее Вивиан. — Но опыт любопытный. Пожалуй, я согласен. Кстати, если вы хотите заказать чего-нибудь покрепче — к примеру, вина — скажите мне. Я не имею привычки пить, когда знаю, что сяду за руль.

— Может быть, мы на самом деле выпьем вина? Не думаю, что от одного бокала вы опьянеете.

— Благодарю, детектив, но я вынужден вам отказать.

Кейт подняла голову от тарелки и улыбнулась.

— У вас, похоже, тяжелые отношения с алкоголем?

— Когда-то давно, еще в университетские годы, мы возвращались домой после очередной вечеринки — я, мой хороший друг и его невеста. Я вел машину, мы все были пьяны в хлам. Машина выехала на встречную. Лобовое столкновение. Про такие в газетах обычно пишут «ужасная трагедия». Я отделался синяками и сотрясением мозга, мой друг сломал позвоночник и до конца жизни не сможет ходить, а его невеста погибла на месте. С тех пор я воздерживаюсь от алкоголя, если мне предстоит вести машину.

— Простите.

— Так обычно бывает, когда мы необдуманно шутим.

Неловкую паузу нарушил Вивиан. Он в очередной раз наполнил свой стакан водой и посмотрел на собеседницу.

— Расскажите мне что-нибудь о себе, детектив.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Вы замужем?

— Доктор Мори, кажется, я попросила...

— Вы не замужем, у вас нет кольца. Кроме того, вы не выглядите замужней женщиной и не ведете себя как замужняя женщина. Но у вас, разумеется, есть мужчина. Кто он?

— Вы его не знаете.

— Хотя бы скажите, как его зовут.

— Джон.

Доктор Мори закивал.

— Почему вы не хотите поговорить о себе? Если бы я сейчас начал рассказывать вам о своей жизни, вы бы послушали. Люди любят слушать о жизни других. Слушают и

сравнивают со своей жизнью. Как бы примеряют вашу жизнь на себя — идет ли мне это платье? Оно достаточно богато? Или же слишком безвкусно?

— Меня не интересует ваша жизнь, доктор Мори.

— Очень жаль. Я бы мог рассказать вам много интересного.

— Я предпочитаю жить своей жизнью и не заглядывать в жизни других.

— Распространенное заблуждение. Кстати. Ваш коллега — скучнейший сноб.

— Вы про детектива Кэллагана?

— Именно. А его приятель-психолог произвел на меня хорошее впечатление. Он, в отличие от вас, детектив, не скрывает, что ему интересны чужие жизни.

Кейт вернула вилку на тарелку.

— Это его профессия — интересоваться чужими жизнями.

— Не люблю психологов, но всегда придерживался мнения, что из всех людей, имеющих дело с душевными проблемами, они наименее эгоистичны. Не то, что мы, психиатры и психоаналитики. Квинтэссенция эгоизма. Подумать только — мы живем для того, чтобы лезть в жизнь других и решать их проблемы...

***

Афродита, занимавшаяся приготовлением ужина, слушала музыку, была сосредоточена на своих мыслях и поэтому испуганно вздрогнула, краем глаза заметив движение в дверях кухни.

— Добрый вечер, — поздоровался Вивиан. — Я учуял запах жареной курицы еще в подъезде.

— Все будет готово через полчаса. Я вернулась позже, чем ожидала — пришлось задержаться в университете. Одно из двух — либо я сдам эту сессию, либо она меня доконает.

Вивиан подошел к ней сзади, обнял за талию и поцеловал в шею.

— У меня хорошие новости, — сказал он.

— Тебе дали отпуск на неделю?

— Я был у доктора Лоуренса. Это решение далось мне нелегко, но я согласился на операцию.

Афродита повернулась к нему и пару секунд сосредоточенно молчала.

— Надеюсь, ты не шутишь? — спросила она с нотками подозрительности в голосе. — У этого доктора получилось за несколько дней уговорить тебя на то, что ты не соглашался сделать четыре года?

— Дело не только в докторе.

Афродита убавила огонь под сковородой, на которой жарилась курица.

— А в чем?

— Мне впервые в жизни захотелось сделать что-то для кого-то. — Вивиан обнял ее за плечи. — Я люблю тебя, Дита, ты знаешь?

— Если ты хочешь еще кое-что сделать для меня, то вот небольшая просьба.

Он кивнул, демонстрируя, что слушает.

— Мне надоели твои бабы. — Афродита посмотрела на него. — Мне надоело тебя с кем-то делить.

— Ты про Анжелику?

— В том числе. Меня раздражают мысли о том, что ты ночуешь не дома, а у кого-то еще.

— А что мы будем делать с господином Фельдманом?

— С господином Фельдманом я разберусь сама.

— Черт с ним, с господином Фельдманом. — Он взял ее за руки. — И к черту эту курицу. Пойдем.

Афродита оглянулась на плиту.

— И чем мы будем ужинать?

— Друг другом.

Глава двадцать первая

— Не думаю, что это хорошая идея, Жан. Ты сам говорил, что хочешь отдохнуть, так что тебе будет лучше провести эти выходные дома. А я имею право на то, чтобы хотя бы частью своего времени распоряжаться самостоятельно. — Доктор Алиса Кэмерон помолчала, выслушивая ответную реплику мужа в трубке сотового телефона, с печальным видом размешала сахар в чашке с кофе и бросила взгляд на часы, висевшие на стене больничного кафетерия. — Я уже сказала тебе, что не иду гулять по клубам. Один из моих коллег пригласил меня на день рождения. Да. Вивиан. Доктор Мори. Ты видел его пару раз, он подвозит меня до дома после ночных дежурств. С нами будет Роберт, доктор Диксон, мой коллега. И доктор Ванесса Портман, коллега Вивиана по психоаналитической практике. Мы будем пить шампанское и рассказывать друг другу циничные медицинские шутки. Тебе вряд ли это будет интересно. — Она пару раз кивнула и заметила Анжелику, которая направлялась к ее столику. — Понимаю. Хорошо, Жан, мы обсудим это вечером. Мне пора бежать.

— Привет. Извини, я припозднилась. Ты уже пообедала?

На Анжелике было платье из темно-синего шелка с довольно короткой юбкой и откровенным декольте — белый халат, который обыкновенно придавал облику женщины-врача некоторую целомудренность, сейчас подчеркивал ее нерабочий вид. Волосы доктор Гентингтон не собрала в строгую прическу, как она это делала обычно. Алиса могла бы подумать, что сегодня коллега решила примерить новое платье (хотя видеть подобные платья на докторе Гентингтон было более чем непривычно), если бы не завершающая деталь: макияж. Не обычный бесцветный блеск для губ и слегка подведенные глаза, а тщательно и умело наложенный макияж, который, скорее, был бы уместен во время вечернего визита в ресторан.

Заметив непонимающий взгляд, Анжелика легко нахмурилась, но через секунду уже улыбалась.

— Все в порядке? — задала она очередной вопрос, присаживаясь. — Ты смотришь на меня так, будто я свалилась с луны.

— Ты изменилась. Или я тебя давно не видела.

Доктор Гентингтон открыла прозрачную пластиковую емкость с салатом, которую она принесла с собой, и взяла соль.

— Надеюсь, в лучшую сторону? — спросила она.

— Разумеется. Ты отлично выглядишь! Бедные интерны скоро свернут себе головы.

Анжелика бросила взгляд в сторону соседнего стола, за которым сидели молодые врачи. Они будто по команде сделали вид, что увлечены едой.

— Ох уж эти интерны, — сказала она и принялась за еду. — Хочешь немного?

Алиса покачала головой.

— Нет, спасибо. — Она в очередной раз оглядела коллегу. — Ты выглядишь такой довольной, будто пару дней назад снова вышла замуж за Джеральда. Или есть что-то, о чем я не знаю?

— В каком смысле? — подняла на нее глаза Анжелика.

— Мой прошлый рецепт на противозачаточные таблетки был последним, и больше они тебе не понадобятся?

— Ах, ты об этом. Нет, пока нет. Хотя... над этим стоит поразмышлять.

— На момент нашего последнего разговора на эту тему тебя бросало в дрожь при мысли о детях. Судя по всему, у вас все хорошо?

Анжелика аккуратно выложила на салфетку остатки сваренного вкрутую яйца — единственную составляющую салата, к которой она никогда не притрагивалась.

— У нас все замечательно, — ответила она. — Когда я была маленькой девочкой, то мечтала о принце. Не о принце на белом коне и с деньгами, а о принце, который бы относился ко мне как к принцессе. И только теперь я понимаю, что я замужем за ним уже три года... почему я раньше этого не замечала?

Доктор Кэмерон сделала глоток кофе и улыбнулась.

— Порой счастье — это умение взглянуть на старое под новым углом.

— У тебя есть планы на вечер? Я хочу прогуляться по магазинам, Афродита пойдет со мной. Хочешь присоединиться?

— Я не знала, что ты общаешься с Афродитой.

Доктор Гентингтон сделала неопределенное движение рукой.

— Я бы не сказала, что мы общаемся. Просто она предложила мне пойти с ней, и я согласилась. Сказала, что ей нужно слегка обновить гардероб.

Алиса рассмеялась.

— Если принимать во внимание ее вкусы, «слегка обновить гардероб» — это тысяча долларов, которых лишится счет Вивиана. Подумать только, как дорого могут обходиться женщины.

— Думаю, он делает это отчасти потому, что не может уделять ей достаточно внимания.

— Может быть, раньше было так, но теперь положение дел изменится. И она будет тратить не меньше денег на одежду для будущего малыша.

Анжелика перестала жевать и подняла глаза на коллегу.

— Она беременна?

— Одного взгляда на Вивиана достаточно для того, чтобы все понять.

Анжелика медленно отложила вилку.

— Ну и дела, — только и получилось сказать у нее. Она улыбнулась и покачала головой. — А я-то думала — что с ним в последнее время происходит?

— В любом случае, я пойду с вами. Мне нужно будет купить платье для дня рождения Вивиана, да и купальник приобрести не помешало бы. Не буду же я сидеть возле бассейна и разглядывать воду. Кстати, тебя не пригласили?

Доктор Гентингтон снова принялась за еду.

— Нет, — ответила она. — Я... не вхожу в круг особо приближенных.

— Ты говоришь это таким тоном, будто речь идет о каком-то тайном масонском обществе, — улыбнулась Алиса. — Кроме того, ты знаешь, чем обычно заканчиваются дни рождения Вивиана. Не думаю, что тебе это понравится.

— Я не думала, что это нравится тебе.

— Прошу прощения, дамы. К вам можно присоединиться?

Роберт Диксон поставил на стол стакан с кофе и занял свободный стул.

— Конечно, — ответила Алиса. — Мы как раз обсуждали предстоящий день рождения. Расскажи Анжелике, чем мы там занимаемся.

Доктор Диксон трагически округлил глаза.

— О, мы делаем ужасные вещи, — сказал он таинственно. — Про прошлый раз ничего сказать не могу, потому что плохо помню происходившее во второй половине ночи. Вы пойдете с нами?

— Думаю, без меня вам будет веселее. — Анжелика достала из кармана халата пискнувший пейджер. — Простите, я должна вас покинуть. Мне нужно в приемный покой.

Роберт проводил взглядом уходящую Анжелику и снова посмотрел на Алису.

— В общем, с нас — выпивка, а с тебя и Ванессы — ужин. Хорошо?

Она опустила глаза и вздохнула.

— Да, конечно. Жан закатил мне скандал. Он не понимает, почему я должна куда-то уезжать, да еще на выходные. И без него.

— Хочешь, я ему позвоню и объясню?

— Я справлюсь.

— Тогда я могу попросить Вивиана, чтобы он позвонил и все ему объяснил.

— Эта идея мне нравится еще меньше. — Алиса помолчала. — Оставь это, Роберт, хорошо? Я разберусь сама. В конце концов, это мой муж.

Доктор Диксон сделал глоток кофе и поморщился — тот еще не успел достаточно остыть.

— Надеюсь, ты все-таки придешь, — сказал он.

— А ты хочешь, чтобы я пришла?

— Хочу, — ответил он коротко. — Но не спрашивай у меня, почему.

Алиса улыбнулась.

— Потому, что иначе Ванесса не справится с ужином?

— Для нас обоих будет лучше, если мы сойдемся на этом.

***

Адаму всегда казалось, что на Рождество — сегодня на календаре было двадцать пятое декабря, стрелки часов подбирались к одиннадцати, а за окном царила непроглядная ночь — должен идти снег. Снег, который пушистыми хлопьями опускается на землю и не тает, создавая ощущение волшебства. Но то ли в этом городе не могло возникнуть ощущения волшебства (со снегом или без него), то ли Рождество здесь не считали достойной празднования датой — снега не было и в помине, а вместо него на улице лил дождь. Лил как из ведра уже который час, и, казалось, ему не будет конца.

Адаму было холодно, несмотря на закрытые окна и теплую одежду. Он сидел на подоконнике, держа в руках чашку с приготовленным с четверть часа назад глинтвейном, и смотрел вниз. Час назад он еще пытался заставить себя работать, но понял, что сегодня не напишет ни строчки. Этот вечер не годился для творчества — сегодня атмосфера была другой. Какой угодно — настороженной, грустной, отчаянной, таинственной. Но только не творческой. Адам подумал о том, что был бы рад вот так просидеть всю ночь, но стук в дверь отвлек его от созерцания темной мостовой. И он был готов увидеть на пороге кого угодно, но только не доктора Мори.

— Добрый вечер, — сказал Вивиан. — Почему-то я думал, что вы пойдете на какую-нибудь вечеринку в честь Рождества... надеюсь, не помешаю?

— Наоборот, я очень рад, что вы пришли, доктор. Позвольте, я возьму ваш плащ.

Вивиан отдал Адаму плащ, оставшись в брюках и теплом светло-сером свитере, поставил открытый зонт на пол рядом с дверью и оглядел квартиру, снимая с шеи шарф.

— У вас уютно, — констатировал он, изучая обстановку. — Никогда бы не подумал, что

в этом районе есть такие хорошие квартиры. Только тут тесновато, на мой взгляд.

— Вы правы. Но она притягивает меня именно своей теснотой.

— Но тут даже нет места для того, чтобы организовать нормальный рабочий кабинет... — Вивиан в очередной раз оглядел помещение. — Один из моих соседей по этажу в следующем месяце переезжает, и на его место пока не нашли жильцов. Хозяин квартиры — мой хороший друг, так что в цене мы сойдемся. Не хотите переехать в более достойное жилище? Квартира как две капли воды похожа на мою, после ремонта, с полным комплектом мебели.

— Я подумаю над вашим предложением, доктор.

— Хорошо. Тогда я скажу хозяину, чтобы пока не подыскивал жильцов. Но советую вам поторопиться с решением.

Доктор Мори подошел к окну и посмотрел вниз.

— В свое время я любил сидеть ночами на подоконнике и читать, — сказал он. — Дита поехала на вечеринку к Патрику Мэйсону. Если хотите, можно присоединиться к тому скучному сборищу снобов. Там будет музыка, танцы и вино. И, вероятно, пара-тройка интересных людей.

— Сказать по правде, меня не прельщает эта идея.

— Тогда я правильно сделал, что приехал к вам. Мне хотелось тишины.

— Вы, наверное, замерзли, — спохватился Адам. — У меня есть глинтвейн.

На кухне гость занял один из стульев у небольшого круглого стола, а хозяин квартиры достал из шкафа чашку.

— Вы, оказывается, не только хорошо пишите, но еще и умеете варить глинтвейн, — заговорил Вивиан, и в его голосе послышались едва уловимые нотки восхищения.

— Это не так уж и сложно. Я могу научить вас — это дело пяти минут.

— Не хочу разочаровывать вас, но, несмотря на все попытки Диты научить меня обращаться с едой, я с трудом могу приготовить яичницу. Так что я предпочитаю оценивать по достоинству кулинарные таланты других.

Пара минут прошла в молчании. Доктор Мори попробовал глинтвейн, после чего закурил и кивнул, давая Адаму понять, что глинтвейн ему понравился.

— Мне кажется, или он слегка кисловат? — поинтересовался тот.

— Да, но мне нравится. О, господин Фельдман... я совсем забыл. Я ведь принес вам подарок.

Адам поднял брови и улыбнулся.

— Подарок? — переспросил он. — На Рождество?

— Будем считать, что так.

Вивиан ушел и вернулся через несколько секунд с небольшим свертком в руках.

— Откройте, — попросил он. — Это должно вам понравиться.

Адам развернул обертку и извлек на свет книгу в мягком переплете. «Прозрачный гранит», значилось на обложке. «Сценарий», было написано на втором листе. А дальше шло имя автора сценария: Афродита Вайс.

— Я не понимаю, доктор, — сказал он.

— Это сценарий, который Дита написала по вашей книге. Там также есть два билета — для меня и для вас. Премьера спектакля состоится послезавтра. Дита будет играть главную роль. Спектакль подарили мне на день рождения, а сценарий подарили вам — судя по всему, на Рождество, но вы можете считать, что без повода. Вы составите мне компанию?

Адам изучал билеты, переводя взгляд с книги на доктора Мори и обратно.

— Конечно... простите, я не знаю, как на это реагировать...

— Если премьера пройдет удачно, Дита обещала переделать его в киносценарий. Там, кстати, есть дарственная надпись, вы заметили?

«Этот сценарий появился, прежде всего, благодаря вам, господин Фельдман», значилось на титульном листе. «Спасибо вам за ваш семинар, за ваши книги и за то, что судьба свела наши пути. Афродита».

— Таких подарков я еще никогда не получал, — признался Адам.

Вивиан поднял чашку.

— За подарки, которые не оставляют нас равнодушными, — сказал он. — И с Рождеством вас, Адам, если уж сегодня Рождество.

— Благодарю вас, доктор. Честное слово, у меня даже нет слов... может быть, вы голодны?

— Нет, я недавно ужинал. Угощайтесь.

Адам взял сигарету из портсигара и поднес к ней огонек зажигалки. Доктор Мори снял очки и устало потер глаза.

— Знаете, Адам, — снова заговорил он, — я в последнее время часто о вас думаю. Я наблюдаю за тем, как вы себя ведете, и меня не покидает ощущение, что это выглядит искусственно. Хотя... это ощущение появилось у меня уже в тот момент, когда мы впервые увиделись. Вы очень настороженно держитесь с людьми.

— Я интроверт, это не должно вас удивлять.

— Мне не давало покоя это ваше поведение. Вы и представить себе не можете, сколько гипотез я перебрал, пытаясь его объяснить.

Адам улыбнулся.

— Да, я уже понял, что вас заинтересовал мой случай.

— В конце концов, у меня появилась еще одна идея. Странная, если не сказать большего, но порой самые странные идеи приводят нас к правильным выводам. Впервые я задумался об этом после того вечера у меня дома. Историю про Клода кроме вас знают только Роберт, Ванесса и Афродита. Первого это насмешило — тогда он уже хорошо меня знал и не удивился. Ванессу это заинтересовало как психоаналитика — она долго расспрашивала меня о моих ощущениях и осталась довольна. Афродите это тоже заинтересовало, но в другом ключе. А вы удивили меня своей реакцией. Я ожидал, что после этого рассказа вы будете относиться ко мне иначе. Но вы восприняли эту историю как очередной кусок моего прошлого. Она не впечатлила вас, хотя могла бы. Вместе с тем, мой намек на то, что наши отношения с Изабель Торнворд не ограничивались рамками «врач-пациент» вывел вас из состояния психологического равновесия на несколько секунд. То есть, вы совершенно спокойно — если не считать вашего удивления, которое выглядело фальшиво — восприняли тот факт, что мою ориентацию вполне можно охарактеризовать как нетрадиционную, но странно отреагировали на мою невинную ложь.

Хозяин квартиры пожал плечами.

— В том состоянии, в котором человек прибывает после нескольких глотков вашего кофе, доктор, так можно воспринять все, что угодно. Думаю, если бы вы сказали мне, что вы гей, я бы не удивился.

Вивиан поболтал остатки глинтвейна в чашке и посмотрел в сторону окна. Дождь не успокаивался: казалось, еще пара часов — и улицы города превратятся в одну сплошную

реку.

— Когда вы лежали в больнице, я ознакомился с вашей медицинской картой. Там было упоминание о том, что когда-то, еще в Англии, в студенческие годы, вы посещали психоаналитика. Я вспомнил об этом, снова открыл карту, узнал имя специалиста, к которому вы ходили, и позвонил ему. Доктор Старк. Интереснейший человек. Мы проговорили четыре часа, и он пригласил меня в гости. Думаю, нужно как-нибудь освободить выходные и поехать в Англию. Нам будет что обсудить, особенно если учесть, что мы занимаемся исследованиями в одной и той же области. Вы помните, почему вы ходили к психоаналитику, Адам?

— Конечно. У меня была депрессия.

— Доктор Старк прописывал вам какие-то лекарства?

— Я их не пил. Ненавижу лекарства.

Доктор Мори закурил в очередной раз.

— Ничего конкретного я от доктора Старка не добился, хотя мог сказать, что вы мой пациент, и он переслал бы мне выписки, сделанные в ходе сеансов. Депрессия не начинается на ровном месте. В вашей жизни произошло что-то неприятное?

— Если выражаться как можно более точно, это было результатом сложной моральной дилеммы, с которой я не хотел справляться. Я даже пытался покончить с собой.

— Полагаю, это было связано с личной жизнью.

Адам пару раз кивнул и поднялся для того, чтобы снова наполнить чашки глинтвейном. Вивиан проследил за его действиями и вернулся к изучению ночи за окном.

— После разговора с доктором Старком я подумал, что ничего не знаю о вашей личной жизни. Я не знаком ни с одной вашей бывшей женщиной, не замечал за вами интереса к обсуждению этой темы. И на днях мне представился случай поговорить с Джеральдом Гентингтоном. Я спросил у него, как развивались ваши отношения с женщинами во время университетской учебы. Джеральд сказал мне, что с трудом может припомнить какие-то серьезные романы.

— Я и так плохо успевал — мне не хватало только кем-нибудь увлечься.

— Но, в конце концов, вы увлеклись. Правда, объект вашего увлечения об этом не узнал. Не знает и по сей день, я прав?

Адам не ответил. Он убрал со лба волосы и посмотрел на пепельницу, в которую собеседник стряхивал пепел. В принципе, ему было все равно, куда смотреть, но только не в глаза доктору.

— Вас это смущает? Если да, то вы можете воспринимать меня как врача, а не как вашего знакомого. Думайте о том, что вы рассказываете мне это в терапевтических целях.

— Да, вы правы.

— Как отреагировал бы Джеральд, если бы узнал, что вы пытались покончить с собой из-за него? Вы когда-нибудь думали об этом?

— Не думаю, что это бы ему понравилось.

Вивиан оставил сигарету тлеть в пепельнице и, обхватив чашку ладонями, посмотрел на Адама.

— Что вы ощущали, когда поняли, что равнодушны к нему? Стыд? Возмущение? Ненависть к себе?

— Скорее, ненависть к себе.

— К своей природе, к своим желаниям? Вы думали о том, что у вас нет права это

чувствовать?

— Давайте я расскажу вам кое-что, доктор — так вы лучше поймете.

Адам достал из кармана брюк свои сигареты, закурил и сделал пару глубоких затяжек.

— Когда-то у отца был большой дом за городом, мы организовывали там семейные праздники. Мой тринадцатый день рождения мы тоже справляли там. Вы, конечно, знаете, что у евреев тринадцатилетие — это важная дата, совершеннолетие. Толпа гостей, музыка, поздравления, подарки... к концу вечера мама с отцом должны были уезжать, а мы с друзьями оставались праздновать до утра. Водительских прав у мамы нет, машину должен был вести отец, и я отправился его искать. Его не было у бассейна, в зале его я тоже не нашел, равно как и на кухне. Тогда я поднялся наверх. Там было несколько спален в ряд — обычно в них никто не жил, и туда редко кто-то заходил, так что почти все двери были закрыты. Я это знал, но все равно проверял каждую. Одна из дверей оказалась открытой... — Адам сделал паузу, и по его лицу без труда можно было понять, что ему неприятно продолжать свой рассказ. — И я увидел отца с его коллегой. Вы не представляете, какой я испытал шок. Если бы я увидел его с женщиной, я бы еще смог понять, но с мужчиной...

— Как я понимаю, вы не говорили об этом с отцом.

— Конечно же, нет. Но этот случай не выходил у меня из головы. В конце концов, я буквально приказал себе не думать об этом, но эта мысль все равно сидела где-то глубоко-глубоко в моей голове. Я не мог отделаться от нее.

— Этот случай разрушил образ отца, который до этого представлялся вам мужественным?

— Скорее, я думал, что отец совершил что-то неправильное. В жизни есть законы, мужчины должны любить женщин, женщины должны любить мужчин. И еще больший шок я испытал тогда, когда осознал, что меня не привлекают женщины. Я им нравился, но в постели не ощущал ничего. А мужчины... с ними я чувствовал себя еще хуже.

Доктор Мори смотрел на Адама, сложив руки на столе перед собой. Глинтвейн в чашках уже давно закончился, но хозяин квартиры не торопился наполнять их.

— Судя по всему, у вас есть мысли насчет того, что вы должны чувствовать в постели — с женщиной или мужчиной. Расскажите мне об этом.

— Не знаю, что вам сказать, доктор. Но... хотя бы что-то.

— Это должны быть приятные чувства? Неприятные? Вы думали о том, какую роль вы хотите играть, как вы хотите себя ощущать?

— В любом случае, то, что я ощущал, было неправильно.

Адам выдержал долгую паузу, отставил от себя пепельницу и продолжил.

— Когда я встретил Джеральда, то подумал — может, это то, что я искал? По крайней мере, он был первым человеком, к которому я испытывал что-то, кроме дежурного любопытства. Хотя, конечно, я не мог ему об этом сказать. Вы представляете, как это прозвучало бы?

— Вас не утомляют эти рамки — «правильно» и «неправильно»?

— Вы видите гораздо шире рамок «правильно» и «неправильно», доктор. Но я бы не рискнул назвать вас счастливым человеком.

Вивиан надел очки, которые до этого лежали перед ним на столе.

— Вы правы. Но я не отрицаю очевидного, Адам. И я допускаю мысль, что уже завтра сделаю то, о чем сегодня думаю с отвращением. Скажите, а к Афродите вы что-то

чувствуете?

— Не знаю, доктор. То есть, конечно, чувствую... но я и понятия не имею, что.

Адам поднялся, подошел к окну и присел на подоконник. Вивиан некоторое время молча смотрел на него, а потом тоже встал и отодвинул стул.

— Ну, чем мы будем заниматься? Продолжим сидеть и говорить о жизни? Или же все-таки поедем гулять? Думаю, все нас ждут.

— Гулять? — Адам сделал паузу. — Знаете, доктор... по-моему, это неплохая мысль.

— Вот и хорошо. Если я испортил вам настроение, кто-то ведь должен вам его поднять. Одевайтесь.

Проигнорировав реплику про испорченное настроение, Адам направился в спальню. Доктор Мори достал сотовый телефон и набрал номер.

— Добрый вечер. Я хотел бы заказать такси. — Он продиктовал адрес и подождал, пока собеседник на другом конце провода запишет его. — Через полчаса? Благодарю вас. Мы ждем.

Глава двадцать вторая

Высокий мужчина в полицейской форме обернулся, заметив движение возле входной двери.

— Добрый день, доктор, — поприветствовал он вошедшего. — Я уже думал, что вы не придете...

— Я выполняю свои обещания. Добрый день, офицер.

— Капитан Энтони Паттерсон, — представился полицейский, после чего кивнул в сторону человека в деловом костюме, занимавшего одно из кресел у его рабочего стола. — А это — доктор Эдгар Блаунт, наш независимый эксперт.

Доктор Мори снял плащ, отдал его хозяину кабинета и, подойдя к столу, посмотрел на сидевшего.

— Не ожидал тебя здесь увидеть, Эдгар, — сказал он. — Когда мы встречались в последний раз, твоя практика приносила тебе большой доход. Теперь ты работаешь с полицией?

Доктор Блаунт не поднял глаз, занятый изучением каких-то бумаг.

— Я добровольно помогаю полиции, — заговорил он. — Дела у меня до сих пор идут хорошо.

— Надеюсь, обиды остались в прошлом? Если нет, нам будет тяжело сосредоточиться на совместной работе.

Эдгар бросил на собеседника короткий взгляд и снова вернулся к документам. Капитан Паттерсон с интересом слушал диалог и после секундного колебания задал вопрос:

— Вы знакомы?

Обращался он, скорее, к Эдгару, чем к Вивиану, но на вопрос ответил доктор Мори.

— Да, мы знакомы. Когда-то нас связывали профессиональные интересы, но в результате личного конфликта мы немного повздорили.

— Я с тобой не вздорил, — возразил Эдгар. — Со мной вздорил ты, даже если учесть, что дело касалось моей жены.

Капитан Паттерсон уже понял, как обстоят дела, и поэтому поспешил перевести разговор в профессиональное русло.

— Хочется верить, что доктор Мори прав, и обиды на самом деле остались в прошлом. Мы собрались тут для того, чтобы обсудить кое-какой вопрос касательно убийства братьев Тейлор.

Вивиан занял второе кресло.

— Я слушаю. Детектив Мэдисон сказала, что вам требуется моя консультация как психиатра, но я вижу здесь своего коллегу и не понимаю, что нового смогу сказать.

Доктор Блаунт вернул на стол документы, выпрямился в кресле и положил руки на подлокотники.

— Виктор Фонтейн когда-то был твоим пациентом, так? — спросил он.

Вивиан легко пожал плечами.

— Был, — согласился он. — Но, если я не ошибаюсь, мы должны говорить об убийстве братьев Тейлор?

— Верно. Мы говорим об убийстве братьев Тейлор. Какой диагноз ты ему поставил?

— Я не могу обсуждать подобные вещи при посторонних.

— Тут нет посторонних. У него была депрессия после того, как он попытался порвать со своей зависимостью от морфия. Правильно?

Доктор Мори кивнул, не нарушая молчания.

— Когда он приходил к тебе на сеансы, он принимал морфий?

— Не понимаю, к чему ты клонишь, Эдгар.

— Я объясню.

Доктор Блаунт откинулся в кресле и скрестил руки на груди.

— Один из братьев Тейлор, Ник, занимался продажей наркотиков. У него было большое количество покупателей, не меньше продавцов. Огромная империя, которую любой хотел бы прибрать к рукам. Они продавали, в том числе, и морфий. Правда, мы до сих пор не знаем, каким образом они умудрялись достать его в таких количествах и где. Понимаешь, Вивиан, многие с завистью смотрели на империю братьев Тейлор, но мало кто решился бы просто взять и убить их обоих. Этот человек, должно быть, имеет очень большое влияние в криминальном мире.

— То есть, Виктор Фонтейн убил сыновей Леона Тейлора потому, что хотел получить доступ к морфию? — закончил его мысль Вивиан. — Тогда я не понимаю, почему он до сих пор жив. Зная быстроту реакции Леона Тейлора, после убийства братьев ему оставалось бы жить не больше суток.

Эдгар достал сигареты и вопросительно посмотрел на капитана Паттерсона, который слушал их диалог. Капитан кивнул, и доктор Блаунт закурил.

— Ты прав, — снова заговорил он, обращаясь к Вивиану. — Поэтому мы склонны думать, что у Виктора Фонтейна есть сообщник. Кто-то, кто помогает ему. Он доверяет этому кому-то, а этот кто-то, в свою очередь, имеет хорошие связи с влиятельными людьми из криминального мира.

— Настолько влиятельными, чтобы они смогли убедить Леона Тейлора не мстить за смерть сыновей?

— Нет. Но настолько влиятельными, чтобы помочь Виктору Фонтейну скрыть тот факт, что это он убил братьев Тейлор.

Доктор Мори потушил сигарету и наклонился к Эдгару.

— Иными словами, ты хочешь сказать, что я помогаю Виктору Фонтейну?

— У меня была такая мысль. Но потом я подумал, что это нелогично. Тебе наплевать на деньги, власть тебе не нужна. Твердыми моральными принципами ты не отличаешься, но я хорошо тебя знаю — ты не станешь помогать кому-то из криминального мира. А вот Афродита Вайс вполне могла бы заниматься чем-то подобным.

Пару секунд Вивиан молчал, размышляя над услышанным.

— Зачем ей этим заниматься?

— Разве ты не знаешь, за кого она когда-то вышла замуж?

— Твоя логика опять ускользает от меня.

Эдгар со смехом покачал головой.

— А ты хитрый черт, Вивиан, — сказал он. — Когда нужно, ты умеешь притвориться идиотом. Разве ты не знаешь, что у Виктора Фонтейна есть завещание, в которое вписана Афродита Вайс? Кроме того, он серьезно болен, у него неоперабельная опухоль мозга, и жить ему осталось максимум год. Теперь тебе понятна моя логика?

— Тогда тебе стоит приписать к этому делу и доктора Миллера, это его личный врач. Ему ничего не стоит «случайно» отнять у него жизнь, а Афродита поделится с ним частью

полученного.

— Вот, теперь ты верно мыслишь.

Вивиан посмотрел на капитана Паттерсона.

— Как я полагаю, это просто догадки, и доказательств у вас нет.

— Взгляните, доктор.

Вивиан с минуту изучал документ, который до этого просматривал Эдгар. Это была копия завещания Виктора Фонтейна.

— Здесь также указан сын Виктора, Эрик. И его дочь, Долорес. Конечно, трудно предположить, что кто-то из детей может даже подумать о чем-то подобном, но, если принимать во внимание нравы людей криминального мира...

— Если принимать во внимание нравы людей криминального мира, — вежливо перебил его капитан Паттерсон, — то это невозможно. Семья для них — это самое драгоценное, что только может быть. Они убивают за членов семьи. А госпожа Вайс — не член семьи, даже если учесть, что когда-то она им была.

Вивиан вернул документ на стол.

— Доказательств у вас нет, — сказал он. — С таким же успехом я сам мог ему помогать. Это изящная теория, признаю, но ее сложно соотнести с практикой.

Эдгар отодвинул от себя пепельницу.

— Что же. Время покажет.

— Ты не голоден? Мы могли бы пообедать. Вечером я дежурю, но до пяти свободен.

— И что мы будем обсуждать? Любимые позы моей жены?

Капитан Паттерсон собрал документы и отошел от стола на пару шагов.

— Я был рад побеседовать с вами, джентльмены. Это была увлекательная дискуссия.

Доктор Мори перевел взгляд на него.

— А вы не хотите пообедать с нами, капитан? Если доктора Блаунта смутит обсуждение любимых поз его жены, то мы можем поговорить о любимых позах вашей.

— Вообще-то, я не женат.

— Тем лучше. Тогда мы поговорим о том, какие позы предпочитаете вы.

Эдгар поднялся.

— Идем, — позвал он. — Не порть другим аппетит.

***

— Хочешь, я угадаю, что ты сейчас делаешь? Ты сидишь за столом в комнате дежурного врача, положив ноги на стол, куришь, пьешь противный больничный кофе, смотришь очередную серию «Доктора Хауса» и думаешь о том, чтобы дежурство закончилось поскорее.

— Ты права во всем, кроме кофе. Я пью чай с медом.

— У тебя болит горло?

— Уже пару дней. Надеюсь, на этом моя болезнь закончится.

Афродита в трубке печально вздохнула. Вивиан поставил диск в проигрывателе DVD на паузу и, поднявшись, подошел к окну.

— Ты не промочила ноги? На улице снова льет как из ведра.

— Нет, я уже дома. Я читала скучные конспекты, решила, что с меня хватит, и сказала — пора позвонить тебе. И — о чудо! — ты в кои-то веки не в приемном покое, а смиренно сидишь и смотришь кино. Даже на телефон ответил. Я устала. Мне лень даже разговаривать по телефону, но если я совсем ничего не буду делать, то усну. А я хочу дождаться тебя. Ты

ведь скоро вернешься?

— Да, через пару часов, если ничего не случится. Скажи, ты общаешься с Виктором Фонтейном?

Афродита сделала короткую паузу.

— С Виктором Фонтейном? — переспросила она. — Зачем мне с ним общаться?

— Ты знаешь, что он вписал тебя в свое завещание?

На этот раз пауза длилась несколько секунд.

— Ты надо мной издеваешься? — заговорила она. — С какой стати Виктор Фонтейн будет вписывать меня в свое завещание?

— Ты не поверишь, но сегодня я видел собственными глазами, что твое имя значится в списке его наследников.

В трубке послышался щелчок зажигалки.

— Где ты это видел?

— В полицейском участке. Меня пригласили помочь кое с чем. Кстати, я видел там Эдгара. Ты его помнишь?

— Гораздо лучше я помню его жену. — Афродита помолчала, после чего мечтательно вздохнула. — Наверное, он до сих пор зол на тебя как черт?

— Нет. Мы сегодня обедали, и общались очень непринужденно. Я сказал ему, что не имею привычки кого-либо соблазнять...

— ...потому что женщины сами вешаются тебе на шею. Тебе не нужно сильно напрягаться для того, чтобы добиться чьего-то внимания.

Вивиан снова сел в кресло.

— Он ответил мне именно такими словами, и на этом тема была закрыта.

— Наверное, сейчас его жена снова стала скучна...

В приоткрытую дверь заглянул доктор Роберт Диксон.

— Прости, что отвлекаю. — Он указал в сторону приемного покоя. — Подойди, пожалуйста.

Доктор Мори поднялся и взял со стола стетоскоп.

— Дорогая, я перезвоню. У меня дела.

— Ну вот. Я позвонила тебе, и кто-то в очередной раз умер?

— Надеюсь, что нет. Скоро я приеду домой, и мы поговорим.

— Я буду тебя ждать и думать о жене Эдгара. Это не даст мне заснуть.

В коридоре Роберт посмотрел на коллегу.

— Ты плохо выглядишь, — сообщил он.

— Чувствую я себя не лучше. Хочется верить, что свой день рождения я справлю на ногах, а не в кровати с температурой.

— Это все твоя привычка ходить без шарфа. Я сто раз говорил тебе, что ты простынешь.

— Хватит, Роберт, я сам позабочусь о своем здоровье. Что стряслось?

Доктор Диксон остановился и взял Вивиана за рукав халата.

— К нам привезли Виктора Фонтейна, — сказал он, понизив голос. — На первый взгляд, ничего серьезного, просто обморок. Но его сын, Эрик, попросил, чтобы ты лично подошел к нему.

— Сначала ко мне домой приезжает Ник Тейлор, потом в приемный покой привозят Виктора Фонтейна, и его сын просит, чтобы я к нему подошел. Такими темпами я стану личным врачом криминальных авторитетов. Где он?

— Тридцать седьмая палата. Надеюсь, тебя не застрелят, и я могу спокойно продолжать обход?

— Если все же застрелят, сделай одолжение — положи мой труп в морге рядом с красивой женщиной.

Роберт возмущенно толкнул его в плечо.

— Засунь свои шутки подальше, понял?

— Ладно тебе, Роберт. Лучше возвращайся в приемный покой. Там много красивых женщин.

— Ты забыл добавить «живых»!

***

Эрик Фонтейн, высокий молодой блондин, сидел на одном из стульев возле палаты. Выглядел он усталым и измученным, но, увидев Вивиана, торопливо поднялся ему навстречу.

— Доктор, — сказал он. — Большое спасибо вам за то, что пришли. Почему-то я думал, что вы не согласитесь...

— Необычный пациент ничем не отличается от остальных пациентов.

Сын криминального авторитета пару секунд теребил в руках свои перчатки. Глядя на него, можно было подумать, что он студент приличного колледжа, или же молодой аристократ — по тому, как подчеркнуто вежливо он себя держал, его нельзя было принять за человека из криминального мира.

— У меня есть просьба, доктор, — сказал он. — Пожалуйста, не давайте ему морфий.

— Я посмотрю на его состояние и приму решение.

— Понимаю. Конечно, я не спорю с вами, вы ведь врач, а не я. Но...

— Отправляйтесь домой, Эрик. Вам необходимо отдохнуть. За вашим отцом я присмотрю сам.

***

Виктор Фонтейн не произнес ни слова, пока Вивиан не закончил все необходимые проверки. Он смиренно смотрел на то, как тот заполняет его карту и не нарушал молчания, а потом заговорил.

— Каков приговор, доктор? — В его голосе можно было уловить нотки наигранной веселости.

— Просто обморок, господин Фонтейн. Вам нужно восстанавливать потраченную энергию, иначе вы рискуете попасть сюда еще раз и задержаться тут на пару дней.

Пациент понимающе кивнул. Ему было за пятьдесят, но выглядел он старше своего возраста — и седина в волосах, и нездоровый оттенок кожи лица выдавали в нем человека, который неумолимо приближается к концу жизни.

— Я хочу задать вам вопрос, доктор, — проговорил он. — Вы ведь онколог по второй специальности. Вы видели мои снимки. Доктор Миллер говорит, что мне остался примерно год, но я знаю, что это не так. И я знаю, что вы скажете мне правду.

Доктор Мори отложил карту.

— Да, я видел ваши снимки. И ознакомился с результатами анализов. Вам осталось не больше шести месяцев.

Виктор вздохнул, закашлялся и взял с прикроватной тумбочки салфетку.

— Я так и думал. — Он помолчал. — Знаете, я убил первого человека в шестнадцать, потом убил еще тысячу людей, и думал, что меня тоже когда-нибудь кто-то убьет. Но чтобы

меня убила раковая опухоль, которая поселилась в моей голове... разве это справедливо, доктор?

— Справедливость субъективна.

Виктор сжал в пальцах крестик, висевший на его шее.

— Скажите, доктор, вы верите в Бога?

— Я атеист.

— А в Дьявола?

— Когда-то верил, но одна женщина сказала мне, что за мои грехи мне не выгонят и из Ада, так что с Дьяволом я никогда не встречу.

Виктор понимающе кивнул.

— Я смотрю на вас и думаю о том, как вы молоды. У вас впереди вся жизнь. Все ошибки, которые вы не совершили. Все удовольствия, которые вы не получили... вы чем-то похожи на Эрика, он такой же борец за справедливость...

Он в очередной раз закашлялся, раздосадованно махнул салфеткой, которую держал в руках. Вивиан помог ему сесть, положив подушку под голову.

— Я хочу вам кое-что отдать, доктор, — сказал он, отдышавшись. — В кармане моего пиджака есть конверт. Возьмите его. Только не открывайте.

Вивиан пару секунд изучал конверт в золотистой бумаге.

— Вы откроете его... после моей смерти. Но до этого, пожалуйста, никому его не отдавайте. Никому. Даже вашей женщине.

— Если там деньги или чек, то я не могу это взять.

Виктор рассмеялся и снова лег, поправив подушку.

— Это не взятка, — сказал он. — Просто подержите это у себя. Вы ведь не откажете мне?

— Хорошо, господин Фонтейн.

— Благодарю вас. А сейчас, если вы не будете против, я посплю. Я очень устал.

Доктор Мори направился к двери, но остановился и после секундного размышления подошел к пациенту. Он расстегнул халат и достал из кармана рубашки опиумный пластырь. Виктор безмолвно следил за тем, как он надрывает обертку, наклоняется к нему и, близоруко прищуриваясь, в неярком свете палаты ищет отмеченную точку на шее.

— Вы не должны этого делать, — сказал он. — Думаю, Эрик попросил вас...

— Выключить в палате свет?

— Будьте так добры.

— Спокойной вам ночи.

Глава двадцать третья

Доктор Алиса Кэмерон присела в кресло напротив камина.

— Ты, конечно, не куришь? — спросила у нее наблюдавшая за огнем Ванесса.

— Нет, не курю. Разве что иногда. За компанию.

— Угощайся.

Портсигар с ментоловым Vogue переместился на другой конец стола — поближе к Алисе.

— Тут хорошо, — сказала Ванесса. — Если бы я тут жила, то зимой, наверное, не вылезала бы из этого кресла.

— Время до прихода Роберта и Вивиана у нас есть, так что мы можем себе позволить отдохнуть. Мы с двух часов дня на ногах. По-моему, я никогда не проводила на кухне так много времени.

Доктор Портман кивнула и, приняв более расслабленную позу, прикрыла глаза.

Дом, оставленный на попечение Роберту, был вполне достоин звания особняка. Ощущение торжественного величия охватывало гостей сразу, стоило им переступить порог. Гостиная была обставлена в викторианском стиле, и единственной не очень хорошо вписывающейся сюда деталью было обилие современной техники, начиная с телевизора и заканчивая музыкальным центром, который позволял проигрывать целых шесть дисков. Воспользовавшись отсутствием посторонних, женщины осмотрели каждый уголок дома и пришли к выводу, что они от него в восторге.

Величественная обстановка немного теряла свой блеск в кухне, оборудованной по последнему слову техники, но в целом дом мог сойти за жилище английского аристократа периода раннего нового времени. Также Алиса и Ванесса обнаружили задний двор с садом, небольшим прудом (рыбок в нем не было, так как зимой они вряд ли почувствовали бы себя там как дома) и беседкой. Но больше всего их удивил (и обрадовал) тот факт, что хозяева дома пользовались бассейном не только летом, но и зимой. И, если летом можно было поставить на его берегу шезлонг и погреться в лучах солнца, то теперь его обнесли стенами из легкого сохраняющего тепло материала. Вместо солнечных ванн можно было смотреть на звезды — потолок был стеклянным.

— Чем вы обычно занимаетесь во время подобных вечеров? — заговорила Алиса.

Ванесса стряхнула пепел в большую пепельницу из темно-зеленого камня — хозяин дома был известным в городе скульптором, и можно было предположить, что она являлась его творением.

— Сначала мы выпиваем, потом что-нибудь курим, а потом идем на кладбище и выкапываем из могил трупы, чтобы сделать с ними какие-нибудь нехорошие вещи. Но до этого мы, разумеется, занимаемся там любовью. Все втроем.

Алиса натянуто улыбнулась и тоже поднесла руку к пепельнице.

— Ничем особенным мы не занимаемся, — улыбнулась Ванесса. — Рассказываем истории из прошлого. В основном, сексуального характера. Иногда Роберт играет нам что-нибудь на пианино, а мы с Вивианом поем.

— Не знала, что Вивиан поет.

— И довольно неплохо. Не то, что я. Мне медведь на ухо наступил.

Алиса рассмеялась.

— А сегодня ты что-нибудь споешь?

— Если буду в настроении. — Ванесса оглядела гостиную. — Этот дом чем-то напоминает мне дом моего отца в Вене. Мы с братом любили сидеть в темном уголке при неверном свете свечей и рассказывать друг другу страшные истории. А потом нас находил отец, и приходилось отправляться спать.

— Так ты приехала из Австрии?

Ванесса потянулась, как сонная кошка, и посмотрела на огонь в камине.

— Да, я родилась в Вене. Отец мой был известным психоаналитиком, последователем профессора Фрейда. Он происходил из древнего графского рода, и, помимо денег, унаследовал фамильный особняк.

— А мать?

— Мать умерла при родах. Если первую беременность, после которой я появилась на свет, она пережила, то рождение Дитриха, моего брата, стало для нее последней каплей. Она была очень слаба и больна от рождения, как большинство женщин-аристократок. Отец остался с двумя детьми. Так и не женился — он слишком сильно ее любил. Приводил домой женщин... но надолго они не задерживались.

Алиса потрепала кисти шали, накинутой на плечи.

— Как ты оказалась здесь? — спросила она.

Ванесса потушила сигарету и села, сложив руки на животе.

— Я решила продолжить семейную традицию и поступила в университет на медицинский факультет. Не в Вене, а в Будапеште. Училась на «отлично», успевала по всем предметам. Печалило меня только то, что у меня не было друзей. Я сама отталкивала от себя людей. Ненавидела свой рост, свой цвет волос, свой цвет кожи, свое тело. Когда мужчины начали обращать на меня внимание, я думала, что они встречаются со мной из жалости. Потом я сама начала знакомиться с мужчинами, и тем самым доказывать себе, что красива, хотя в глубине души ощущала себя последней уродиной. Бессмысленная череда любовных связей, которые не приносили мне удовлетворения. В университете в меня были влюблены все мужчины, а женщины мне завидовали и не хотели общаться. А потом я познакомилась с Карлой.

Доктор Портман закурила в очередной раз и помолчала, разглядывая охваченные огнем поленья за решеткой камина.

— Она преподавала у меня теорию классического психоанализа. Написала десять книг, ее пациентами были самые известные люди Венгрии. Когда я увидела ее впервые, то почувствовала, что у меня на миг остановилось сердце. Она поднялась на кафедру своей обычной стремительной походкой, сильная, уверенная в себе женщина... и такая красивая, что, увидев ее, можно было умереть с улыбкой на губах. Оглядела аудиторию — и наша группа, очень шумная, тут же прекратила разговоры, в аудитории воцарилась тишина. А потом она заговорила. Говорила она долго, изредка прерываясь и давая разрешение на то, чтобы мы задавали вопросы. И, когда она попрощалась и вышла, я долго пыталась стряхнуть с себя ее очарование. Очень долго. Но не смогла. Она была старше меня на двадцать лет, но это не мешало мне мечтать о ней днем и видеть ее во сне ночью. И однажды произошло чудо. Она попросила меня остаться после лекции, пригласила на кофе. Через неделю я позволила ей прикоснуться к себе. Через месяц мы жили вместе.

Алиса вертела в руках бокал с вином и слушала, не перебивая.

— Если у меня спросят, кто сделал меня той, кем я являюсь сейчас, то я, не задумываясь

скажу, что это была Карла. В какой-то момент я обнаружила, что мы с ней очень похожи — так почему же она ведет себя как королева мира, да и выглядит таковой, а я чувствую себя серой мышью? Люди вокруг меня не могли понять, что со мной происходит. Я расцветала на глазах. Сменила неказистые брюки и мужские рубашки на юбки, платья и блузки с декольте, кроссовки и ботинки — на туфли на каблуках, изменила прическу, начала пользоваться косметикой. Крутившиеся вокруг меня кавалеры, которые когда-то тешили мое самолюбие, смешили меня — они были ничтожными и жалкими. Потом они начали понимать, что моя планка для них слишком высока, и за мной пытались ухаживать лишь самые упрямые. Но мне не нужны были их ухаживания, ведь у меня была Карла. Она была строгим преподавателем, никогда не выделяла кого-либо из группы, ко всем относилась одинаково. Но я знала ее с другой стороны. Конечно, весь университет был в курсе нашей связи, но меня это не смущало. Думаю, что и ее тоже. Мы были счастливы. До той злополучной ночи, когда я решила прийти вместе с ней на день рождения отца. Ему исполнилось шестьдесят, он устроил пышный бал. Мы с Карлой опоздали, все гости уже были в зале. Мы шли по ковровой дорожке рука об руку, а все смотрели нам вслед, шептались, указывали пальцами. — Ванесса тоже взяла бокал с вином. — Я представила Карлу отцу, он вел себя с ней очень вежливо и всем своим видом старался не показывать своих чувств. Узнать, что его родная дочь предпочитает женщин... да еще на глазах у венских сливок общества! Я уехала рано утром, Карла осталась на день. В обед я узнала, что отца нашли мертвым. Он принял смертельную дозу снотворного. Не оставил ни письма, ни записки. Просто покончил с собой. — Она оставила недокуренную сигарету в пепельнице и пригладила волосы ладонью. — Я получила половину его денег, унаследовала дом, но мне все это было не нужно. Я собрала вещи и уехала, ничего никому не сказав. Около месяца путешествовала по Европе. А потом попала в Мирквуд. Слонялась по улицам, покупала одежду, книги, завтракала в забегаловках. Однажды вечером я вернулась в отель, заказала несколько бутылок шампанского, вылила их в ванну, зажгла свечи и несколько часов лежала, размышляя о своей жизни. И пришла к выводу, что прошлое нужно оставить в прошлом. Я так и не позвонила Карле, и знала, что она вряд ли нашла бы меня. Устроилась на работу в университет, начала читать лекции и заниматься научной работой. Потом подумала, что хочу открыть свою клинику. И незадолго после этого встретила Вивиана.

Алиса вернула бокал на стол.

— Ты не пробовала найти ее? — спросила она.

— Я не вижу в этом смысла. Я уже не тот человек, да и она изменилась. Не хочу разочаровываться.

Услышав звонок в дверь, Ванесса поднялась.

— Ну, вот и наши мужчины. Как раз вовремя. Я голодна!

Роберт поставил на стол в гостиной пакет и с облегчением выдохнул.

— Какого черта в магазине толпа народу? А мы всего-то должны были купить пару бутылок.

Вивиан снял плащ и принялся разматывать шарф.

— Вы не представляете, как я хочу есть. — Он оглядел гостиную. — Тут очень мило. А где бассейн?

Ванесса указала в сторону веранды.

— Там. Они его застеклили, так что можно плавать и зимой. Я бы сама не отказалась от дома с бассейном. Я бы плавала там каждый день!

— Не думаю. Когда у тебя что-то под боком, ты теряешь к этому интерес. Вам помочь с ужином?

Алиса обвела рукой стол.

— Как видишь, все готово. Кто мог знать, что вы опоздаете на час?

— Кто-то хочет заставить нас почувствовать себя виноватыми? — спросил Роберт. — Давай-ка я лучше покажу, что мы купили. — Он взял пакет. — Во-первых, бутылка шампанского. Во-вторых, бутылка вина. В-третьих, отличный ирландский виски. И, в-четвертых — самое главное! — коньяк тридцатилетней выдержки.

— А безалкогольные напитки? — спросила Ванесса удивленно. — Я специально составляла список!

— Вечно ты недовольна. — Роберт кивнул на пакет, который принес Вивиан. — Там. Точно по списку. Отчет закончен, и мы можем сесть за стол? Я, кстати, тоже хочу есть.

***

Ванесса поставила на стол бокалы и села. Роберт взял бутылку с шампанским, которую уже успел открыть.

— Думаю, до того, как все тут начнут набивать себе живот, нужно сказать пару слов в адрес человека, ради которого мы тут собрались, — сказал он. — А заодно и подарить ему подарок.

— Подарок? — Вивиан взял два наполненных бокала и поставил их рядом с Алисой и Ванессой. — Роберт, я ведь просил!

— Ты, может, и просил, но мы решили, что ты неправ. А поэтому возьми бокал и слушай.

Вивиан кивнул и взял бокал.

— Слушаю, — сказал он.

Роберт положил руки на стол.

— Итак, мы собрались тут для того, чтобы отпраздновать день рождения человека, которого все присутствующие имеют несчастье терпеть не один год. Вивиан, наш дорогой друг, уважаемый коллега и порой совершенно невыносимое существо, мы хотим поздравить тебя с днем рождения и пожелать тебе всего, что ты сам себе желаешь. Нет, не всего плохого, что ты себе обычно желаешь, а всего хорошего. Чтобы женщины тебя хотели сильнее, чем раньше, если это вообще возможно, чтобы ты не старел, а молодец, чтобы ты защитил еще одну диссертацию, чтобы ты женился, чтобы ты купил себе дом, чтобы ты написал еще миллион научных работ и тысячу книг. И чтобы ты продолжал портить всех, кто находится рядом с тобой. Что они понимают? Ты никого не портишь, это до общения с тобой они были испорченными, а после того, как с тобой познакомились, исправились.

— Я совершенно растерялся, — сказал Вивиан с виноватой улыбкой. — И даже не знаю, что ответить.

— Мог хотя бы покраснеть, сукин сын. Хотя нет, о чем я, ты даже не помнишь, что это за ощущение.

Роберт взял со свободного стула небольшой сверток.

— А теперь перейдем к торжественной части. Мы с Ванессой и Алисой очень долго думали, что можно тебе подарить. И решили, что это должно напоминать тебе о нас. Даже если это будет что-то не очень полезное. Давай, разворачивай.

Вивиан открыл подарок и положил на ладонь медальон из белого металла.

— Я знаю, что ты не любишь желтое золото, так что мы остановились на платине, —

заговорил Роберт. — Если ты его откроешь, то увидишь, что там написаны наши имена. Включая твое. Чтобы ты всегда помнил о нас. Даже тогда, когда желаешь себе что-то плохое. И чтобы ты после того, как помотришь на этот медальон, пожелал себе что-нибудь хорошее.

— Вы сошли с ума. — Вивиан положил медальон на стол. — Спасибо большое. Мне уже тысячу лет не дарили подарков.

— Он тебе понравился, — сказала Ванесса, улыбаясь. — Мы чуть не перессорились, пока решали, что купить. А теперь давайте приступим к еде. Роберт, ты тут говорил больше всех, так что займись делом и достань из духовки курицу.

***

Когда ужин был закончен (посуду решили не убирать, дружно сославшись на то, что вечер только начался, и через пару часов желание поесть может вернуться), все расположились вокруг маленького столика рядом с камином. Ванесса достала портсигар, и остальные к ней присоединились. Алиса и на этот раз не отказалась от предложенной сигареты.

— Что-то я не помню, чтобы ты курила, — сказал ей Роберт.

— Думаю, если я выкурю пару сигарет, со мной ничего не случится, — рассмеялась она.

— Все так говорят. А потом покупают пачку.

Вивиан оглядел сидевших.

— Кто-нибудь хочет кофе?

— Кофе? — рассмеялась Алиса. — А тебя уже клонит в сон?

Ванесса положила руку ей на бедро.

— Это не совсем обычный кофе, — сказала она. — Тебе понравится.

Алиса посмотрела на Вивиана.

— Надеюсь, в нем нет ничего ужасного? — спросила она.

— С тобой ничего не случится, — успокоила ее Ванесса, сдерживая смех. — Тут есть целых три врача. Если ты себе что-нибудь сломаешь, тебе поможет Роберт, а если ты захочешь поговорить о своих ощущениях, для этого есть я и Вивиан. Идемте, дорогой друг и уважаемый коллега. — Она поднялась. — Я покажу вам, где хозяева хранят кофейные чашки.

***

После того, как кофе был почти выпит, Алиса откинулась на спинку кресла и, сладко потянувшись, достала из волос шпильки.

— Мне хорошо, — уведомила она окружающих.

— Ну что, пойдём на кладбище? — спросил Вивиан, которому Ванесса во время приготовления кофе успела передать детали недавнего разговора.

Алиса посмотрела на него и снова прикрыла глаза.

— На кладбище? — переспросила она. — Нет. Я бы лучше поплавала. Я совсем забыла про бассейн! — Она провела рукой по груди. — Ох, только я, похоже, забыла и про купальник... ну какая разница, меня ведь почти никто не видит. Я смогу без него обойтись.

Вивиан и Роберт переглянулись.

— Похоже, пить тебе больше не стоит, — сказал последний.

— Роберт, ты скучный. Пойдем купаться.

— Нужно включить подогрев. Думаю, минут через двадцать-тридцать можно будет чувствовать себя вполне комфортно. А пока мы займемся чем-нибудь еще.

— Можно поиграть в покер, — предложила Ванесса. — На раздевание.

— Я хочу подняться на крышу и посмотреть на звезды, — сказала Алиса и поднялась. — Кто со мной?

Роберт тоже встал.

— Я, — сказал он. — Только пройдем через веранду, включим подогрев. А потом поднимемся на крышу — там есть лестница.

Ванесса проводила их взглядом.

— Ну, а чем мы будем заниматься? — спросила она, повернувшись к Вивиану. — В покер довольно скучно играть вдвоем.

— Я предлагаю потанцевать. У них тут целая коллекция дисков, подходящую музыку мы найдем.

Вивиан смотрел на то, как Ванесса изучает аккуратно сложенные диски.

— Вы с Алисой, похоже, подружились, — сказал он.

— Да, она милая девочка. То есть, по возрасту она уже не девочка, но мыслит, как девочка, и в этом есть что-то очень трогательное. Ты видел, как она смотрела на кофе? Наверное, самое страшное, что она сделала в своей жизни — пару раз затынулась «травкой». Посмотри-ка, твоя соотечественница. Эмма Шаплин. Думаю, что это подойдет.

— Вполне.

Вивиан протянул ей руку, и Ванесса ответила на приглашение, сделав изящный реверанс.

— Ну, так что там с Алисой? — снова заговорил он. — Она тебе понравилась?

— Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе об этом во всех подробностях?

— Почему бы и нет? Ты мне кое-что должна. Если ты расскажешь, будем считать, что твой долг прощен.

Ванесса улыбнулась.

— Думаю, я бы многому могла ее научить. И, если судить по ее глазам, она не против. Такие люди в какой-то момент срываются с цепи. Это может произойти и в тридцать, и в пятьдесят. Только чем позже это происходит, тем сложнее потом остановиться. Ты думаешь: «Черт, я так долго лишал себя всего этого! Мне нужно все наверстать!». Кстати, о «травке». У меня есть немного, хочешь?

— У меня тоже кое-что есть. Думаю, это тебе больше понравится.

Ванесса остановилась, чуть крепче обняла его за плечи и приблизилась к его лицу почти вплотную.

— Кажется, я даже знаю, что это.

— Я предсказуем?

— Да. Но ничего плохого в этом нет. Идем-ка.

Она взяла его за руку и подошла к дивану, стоявшему напротив камина.

— Что, прямо здесь? А как же Алиса и Роберт?

— Не думаю, что они скоро вернуться.

Вивиан присел. Ванесса вытянулась на диване, положила ноги ему на колени, а потом поставила их ему на грудь и легко толкнула, как бы приглашая прилечь.

— Люблю это ощущение, — поделилась она. — Будто в голове кто-то танцует и поет.

— У тебя очень красивые пальцы на ногах.

— Поцелуй.

Вивиан поцеловал ее пальцы, и Ванесса откинула голову назад, прикрыв глаза.

— Ты всегда послушно делаешь все, о чем тебя попросит женщина? Ах да, я забыла.

«То, чего хочет женщина, хочет Бог». Даже французы способны на то, чтобы красиво говорить о женщинах и любви.

— Даже французы? Я могу обидеться.

Она поднялась, провела пальцами по его щеке и взяла за подбородок.

— Да. Потому что в большинстве случаев они не говорят, а занимаются делом.

***

— Замечательная спальня. Слегка старомодна, конечно, но в этом есть особая прелесть. Похоже, хозяева этого дома еще те чудачки.

Ванесса сидела на кровати, обхватив руками колени, и изучала комнату. Ее взгляд скользнул по стоявшим возле окна креслам и небольшому столу между ними с лампой и стопкой книг и остановился на гобеленах.

— Да, — подтвердил Вивиан. — Такое впечатление, будто путешественник во времени где-то застрял, и никак не может понять, в какую эпоху он попал.

Ванесса поставила пепельницу на бархатное покрывало и стряхнула пепел.

— Ну что? — заговорила она.

В ответ Вивиан пожал плечами.

— Я не разбираюсь в гобеленах, так что вряд ли смогу прочитать тебе лекцию.

— Я не об этом, — улыбнулась Ванесса.

— Да, конечно. — Он тоже стряхнул пепел. — Если честно, я не думал, что ты принадлежишь к числу любительниц набивать себе цену.

Ванесса недоуменно склонила голову на бок.

— О чем ты?

— О разговоре у тебя в кабинете, когда ты предположила, что я не люблю пассивных женщин.

— Так тебе нравятся такие женщины?

— Нет, мне не нравятся такие женщины. Но теперь я знаю, что ты к ним не относишься.

Ванесса выпустила пару колечек дыма и облокотилась на подушку.

— Что тебя удивляет? — снова заговорила она. — Я ведь не всю жизнь сплю с женщинами. Когда-то я спала и с мужчинами. И я не из любительниц набивать себе цену. Просто я предпочитаю объективную оценку хвастовству.

— Меня посетило желание испортить вечер и подумать о том, что во всем виноват кофе, но я не буду этого делать. Так что это замечательный вечер.

— Это великолепный вечер. — Она рассеянно намотала на палец прядь волос. — Знаешь, если уж я впервые за восемь лет решила прикоснуться к мужчине, я рада, что этим мужчиной оказался ты.

Вивиан некоторое время молчал, изучая поднимающийся в безветренном воздухе спальни дым.

— Потому, что я полчаса назад нюхал кокаин с твоего живота или по другой причине?

— Это просто суждение. Без причины.

— Как скажешь. — Он обнял себя за плечи и на секунду замер. — Надо же, меня до сих пор потряхивает. Я подышу свежим воздухом.

Ванесса смотрела на то, как Вивиан подходит к окну, открывает ставни и смотрит вниз, после чего подошла к нему и присела на подлокотник одного из кресел.

— Ты всегда говоришь в постели по-французски? — спросила она.

— Что именно я сказал?

Она улыбнулась.

— Я не знаю ни слова по-французски. Но могу догадаться, что это какая-нибудь особенно изысканная пошлость.

— Скорее всего, это было что-то, что трудно выразить по-английски без того, чтобы не потерять основной смысл.

— Французский идет тебе больше, чем английский. Наверное, Афродита приходит в восторг?

— Да, ей нравится. Она знает, что в такие моменты я не умею притворяться, и это нравится ей еще больше.

Ванесса обняла его за плечи.

— Я думаю, что в твоём взгляде на мир что-то есть, — сказала она. — И почему людям кажется странным тот факт, что кто-то воспринимает секс как общение? Ведь это, по сути, то же самое общение, просто в другой форме. Между тем, в процессе такого общения можно узнать человека лучше, чем в процессе долгой беседы.

— Самое главное — не злоупотреблять.

Ванесса улыбнулась в очередной раз и села в кресло.

— Как ты справлял свои дни рождения в детстве? — спросила она.

— Мы накрывали стол, приглашали с десятков гостей. Мама сама пекла торт. Гости дарили мне подарки, а потом мне нужно было обойти стол кругом и поцеловать каждого. И выслушать в сотый или тысячный раз, какой я симпатичный мальчик, и что «вот уже через пару лет девочки не будут давать мне прохода». — Вивиан выбросил остаток сигареты в окно. — Под вечер звонил отец. Поздравлял и переводил маме крупную сумму денег для того, чтобы она купила подарок.

— Вы с ней сейчас общаетесь?

— Пара-тройка писем, поздравление с Рождеством, с днем рождения. Я бы не сказал, что мы отдалились, но у нее своя жизнь, а у меня — своя. Да и что я могу ей написать? О работе писать не хочется, а про то, как я провожу свободное время, я предпочитаю не говорить.

Ванесса устроилась в кресле, поджав под себя ноги.

— А твой отчим?

Вивиан присел на подоконник.

— Он мне не нравится, я тоже ему не нравлюсь, так что никто из нас не предпринимает попыток сблизиться. И нас обоих устраивает положение дел. У тебя татуировка на пояснице. Стилизованные буквы, я не смог прочитать, что там написано.

Ванесса взяла со столика одну из книг, пролистала и вернула на место.

— Там написано «Карла», — сказала она.

— Ты сделала себе татуировку с ее именем?

— Да. Благодаря ей я стала той Ванессой, которой являюсь сейчас, и это известно мне, а остальное не имеет значения. Другим не обязательно это читать.

Вивиан приложил ладонь ко лбу.

— Мне нехорошо, — сказал он. — Прилягу, пожалуй.

— Может, искупаемся? Я думаю, что вода уже теплая, тебе станет лучше.

— Думаю, что мне надо поспать. Если я буду чувствовать себя лучше, то обязательно спущусь.

Ванесса поднялась, подошла к нему и, запустив руки в волосы, привлекла к себе.

— Мне понравилось, — сказала она негромко. — Если можешь, сделай мне одолжение и не засыпай слишком глубоко. А то у меня не получится тебя разбудить.

***

Афродита перебирала в руках сумочку, стоя напротив дверей дома. На стоянке она не обнаружила ни одной машины, кроме белого «вольво» доктора Портман, но потом вспомнила, что Вивиан оставил свою машину дома, а Роберт, как и доктор Мори, не водил машину после застолья, и поэтому он, скорее всего, приехал на такси. После недолгих раздумий она толкнула дверь, которая оказалась открытой, и вошла.

В гостиной никого не было. Догорал камин, на маленьком столике стояла бутылка шампанского и четыре бокала, рядом с ними находились четыре кофейные чашки, а вокруг стола расположились четыре кресла. На большом столе чуть поодаль Афродита обнаружила недоеденный ужин, и загадкой оставалось только одно — есть ли тут кто-нибудь живой? Она оглядела гостиную, и взгляд ее задержался на окнах веранды — ей показалось, что в мягком свете, струившемся оттуда, она увидела чью-то тень. Афродита подошла к стеклянным дверям, открыла их и вышла на покрытый светлыми плитами пол.

Вода бассейна была подсвечена снизу, и казалось, что она имеет зеленоватый оттенок. На одном из стульев Афродита увидела Ванессу — она снимала туфли.

— Добрый вечер, — поздоровалась та. — Я могу предложить вам шампанское?

— Нет, спасибо. — Афродита оглядела бассейн и снова перевела взгляд на доктора Портман. — Скажите, а... куда все запропастились?

— Вивиан и Роберт поехали в больницу, там что-то стряслось. А Алиса приводит себя в порядок, она сейчас спустится.

Афродита присела на второй стул.

— В больницу? — спросила она. — Сегодня? И в такой час?

Ванесса кивнула.

— Как хорошо, что я никогда не работала в больнице. Я бы сошла с ума, если бы мне позвонили в мой день рождения. Ну, оставьте. Если уж у вас не получилось сделать Вивиану сюрприз, давайте развлечемся без него. Устроим небольшой девичник. Как вы на это смотрите?

Афродита наблюдала за тем, как Ванесса ставит туфли рядом со стулом и поднимается.

— Спасибо за предложение, доктор Портман, но, думаю, я поеду домой.

— Вы только пришли. Давайте искупаемся.

— У меня нет купальника.

— Вы не на пляже. — Ванесса пару секунд смотрела на нее, а потом пожала плечами. — Ну, как знаете. В том, чтобы купаться обнаженной под полной луной, есть что-то дьявольское.

Она сняла платье и сложила его на стуле, следом отправилась нитка бус. Афродита знала, что Ванессе несколько лет назад исполнилось сорок, но отдала бы многое за то, чтобы в свои сорок выглядеть так же: тело ее осталось телом тридцатилетней женщины в полном расцвете сил. Может, доктор Портман сделала не одну пластическую операцию, может, ей просто повезло с наследственностью, или же она имела привычку с молодых лет тщательно за собой следить, а, может, и все вместе, но Афродита в какой-то момент задумалась о том, чтобы тоже снять одежду и спуститься в бассейн.

Тем временем Ванесса изящно опустила ногу в воду, попробовав ее температуру.

— Восхитительно, — поделилась она. — Вы не передумали?

— Думаю, я все же поеду. Спасибо за приглашение.

— Мы бы отлично провели время. Я знаю, как доставить женщине удовольствие.

Афродита улыбнулась и кивнула.

— В этом я не сомневаюсь, — сказала она. — Еще раз благодарю, но мне не стоит задерживаться. У меня завтра экзамен.

— Надеюсь, вы очаруете своего профессора. Меня вы почти очаровали. Вот если бы вы еще согласились хотя бы пять минут поплавать со мной...

Афродита после пары секунд колебаний отложила сумочку, сняла туфли и расстегнула платье.

— Хорошо, — кивнула она. — Но только пять минут.

Глава двадцать четвертая

Афродита несколько секунд изучала свое отражение в зеркале, после чего собрала волосы, завязала их лентой и принялась за макияж. Она заглянула в одну из корзинок, стоявших рядом с зеркалом, в поисках тонального крема, достала его и случайно смахнула на пол стакан с косметическими кистями.

— Дорогая, все в порядке? — спросил Вивиан, поднимая голову от подушки. — Зачем ты разбрасываешь вещи с утра пораньше? Тебя кто-то разозлил?

— Я тебя разбудила? Извини. Пойду в ванную, не буду тебе мешать.

— Не надо идти в ванную, лучше иди ко мне. У тебя есть целый час, макияж можно сделать потом.

— Не искушай.

Афродита собрала кисти и поставила стакан на место.

— Ты вернулась позже меня? Когда я пришел, тебя еще не было.

— Я пришла пару часов назад. Как вы посидели?

— Замечательно. Жаль, что день рождения только раз в году. Хотя, что мешает мне устраивать подобные посиделки чаще?

— Если бы не твоя работа, которая напоминает о себе в самый неподходящий момент, все было бы великолепно.

Афродита повернула голову так, чтобы свет падал на лицо, и внимательно оглядела тонкий слой нанесенного тонального крема.

— Ну, слава Богу, хотя бы в день рождения меня избавили от дежурств.

— Разве вчера ты не был на работе?

Вивиан сел на кровати потрепал волосы.

— Конечно, нет. Только этого мне не хватало!

Афродита повернулась к нему.

— Я вчера приезжала, Ванесса встретила меня внизу, возле бассейна. Она сказала, что вам с Робертом позвонили, и вы поехали на работу.

— Что за чушь? В начале второго я спал крепче, чем тридцать три ленивца. И ты можешь объяснить мне, зачем приезжала? По-моему, мы это обсуждали.

— Тебя утомили разговоры с коллегами, распитие спиртных напитков или же что-то еще? Судя по отсутствию белья под платьем доктора Портман, это на самом деле было что-то еще.

— Когда ты успела узнать, что на ней нет белья?

Афродита отложила кисть, которую взяла было в руки, и оперлась на туалетный столик.

— Знаешь, — сказала она, — может, ты и идиот, но я еще большая идиотка. Когда ты мне что-то обещаешь, я верю, что ты выполнишь обещание! Но как я могу тебе верить в вопросах, которые касаются женщин? Да ты умрешь, если одна из них пройдет мимо тебя! Ты физически не способен не обращать внимания на то, что хотя бы отдаленно напоминает женщину, как наркоман не может пройти мимо дозы! — Она повернулась к нему. — Ты ведь обещал мне, Вивиан!

— Я уже одел тебе на палец кольцо, и теперь ты считаешь меня своей собственностью?

— Кольцо не сделает тебя моей собственностью! Тебя вообще ничего не сделает моей собственностью! Равно как и собственностью кого-то еще! Хранить кому-то верность — это

выше твоих сил!

Вивиан поднялся и подошел к ней.

— И что, если так? Ты живешь со мной четыре года и знаешь, что я не являю собой идеал нравственности.

— Да, но ты мне обещал!

— Я тебе ничего не обещал.

Афродита посмотрела на него.

— Да, — повторил Вивиан. — Я тебе ничего не обещал. Мы обсуждали эту тему, но обещаний я тебе не давал.

— Хорошо. Тогда я тоже не буду давать тебе обещаний. — Она предостерегающе подняла руку. — Не прикасайся ко мне! Как ты можешь после того, как... — Она тряхнула головой. — Или ночью тебе не хватило?!

— Прекрати эту сцену, Дита. Я не собираюсь оправдываться. Если я тебя не устраиваю, ты можешь уходить из этого дома. Я никогда не держал тебя тут силой.

— Я подумаю над твоим предложением. — Она собрала косметику. — А ты можешь возвращаться в кровать и мечтать о докторе Портман. Думаю, это доставит тебе больше удовольствия, чем мысли обо мне.

***

— Уильям, сейчас же прекрати и позволь доктору делать свою работу. Он не будет сидеть с тобой всю ночь!

Темноволосый мальчик в очередной раз всхлипнул, но ничего не ответил матери. Он покорно протянул руку, и доктор Мори взял со стола баночку с белой мазью.

— Не бойся, — успокоил он мальчика. — Я не сделаю тебе больно. Через пятнадцать минут ты забудешь, что обжегся.

Мальчик наблюдал, как Вивиан накладывает на обожженный участок кожи тонкую марлевую повязку.

— Ну, вот и все. Ты держался молодцом. Возьми, ты это заслужил.

Пациент всхлипнул в последний раз — очевидно, только для вида — и, освободив полученную конфету от обертки, с наслаждением ее разгрыз. Мать обняла его за плечи.

— Спасибо вам, доктор, — сказала она. — Я так испугалась...

— В следующий раз не оставляйте его на кухне в одиночестве, особенно во время того, как вы готовите ужин. Детское любопытство может привести к печальным последствиям.

Женщина строго посмотрела на сына.

— Поблагодари доктора, Уильям, — сказала она.

— Спасибо, доктор, — с готовностью отозвался мальчик, продолжая грызть конфету.

Вивиан потрепал его по волосам.

— Не за что. Но давай договоримся, что ты больше не будешь подходить к плите и проверять температуру масла на раскаленной сковородке.

Доктор Роберт Диксон дождался, пока посетители покинут кабинет, вошел и сел в кресло возле окна.

— У тебя тут сегодня детский сад? — спросил он.

— Такое впечатление, что все матери в этом городе оставили детей без присмотра, и они либо засовывают руки в кипящее масло, либо что-нибудь глотают, либо где-нибудь застревают.

Роберт открыл окно и достал сигареты. Вивиан надел очки и склонился над

медицинскими картами.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, бросив короткий взгляд на коллегу. — Голова не болит?

— Отлично чувствую, хотя я был уверен, что меня будет мучить жуткое похмелье. Или еще что-нибудь похуже — после этого кофе.

— Вы с Алисой, похоже, уехали позже меня?

— Да, мы вернулись около двух дня. — Роберт пару раз затыкнулся и прищурился, не давая дыму попасть в глаза. — Никогда не понимал твоих свободных взглядов на секс, но вчера подумал, что в этом что-то есть.

Вивиан поднял на него глаза.

— Вот как? А я подумал, что вы на самом деле поднялись на крышу и смотрели на ночное небо.

— Конечно. Мы сначала поднялись на крышу, а потом нам стало холодно, и мы пошли греться.

Роберт присел на подоконник.

— Ну, а ты мне ничего не хочешь рассказать? — продолжил он.

— У меня вряд ли получится тебя чем-то удивить.

— Ты расскажешь? Или мне все из тебя вытягивать силой?

— Ты похож на сплетницу, которая стучит спицами и жаждет услышать очередную историю, Роберт. Не буду же я тебе рассказывать это прямо сейчас. Зайдет пациент, а я обсуждаю с тобой во всех подробностях вчерашнюю ночь.

— Да. И у него все сразу пройдет!

Вивиан сложил медицинские карты в стопку.

— Давай обсудим это в более подходящей обстановке.

— Ты послезавтра уезжаешь! И когда мы успеем это обсудить?

— Ты приедешь меня навестить, привезешь мне фрукты, мы будем сидеть в палате и обсуждать все, что ты пожелаешь. Конечно, если у меня будут силы что-то обсуждать.

Роберт выбросил сигарету и прикрыл ставни.

— Тебе это говорили миллион раз, но я рад, что ты решил это сделать. Потому что эта гадость в легких не может забрать у тебя жизнь. Она долго боролась, но проиграла. И так оно должно быть.

В приоткрытую дверь заглянула медсестра.

— Доктор Мори, — сказала она, — пожалуйста, перейдите в тридцать седьмую палату.

Вивиан посмотрел на Роберта, потом снова перевел взгляд на медсестру.

— Что-то случилось с господином Фонтейном? — спросил он.

— Да. Идемте, пожалуйста. Быстрее.

Рядом с кроватью Виктора Фонтейна стояли двое — Анжелика Гентингтон и молодой парамедик. Последний смотрел на показатель кардиографа, где бежала ровная линия. Доктор Гентингтон отложила электроды переносного дефибриллятора.

— Хватит, — сказала она со вздохом. — Мы пытаемся запустить сердце уже семь минут.

Доктор Мори подошел к кровати. Анжелика бросила на него незаинтересованный взгляд и посмотрела на кардиограф.

— Время смерти — десять часов тридцать пять минут, — сказала она. — Пожалуйста, зарегистрируйте.

Парамедик кивнул, не сказав ни слова, забрал дефибриллятор и вышел из палаты.

— Почему ты не позвала меня раньше? — спросил Вивиан.

— Я сама узнала несколько минут назад. — Она покачала головой. — Не понимаю, что произошло. Сердце просто остановилось. Показатели были в норме, он отлично себя чувствовал. Сегодня у него даже появился аппетит, он улыбался и говорил, что завтра поедет домой и выпьет вина... Мне нужно поговорить с его сыном. Он ждет за дверью.

— Я сам с ним поговорю. Выпей кофе. Тебе нужно сделать перерыв.

Эрик сначала изучал тело отца с порога палаты, потом медленно, будто пытаясь осознать, что произошло, приблизился и присел на кровать. Некоторое время он сидел без движения, потом протянул руку и осторожно коснулся его пальцев.

— У него такие теплые руки, — сказал он тихо. — У него всегда были холодные руки. Мама говорила, что у людей с холодными руками горячее сердце. — Он сложил руки на коленях. — Ну, все закончилось, папа. Наверное, теперь тебе тепло и спокойно там. И ты можешь не думать о своих проблемах. Не волнуйся, мы справимся. По крайней мере, я должен справиться, выбора у меня нет.

Доктор Мори смотрел на то, как Эрик поднимается и целует отца в лоб.

— Примите мои соболезнования.

— Когда он был жив, я часто думал о том, что предпочту чувствовать его боль, даже в два раза сильнее, чем чувствует он. Но только чтобы ему не было больно.

Эрик отошел от кровати, сделал шаг к двери и замер, глядя куда-то перед собой.

— Как это произошло? — спросил он.

— У него остановилось сердце. Нам предстоит выяснить, что именно случилось.

— Наверное, это самая лучшая смерть. Я бы тоже предпочел умереть вот так. Во сне.

— Даже если это случится, то через много лет, Эрик. Вы молоды. Вам не нужно об этом думать.

Они вышли в коридор, и Вивиан прикрыл дверь палаты.

— Если вам что-нибудь нужно, доктор, я с радостью помогу вам.

— Лучше скажите, что я могу для вас сделать. Вы поедете домой? Я могу заказать для вас такси?

Он ответил не сразу.

— Нет. Уж лучше я поеду куда-нибудь и выпью.

— Не думаю, что это хорошая идея. Вам лучше поспать.

— Я тоже не думаю, что это хорошая идея. А поэтому сделаю именно так.

Эрик помолчал и поднял глаза.

— Папа уважал вас, — снова заговорил он. — Глупо это сейчас говорить, но простите меня, доктор. Может, вы поймете, о чем я — со временем. Может, нет. Но мне важно это сказать.

— Не думаю, что вы должны просить у меня прощения. Вы ни в чем передо мной не провинились.

— Лично я — нет, но... — Он помотал головой. — Не важно. Спасибо вам за все. Спокойной ночи.

***

Анжелика Гентингтон отвела взгляд от стоявшего перед ней стакана кофе и посмотрела на то, как доктор Мори садится напротив нее.

— Хочешь? — спросила она, кивну на кофе.

— Нет, спасибо. Я буду плохо спать ночью.

— Да. Похоже, что и я.

— Ты не могла ему ничем помочь.

Анжелика сделала глоток кофе и вернула стакан на стол, а потом устало потерла ладонями щеки.

— Я решила, что нам с Джеральдом нужно расстаться, — сказала она.

Вивиан чуть наклонился вперед, так, будто не расслышал ее слов.

— Расстаться?

— Мы делаем вид, что все хорошо, играем в счастливую пару. Но у нас нет ничего общего. Сколько можно тянуть, мы оба понимаем, что оттягиваем неизбежное.

— Что ты собираешься делать?

Анжелика достала пачку тонких сигарет.

— Уехать, — сказала она коротко.

Вивиан подвинул к ней пепельницу.

— Я не хочу вмешиваться не в свое дело, но он любит тебя. Разрушить старое легко, а строить новое в разы труднее. Почему бы тебе не дать ему еще один шанс?

— Дело тут не в том, что я не давала ему шансов и не в том, что я не хочу ему их давать. Дело во мне. Я решила, что мне лучше побыть одной.

— Надеюсь, это никак не связано со мной?

Она улыбнулась и прикурила от спички.

— Даже если и так, то роль твоя была положительной. Я хотела пожелать тебе удачи с операцией. Не буду обещать, что приеду, не знаю, как все сложится с переездом и будет ли у меня время, но твой адрес электронной почты у меня есть, да и телефон тоже. Так что я обязательно осведомлюсь о том, как у тебя дела. Афродита, разумеется, очень рада. К тому времени, как родится ребенок, ты будешь совсем здоров. Кстати, вы уже знаете, кто это, мальчик или девочка?

Вивиан отложил портсигар, который держал в руках.

— Что? — не понял он.

Анжелика нахмурилась.

— Ты не знаешь, что она беременна?

— Беременна?! Впервые об этом слышу!

Услышав звонок своего сотового телефона, Вивиан достал его из кармана халата.

— Да? Здравствуй, мама. Нет-нет, не отвлекаешь. Разумеется, я могу поговорить. Большое спасибо. Да, я получил твою открытку еще на прошлой неделе, она замечательна. Ничего особенного — посидели с друзьями, выпили и поговорили. — Он поднялся и жестом показал Анжелике, что должен идти. — Лучше расскажи, как у тебя дела. Как там Джо и Рэне? Нет, разумеется, не забыл, я просто думал, что тебе так привычнее, но, если ты хочешь, я буду говорить по-французски.

***

Афродита села на место пассажира и прикрыла дверь машины. Эрик Фонтейн убавил громкость радио и повернул ключ зажигания.

— Куда едем? — коротко спросил он.

— А куда ты хочешь поехать? Мне, в принципе, все равно.

— Тебе решать. Ведь ты же меня позвала, а не я тебя.

Эрик вырулил со стоянки и поехал по направлению к городу. Афродита пару минут

смотрела в окно и не торопилась заговаривать.

— Наверное, я должна выразить тебе свои соболезнования, — сказала она, наконец.

— Не думаю, что ты мне что-то должна. Если ты хочешь сказать что-то подобное только из вежливости, то лучше промолчи.

Афродита с усмешкой посмотрела на него.

— Эрхард Фонтейн, ты всего-то пару часов назад уехал из больницы, но уже успел надраться как свинья? И сколько ты выпил?

— Если ты боишься, что мы попадем в аварию, можешь выйти, я остановлю машину.

— Нет. Давай прокатимся. Максимум тебя остановит полицейский, выпишет тебе штраф, а потом ты отрежешь ему ухо и объяснишь, почему не собираешься платить.

Эрик притормозил на светофоре.

— Хорошо. Ты хотела мне что-то сказать? Про фальшивые соболезнования я уже понял.

— Это не фальшивые соболезнования, Эрик. Мне на самом деле его жаль.

— Наверное, так же тебе было жаль Поля, когда ты через три месяца после его смерти собрала вещи и переехала к другому мужчине. Мало того — к мужчине, которого толком не знала. Но не будем об этом. Так чего же ты хочешь?

— Ты знаешь, чего я хочу.

Эрик повернул на перекрестке и снова притормозил, пропуская компанию пересекающих дорогу молодых людей.

— Денег? — предположил он. — Секса? Денег я тебе дам, но в плане секса у меня другие предпочтения, ты сама знаешь.

— Денег? — Афродита наклонилась к нему. — Ты хочешь дать мне денег, Эрик?

— Разве это не то, что тебе нужно?

— Мне нужен конверт.

Эрик достал из бардачка пачку сигарет, взял одну и прикурил от небольшой серебряной зажигалки.

— Тебе нужен конверт, — повторил он. — Я не могу тебе его отдать.

— Лучше сделай это по-хорошему, Эрик.

— А что ты предпримешь, если я не сделаю это по-хорошему? Застрелишь меня? Думаю, гораздо безопаснее ехать с пьяным водителем, чем с мертвым.

Афродита порылась в сумочке и тоже достала портсигар.

— Так где конверт?

— Не знаю, обрадуешься ты или нет, но он не у меня.

— Тогда где же он?

— Я отдал его отцу.

Афродита поднесла огонь зажигалки к сигарете, но в последний момент остановилась.

— Какого черта?! Надеюсь, потом ты его забрал, и теперь ты знаешь, где он?

Эрик покачал головой.

— Полагаю, конверт у одного из людей, которые посещали его палату.

— Там успели побывать все, начиная от персонала больницы и заканчивая полицейскими! Эрик, ты понимаешь, что наделал?! Это самый идиотский поступок, который ты когда-либо совершал!

— Отец отдал его человеку, которому он доверяет. И я в любом случае одобряю его выбор.

Афродита сделала глубокую затяжку и положила голову на спинку кресла.

— Ну ты и придурок, — сказала она мрачно. — Ты понимаешь, что испортил мне жизнь?!

Эрик открыл окно и стряхнул пепел на улицу.

— Никогда не замечал за тобой пессимизма, — проговорил он спокойно. — Может, отец вообще уничтожил конверт, и об этом никто не узнает?

— А если он отдал его полицейским?!

— Тогда твои дела обстоят гораздо хуже.

— Ты так спокойно об этом говоришь, будто не принимал в этом участия!

— Я занимался семейным бизнесом, только и всего.

Афродита посмотрела на него и усмехнулась.

— Семейным бизнесом? Убил братьев Тейлор с целью прибрать к рукам их бизнес? Конечно, я не до конца понимаю суть всего этого...

Эрик резко затормозил. Афродита выронила сигарету себе под ноги и наклонилась для того, чтобы ее поднять.

— Ты на самом деле ничего не понимаешь, — сказал он. — Для тебя все это, наверное, было детской игрой. Ты ведь знала, на что идешь. Тебя никто не тащил сюда силком. Теперь для тебя игра закончилась, а я остался один, и мне надо вести дела отца. Он не потрудился посвятить меня во все это, а поэтому мне придется действовать методом проб и ошибок. Кроме того, мне нужно заботиться о Долли.

Афродита провела ладонью по волосам, бросив взгляд в зеркало.

— Ах да. Малышка Долли, твоя очаровательная сестренка. Этот ваш семейный типаж — аристократические черты лица, волосы цвета спелой пшеницы, золотисто-карие глаза... Странно, что она до сих пор не замужем. Насколько я знаю, в ваших кругах выходят замуж рано. Иногда я смотрю на нее и думаю, что она была бы совсем не против немного пошалить...

Она поднесла сигарету к губам, но Эрик схватил ее за руку. Афродита недоуменно посмотрела на него.

— Если ты хотя бы пальцем прикоснешься к моей сестре, — сказал он, — то я обещаю устроить тебе личную встречу с отцом. Заодно и спросишь у него, кому он отдал этот трижды проклятый конверт.

— Успокойся. Когда ты пьешь, ты теряешь человеческое лицо. — Она осторожно убрала руку. — И снимай перчатки, когда прикасаешься к даме.

Эрик снова завел мотор машины.

— Я имел возможность пообщаться с доктором. О нем рассказывают много гадостей, не удивлюсь, если часть из этого — правда, но он хороший человек.

— Не знала, что он в твоём вкусе.

— Он достоин лучшего, Афродита. Того, что ты ему никогда не сможешь дать. Проблема в том, что он тебя любит. Когда люди любят, они не думают о таких вещах.

Афродита выбросила недокуренную сигарету в окно.

— Что ты в этом понимаешь? Ты вообще когда-нибудь любил?

Он улыбнулся.

— А ты думаешь, что любовь может возникнуть только между людьми противоположного пола?

— По-моему, ты неспособен даже на минимальное проявление любви.

— Давай лучше подумаем, куда можно поехать. Сегодня мне меньше всего хочется

сидеть дома.

Афродита вернула в сумочку зажигалку.

— Так пойдешь в бар и подцепи какого-нибудь красавчика.

— В бары я не хожу, но в клуб пойду с удовольствием. Ты можешь присоединиться.

Помимо красавчиков, там много красавиц. И хватит уже теребить сумочку, она ни в чем не виновата.

— Останови машину, Эрик.

Он послушно притормозил и положил руки на руль.

— Уже уходишь? А ведь когда-то мы все вместе гуляли целую ночь напролет.

— У меня есть планы.

— Досадно. Ну, как знаешь.

Афродита вышла из машины, но в последний момент снова заглянула в салон.

— И на прощание я еще раз хотела сказать тебе, что ты идиот, Эрхард Фонтейн.

Эрик закивал.

— Полностью согласен. Если планы изменятся, мой номер у тебя есть.

Глава двадцать пятая

Услышав звонок в дверь, Афродита на секунду замерла, после чего поставила на паузу игравший в музыкальном центре диск и вышла в прихожую. В подъезде было темно — электричество чинили вот уже пару дней, но до сих пор безрезультатно — и поэтому смотреть в глазок не имело смысла.

— Кого черт принес? — поинтересовалась хозяйка.

— Это Адам. Открой, пожалуйста.

Афродита щелкнула замком и посмотрела в темноту подъезда — цепочку с двери она не сняла.

— Добрый вечер, — поздоровался Адам. — Не отвлекаю?

— Отвлекаешь. Ты что-то хотел?

— На самом деле, ничего. Просто поговорить.

— Я не настроена с кем-либо разговаривать.

Адам положил руку на косяк.

— Это важно, — сказал он. — Впусти меня, пожалуйста.

— Подожди внизу, я через двадцать минут закончу, и мы поговорим в машине.

— Ну, брось эти глупости. Если не хочешь со мной разговаривать, не нужно, я просто приготовлю себе чай. У меня зуб на зуб не попадает от холода.

Афродита тяжело вздохнула и, сняв цепочку, пропустила гостя в прихожую. Адам осмотрелся и сделал пару шагов в направлении гостиной.

— Похоже, собираешься ты основательно, — сказал он, посмотрев на сумки. — Куда ты едешь?

— Пока что не знаю.

— Просто возьмешь билет на поезд и поедешь, куда глаза глядят?

— Что-то вроде этого. Ты хотел чаю? Кухня там.

И Афродита указала пальцем в нужном направлении. Но Адам, похоже, не собирался идти на кухню.

— Я хочу сказать тебе пару слов, если ты не против. Это не займет много времени.

Она села в кресло.

— Слушаю.

— Во-первых, скажи мне, почему ты уезжаешь?

— Это тебя не касается. Следующий вопрос.

— Если вы поссорились с доктором, ты можешь пожить у меня.

Афродита сложила руки на коленях и улыбнулась.

— Мой дорогой, — сказала она. — Тебя не должны волновать мои отношения с доктором. Точнее, мои бывшие отношения с доктором. Я собираю вещи и уезжаю. И тебя не должно волновать, куда.

— Но ведь ты не можешь просто взять и уехать.

— Я потратила четыре года на человека, которому плевать на все, включая наши отношения. Думаю, теперь у меня есть право выбирать себе жизнь.

— Я думаю, что он расстроится, узнав о твоём решении.

Она рассмеялась и поднялась.

— Я поняла твою мысль. Отойди, Адам. Дай мне закончить. У меня в полночь поезд. До

этого я планирую поужинать в ночном кафе.

— Ты на самом деле думаешь, что Виктор отдал конверт полиции?

Афродита, которая присела для того, чтобы сложить очередную порцию вещей в сумку, подняла на него глаза.

— Какого черта? — вырвалось у нее.

Теперь улыбался Адам.

— Да, ты не ослышалась, я сказал «конверт». Ты думаешь, что Виктор отдал его полиции?

— Послушай, Адам. Через пятнадцать минут я спущусь к своей машине, поверну ключ зажигания и поеду на вокзал. А потом я поеду туда, куда глаза глядят. И ты меня не остановишь.

— Я не собираюсь тебя останавливать. Ты останешься здесь еще на полчаса. Думаю, этого нам хватит.

Афродита бросила вещи и поднялась.

— Мне послышалось, или ты мне приказываешь? — спросила она. — Ты стоишь посреди моей квартиры и говоришь мне, что делать?! Убирайся отсюда!

— Это не твоя квартира. И я уйду отсюда. Тогда, когда сочту нужным уйти.

— Хорошо. Тогда уйду я. Черт с ними, с вещами. Я куплю себе новые.

— Нет, Афродита. Ты никуда не пойдешь.

Она замерла, глядя на пистолет, который Адам держал в руках.

— Откуда у тебя оружие?

— Сядь, Афродита. Я обещаю, что надолго тебя не задержу.

Незапертая дверь открылась, и на пороге появился доктор Мори. Следом за ним шла Кейт Мэдисон в компании двух полицейских. Адам повернулся к ним.

— Ну вот. Мы ждали даже меньше, чем полчаса. Я ведь говорил, что это будет быстро.

— Я хочу знать, что тут происходит, — заговорил Вивиан. — И я хочу, чтобы вы немедленно мне это объяснили.

Кейт легко подтолкнула его в спину.

— Мы все вам объясним. Но сначала отдайте нам конверт, доктор.

Афродита посмотрела на нее, потом перевела взгляд на Вивиана.

— Так он отдал его тебе? — спросила она.

Доктор Мори достал из кармана плаща конверт и протянул его Кейт, но она покачала головой.

— Откройте, доктор. Ведь его передали вам.

Вивиан медленно разорвал бумагу.

— Вы очень оперативно отреагировали, детектив, — тем временем обратился к Кейт Адам.

— Это наша работа, господин Фельдман. Объясните доктору, что в конверте.

Адам взял уже открытый конверт. Вивиан оглядел его.

— Не знал, что у вас есть лицензия на ношение оружия, — сказал он. — Похоже, самый идиотский вечер в моей жизни только начался.

— Помимо всего прочего, я иногда занимаюсь частным сыском, — пояснил Адам. — Очень редко и за приличные деньги. Вы, разумеется, закончили изучение моей биографии на том, что я учился в Англии, но вам и в голову не приходило, что я мог получить второе образование.

— Частным сыском? — переспросил Вивиан. — И за кем вы следили? За мной?

Адам поморщился, изучая содержимое конверта.

— Я следил за вашей женщиной. — Он посмотрел на Афродиту и улыбнулся, но через долю секунды снова вернулся к своему занятию. — Сначала меня об этом попросил Леон Тейлор, а потом и детектив Мэдисон. Выяснилось, что цели у нас похожие — мы хотели выяснить, каким путем к Виктору Фонтейну попадает такое количество морфия. Разумеется, у него должен был быть знакомый врач, который выписывает ему рецепты. Причем такой врач, который может выписывать рецепты на морфий регулярно, не вызывая этим подозрений. — Он поднял глаза на Вивиана. — Врач, который работает с людьми, испытывающими сильные боли. Например, онколог.

Доктор Мори, до этого смотревший на Адама, понимающе закивал.

— И что же вы выяснили? — спросил он.

— Посмотрите сами.

Вивиан взял переданную ему пачку рецептов, внимательно просмотрел ее. Потом просмотрел еще раз — так, будто не мог поверить своим глазам.

— Что это? — заговорил он, наконец. — Я не выписывал ни одного из этих рецептов.

— Мы знаем, доктор, — включилась в беседу Кейт. — Но это ваши рецепты. На них стоит ваша печать, включая номер вашей медицинской лицензии, тут есть ваша подпись. Я права?

— Да, вы правы, но я не знаю, что это такое!

— Зато мы знаем, доктор. Эти рецепты выписывала госпожа Вайс.

Афродита сложила руки на груди.

— Чушь! — Она тряхнула головой. — Я понятия не имею, о чем вы говорите!

Кейт кивнула Адаму.

— Расскажите, господин Фельдман. Вы в курсе всего этого, а из меня рассказчик плохой.

Адам сложил рецепты в конверт.

— Когда-то, давно, четыре года назад, Афродита Вайс познакомилась при не очень приятных обстоятельствах с доктором Мори, а через три месяца после их знакомства переехала жить к нему. До этого госпожа Вайс была женой нынче покойного Поля Фонтейна, сына Виктора Фонтейна, одного из самых влиятельных в городе криминальных авторитетов. Виктор Фонтейн занимался торговлей наркотиками — это был их основной семейный бизнес до того, как в историю вмешались братья Тейлор. Они решили прибрать к рукам бизнес семьи Фонтейн. И в какой-то момент они начали вести себя довольно нагло. По этой причине сын Виктора Фонтейна, Эрик, милый светловолосый мальчик, который больше похож на ангела, чем на сына криминального авторитета, убил их обоих. — Адам оглядел присутствующих. — Это официальная версия. На самом же деле все обстояло несколько иначе. Госпожа Вайс принимала непосредственное участие в ведении бизнеса семьи Фонтейн. Она доставала рецепты, с помощью которых можно было достать товар. Для этого ей не нужно было продумывать хитрые комбинации — она могла открыть ящик стола своего мужчины, взять его печать и заполнить рецепт, ведь он, как и большинство врачей, держит рецепты и печать не только в своем рабочем столе в больнице, но и дома. Почерк у доктора Мори, как и у всех его коллег, неразборчивый, а поэтому никто не утруждал себя и не пытался это прочесть. В рецепте важна только пара слов, написанная на латыни, и указанная дозировка. А подделать подпись доктора не составляло никакого труда — как мы

видим, она очень проста.

Адам сделал паузу. Никто не торопился нарушать молчание.

— Думаю, госпожа Вайс продолжила бы этим заниматься, не узнай об этом Ник Тейлор. Увидел ее в компании Эрика Фонтейна, а потом сопоставить нужные факты труда не составило. В результате Эрику пришлось сделать то, что он и делать-то не планировал — с братьями Тейлор он был в хороших отношениях. И, насколько мне известно, даже неровно дышал к одному из них, Фредерику. Ну, а госпожа Вайс просто получала приличные суммы за то, что она делает. А заодно надеялась, что Виктор Фонтейн вписал ее в завещание. Увы, Афродита, это не так. Вот последняя копия документов, Виктор составил ее в день своей смерти. Она заверена адвокатом. После этого адвокату только и оставалось, что выполнить последнюю просьбу Виктора — ввести в капельницу токсин, который за несколько часов вызывает паралич всех мышц, включая сердечную. Разумеется, он сделал это уже после того, как его клиент принял снотворное и крепко уснул, чтобы не чувствовать боли. Токсин почти мгновенно растворяется в крови и не оставляет никаких следов. «Остановка сердца» — вот причина смерти. В том числе, Виктор пожелал, чтобы его сын больше не имел ничего общего с наркобизнесом. Именно поэтому он незадолго до своей смерти передал доктору Мори этот конверт.

Афродита несколько секунд изучала полученный документ.

— Вашего имени тут нет, верно? — спросил Адам. — Виктор разделил свое состояние поровну между Эриком и его сестрой Долорес. Он решил, что деньги должны остаться в семье.

Она отшвырнула завещание.

— И что же, вы думаете, что Эрик все это подтвердит?

— Ему придется давать показания — он был одним из последних людей, которые видели Виктора Фонтейна живым. Кроме того, ему придется объяснить, почему его отец в день своей смерти вздумал менять завещание. Ведь доктор Мори своими глазами видел, что ваше имя там значится. И это было совсем недавно. Верно, доктор?

Вивиан не ответил. Он смотрел на Афродиту, которая в какой-то момент опустила глаза.

— Это, разумеется, полная чушь, — сказал он. — Дита, ты четыре года спала со мной из-за рецептов?

Адам кивнул Кейт.

— Думаю, нам нужно ненадолго оставить их одних, — произнес он.

Когда все вышли, Афродита еще некоторое время стояла без движения, после чего сделала шаг к Вивиану.

— Я хочу, чтобы ты меня послушал, — сказала она. — Я все расскажу, но, пожалуйста, выслушай меня. Это важно.

— Для кого? Для тебя? Для детей, которым вы продавали морфий? Или для кого-то еще? Для меня это уже не имеет значения. Ты можешь говорить все, что угодно. — Он взъерошил волосы. — Подумать только, целых четыре года я жил... Черт, поверить не могу! И почему ты не рассказала мне про то, что беременна?

Афродита остановилась.

— Беременна? — повторила она. — Я была беременна. Но, думаю, тебе следует знать, что я сделала аборт. Доктор Кэмерон была права — это простая операция.

Вивиан бросил на пол плащ, который держал в руках.

— Нет. Я точно сплю, и скоро проснусь. Ты хочешь сказать, что просто взяла и убила моего ребенка?!

— Во-первых, кто тебе сказал, что это твой ребенок? Во-вторых, был ли он тебе нужен? Тебе наплевать на всех, кроме себя. Зачем тебе был нужен этот ребенок? Что бы ты мог ему дать? Может, научить ненавидеть себя? Или причинять боль другим?

— Да, Дита. Ты права. Чему я мог бы его научить? Ведь я сам рос без отца. Я даже не представляю себе, чем отец должен заниматься. А теперь сделай мне одолжение — уходи. И сделай так, чтобы наши дороги больше не пересекались. Никогда. И остальные пусть тоже убираются к чертям.

Кейт наблюдала за тем, как один из полицейских открывает Афродите дверь. После этого она подняла с пола плащ и подошла к доктору Мори. Он сидел в кресле у окна и смотрел в ночь.

— Я понимаю, что это не совсем вовремя, — начала она, — но, думаю, вы понимаете, каковы последствия. Ваша лицензия...

— У вас есть номер моего юриста. Я послезавтра уезжаю, решайте все вопросы с ним.

Минут пять Адам сидел молча и наблюдал за хозяином квартиры. Наконец, Вивиан поднялся и приблизился к окну.

— Вам, наверное, доставляет удовольствие буравить взглядом мою спину? — спросил он. — Или приглашение убираться вас не касается?

— Я жду такси, доктор. Оно приедет через пятнадцать минут.

— Вы можете подождать на улице.

Адам подошел к нему и остановился на некотором расстоянии.

— Я думаю, что правда лучше лжи, доктор. Какой бы она ни была.

Вивиан повернулся к нему.

— Вы издеваетесь? Я только что узнал, что моя женщина жила со мной четыре года только из-за того, что меня было удобно использовать и о том, что она была беременна, но сделала аборт! Вам бы понравилась такая правда?! Моя жизнь — одна сплошная ложь! Мало того — еще и вы со своим спектаклем! Объясните мне хотя бы, как вы могли мне лгать и притворяться идиотом?!

Адам пожал плечами.

— Я не лгал. Вы интересный человек, доктор, и я ценю нашу дружбу. Вы ведь не думаете, что я делал это потому, что мне за это платили? Я бы не стал рассказывать чужому человеку свои тайны.

Вивиан подошел к столу и взял портсигар.

— Это вы про трогательную историю с Джеральдом? Хочется верить, что хотя бы это не ложь.

— Это не ложь, — кивнул Адам. — Я плохой актер.

— У вас прекрасные актерские способности, господин Фельдман. Хотя, конечно, они не идут ни в какое сравнение с актерскими способностями чужой женщины, с которой я все это время делил постель, свято полагая, что ей не безразличен! И даже — страшно подумать! — думал, что она выйдет за меня замуж!

Адам присел на подлокотник дивана.

— Я думаю, что вы неправы, — сказал он.

— Заткнитесь, — попросил его Вивиан. — Я будто вернулся в то время, когда не видел смысла в своей жизни и каждый день думал о том, что приду домой и перережу себе вены. Я

даже знал, что резать надо не поперек, а вдоль. Чтобы уж наверняка. Только тогда в одной палате меня ждала женщина, которую я нашел на улице при смерти. И эта женщина дарила мне надежду на то, что все наладится. А теперь у меня нет ничего. Понимаете? Ничего!

— Вы неправы, доктор.

— Я же сказал вам: заткнитесь!

Адам молчал. Доктор Мори закурил и окинул взглядом гостиную.

— Если я вернусь, — сказал он, — то продам эту квартиру. Или просто отдам. Должен же я сделать в своей жизни хотя бы что-то полезное. Все тридцать четыре года я только и делал, что пробовал все наркотики, которые только существуют, спал с каждой встречной женщиной и боялся, что умру, если задумаюсь о смысле происходящего. А теперь... — Вивиан сделал пару глубоких затяжек и посмотрел в окно. — Мне плевать. В моем возрасте уже заводят семьи, детей. А что есть у меня? Работа. Мне все опротивело. Я опротивел сам себе.

Адам, который пять минут назад тоже успел закурить, поднялся, подошел к столу и стряхнул пепел в пепельницу.

— Я плохо умею утешать, доктор, — заговорил он. — И, если честно, с трудом представляю, какие слова принесут вам утешение. Понимаю, что в это верится с трудом, но время лечит.

— Ни черта оно не лечит, — оборвал его Вивиан. — Оно просто делает вас бесчувственным.

— Люди меняются. Просто порой к изменениям нас подталкивают не очень приятные жизненные ситуации.

Вивиан потушил сигарету.

— Надо собирать вещи, — сказал он с тоской. — Терпеть не могу это занятие. — Он посмотрел на Адама. — Послушайте, вы что, на полном серьезе предпочитаете мужчин?

Адам поднял бровь.

— Вообще-то, я не против представителей обоих полов.

— Ладно, черт с ним. Идемте, я отведу вас в один неплохой клуб. Мне сейчас больше всего хочется выпить до такой степени, чтобы потом ничего не помнить. И не важно, чем я буду заниматься в это время. Если уж мучиться похмельем, то с осознанием того, что у меня нет ночных дежурств.

Глава двадцать шестая

Западное побережье США

Несколько месяцев спустя

Адам отпустил такси, поставил на горячий асфальт небольшую дорожную сумку и оглядел ряд домов, построенных вдоль побережья. Вот как выглядит Рай, подумал он — океан, белый песок и ни души кругом. Адам поправил солнцезащитные очки, подхватил сумку и побрел по узкой дороге, изучая номера домов. Минут через пятнадцать он нашел то, что искал: дом под номером двадцать пять. Ошибки быть не могло: когда Адам поднялся на невысокое крыльцо, то заметил под табличкой с номером другую табличку, на которой значилось имя жильца: Вивиан Мори. На стук никто не ответил, а поэтому гость толкнул дверь и вошел.

Дом являл собой одноэтажный коттедж с несколькими комнатами. Комната, в которой оказался Адам, была гостиной. Чуть дальше находилась кухня, а в другой стороне дома размещались спальни и остальные жилые помещения. Высокие потолки визуально расширяли пространство; этому способствовали и светлые тона, в которых была оформлена гостиная. А стена со стороны океана и вовсе была стеклянной — чем не райская мечта?

Хозяин, судя по всему, вышел — скорее всего, здесь не было принято запираеть дверь на ключ (да и кому взбредет в голову кого-то ограбить в такой глуши?) — но вышел недавно. На столе Адам заметил чашку с недопитым кофе, открытый портативный компьютер, несколько писем (часть из них еще не извлекли из конвертов), пару книг, целый ворох исписанных бумаг и несколько остро заточенных карандашей. А на мягком белом ковре стояла бутылка вина в компании двух бокалов.

Адам огляделся в очередной раз. Одно из кресел было поставлено напротив телевизора; на экране плавала разноцветная заставка. На одном из подлокотников кресла лежал клетчатый плед, а в кресле примостилась большая белая кошка. Увидев гостя, кошка подняла голову и приоткрыла один глаз, но через пару секунд снова свернулась клубочком и продолжила дремать.

Пока Адам размышлял над вопросом, куда же мог деться доктор Мори, за его спиной почти неслышно открылась дверь, и он обернулся. На пороге спальни стояла невысокая девушка, одетая в легкое белое платье. Она улыбнулась, чуть наклонила голову и коротко сказала:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — отозвался Адам. — А где хозяин?

На лице девушки появилось удивление, и она развела руками.

— Не знаете? — повторил свой вопрос Адам.

Она пожала плечами и сказала пару слов на не понятном ему языке.

— Вы не говорите по-английски? — догадался он.

— Очень плохо, — ответила девушка печально и добавила, с надеждой улыбнувшись: — Вивиан?

— Да, — кивнул Адам. — Вы знаете, где он?

— Вода, — сообщила девушка и указала в направлении океана.

— Он пошел плавать? — задал Адам очередной вопрос и, чуть подумав, сопроводил свои слова жестом.

Девушка покачала головой, после чего снова повернулась к океану, сложила руки на груди и посмотрела вдаль. Потом она повернулась к Адаму и пару раз кивнула ему, будто спрашивая, достаточно ли понятно она объясняет.

— Гулять? — предположил он. — Подышать свежим воздухом?

В этот момент входная дверь открылась, и в гостиной появился доктор Мори. В светлых брюках, распахнутой на груди рубашке и босиком — он настолько не соответствовал своему обычному образу, что Адам на секунду замешкался, не зная, как на это реагировать. Впрочем, про Вивиана можно было сказать то же самое. Он некоторое время изучал гостя, после чего запахнул рубашку и подошел ближе.

— Господин Фельдман, — заговорил он. — Ни письма, ни звонка... что же, сюрприз удался!

— Я очень рад вас видеть, доктор.

— Взаимно. Только не обнимайте меня слишком крепко. Швы уже зажили, но рисковать не стоит.

Мужчины обнялись, и доктор Мори оглядел Адама.

— Вы отлично выглядите, — сказал он. — Лишние килограммы вам не мешали, но их отсутствие вам идет больше.

— Лучше расскажите, как вы себя чувствуете.

— Замечательно. Первое время у меня все болело так, что я с трудом вставал с кровати. Потом мне разрешили прогуливаться раз в день. Ну, а через три месяца сказали, что я вполне здоров, и теперь мне нужно отдыхать. Вот, — Вивиан кивнул в сторону окна, — я решил послушаться. Сначала планировал остаться месяца на два, не больше, но потом подумал, что продлить отпуск еще на четыре месяца — это прекрасная идея. Кроме того, тут такой чистый воздух... Впрочем, человеку, который полгода назад был уверен, что если кашляет, то живет, любой воздух покажется сказочным. Я впервые не задыхаюсь по ночам, а с утра меня будит шум прибора. Ну, иногда и не только.

Девушка, будто понимая, что говорят о ней, тихонько потянула Вивиана за рукав. Он повернулся к ней, погладил по волосам и что-то шепнул на ухо. Девушка кивнула, обняла его, забравшись под рубашку, и провела ладонями по спине, после чего помахала Адаму на прощание и вышла.

Доктор Мори выглядел лучше, чем во время их последней встречи. Как показалось Адаму, он немного похудел, но его бледность сменилась легким румянцем, а скованность в движениях, свойственная больному человеку, пропала. Теперь Вивиану снова сложно было дать больше двадцати пяти, хотя в этом можно было обвинить и слегка отросшие волосы, и не совсем солидный вид.

Будто прочитав мысли Адама, он подошел к зеркалу, застегнул рубашку, поправил воротник и, в последний раз критически себя оглядев, пригласил гостя присесть.

— Я люблю пройти с утра, — объяснил он свое отсутствие, наводя порядок на столе. — Я могу предложить вам кофе, или вы хотите вина?

— Я бы предпочел выпить чего-нибудь холодного.

— Да, конечно. Извините меня за мою недогадливость. Вы приехали из столицы, там жарче, чем здесь. У меня есть сок... лимон с мятой. Вам должно понравиться.

Доктор Мори ушел на кухню и вернулся с двумя стаканами и небольшим пакетом сока.

— Надеюсь, девушка не в обиде на меня за то, что я пришел без приглашения? — спросил Адам.

— Она собиралась уходить, ей пора на работу. — Стаканы переместились на стол. — Мы познакомились пару месяцев назад. В этом есть что-то экзотическое. — Вивиан сделал пару глотков сока и задумчиво посмотрел на океан. — Я уже выучил несколько фраз на тайском и, думаю, это не предел. Надеюсь, и я ее чему-нибудь научу.

— Английскому? Французскому?

— Пока что в плане изучения языков она проявляет наименьшую активность.

Адам улыбнулся и тоже попробовал сок. Вивиан тем временем устроился в кресле и взял со стола портсигар. От внимания Адама не ускользнул тот факт, что там, помимо уже знакомых ему сигарет в темной бумаге, находились обыкновенные сигареты — судя по фильтру, это был «Parliament». Именно такую сигарету достал доктор Мори.

— В клинике я думал, что сойду с ума, — поделился он с собеседником, закуривая. — Если бы вы видели тех медсестер. Такое впечатление, будто их приводят с конкурса красоты. Мало того — только намекайте, и каждая исполнит любой ваш каприз, даже самый замысловатый. Но когда вы не можете пошевелиться без того, чтобы у вас в глазах не потемнело от боли, а потом ждете, когда снимут швы... — Он покачал головой, вспоминая неприятные моменты. — Больным в этой клинике быть хорошо тогда, когда вы можете нормально функционировать. В какой-то момент я возненавидел доктора Лоуренса за то, что он заставил меня терпеть эту пытку. — Доктор Мори затянулся и положил голову на спинку кресла. — Ну, впрочем, это не имеет значения. И какое наслаждение вы испытываете, когда наконец-то получаете то, чего так долго ждали! Это стоит долгих пыток...

— Я вам кое-что принес, доктор. Хотел послать по почте, но потом решил, что лучше привезти лично. Собственно, это и навело меня на мысль вас навестить.

Адам достал из дорожной сумки книгу и отдал ее Вивиану.

— Помню, что я обещал отдать первую книгу тиража вам. Я попросил Чарльза ее сохранить.

Доктор Мори прочитал дарственную надпись, пролистал книгу, просмотрел содержание и бережно положил ее на стол.

— Благодарю, — сказал он. — Это уже второй замечательный сюрприз за этот день.

Адам повертел в руках бокал с соком.

— Так... значит, вы хорошо себя чувствуете и почти здоровы? — спросил он.

— Душевные раны, конечно, заживают медленнее.

— Вы не знаете, где сейчас Афродита?

— Она прислала мне письмо, но я решил не читать его. Не будем об этом. У меня было много времени для того, чтобы подумать. Я сделал свои выводы.

Гость понимающе закивал. Вивиан стряхнул пепел с сигареты и снова перевел взгляд на океан.

— Как вы проводите время, доктор? Просто отдыхаете? Гуляете?

— Не поверите, но преподаю танцы. Милая девушка, хозяйка местного клуба, наверное, сочла меня сумасшедшим, когда я отказался от денег. Первое время было непривычно — в конце концов, я не занимался этим уже много лет. Но через пару недель тренировок тело снова начало слушаться. Ах да, кстати. Когда вы возвращаетесь в Мирквуд?

— Завтра.

— Завтра? Мы не виделись полгода! Это невежливо — погостить день и уехать.

Адам развел руками, не зная, что сказать.

— Конечно, вам нечего ответить. Потому что, во-первых, короткий визит, как я уже сказал — дурной тон. Во-вторых, я не хочу, чтобы вы уезжали. В-третьих, я думаю, что вам есть, что мне рассказать. В-четвертых, я просто обязан показать вам город. И еще у меня есть деловое предложение.

— Деловое? — улыбнулся Адам.

— Да. Но я буду говорить только после того, как вы скажете, когда вы возвращаетесь в Мирквуд.

Адам снова замолчал. Его обратный билет был датирован завтрашним числом, но при желании можно было отложить полет.

— Думаю, я смогу задержаться на пару дней, — заговорил он, наконец.

— Я улетаю через три недели. Вы полетите со мной.

— Через три недели?! Вы шутите, доктор! У меня есть работа... и университет...

— В университете сейчас каникулы, господин Фельдман. А работать вы можете и здесь. Все необходимое у вас, разумеется, есть. Я не буду вам мешать, потому что у меня тоже есть работа. Наш общий знакомый Патрик Мэйсон решил возобновить лечение.

Адам, который было снова взял стакан с соком, поднял глаза на доктора Мори.

— Вы восстановили лицензию?

— Это было несложно, у меня много влиятельных друзей. Но на работу в больницу я уже не вернусь. Я пришел к выводу, что мне нужно заняться кое-чем другим. Точнее, нам.

— Нам? — не понял Адам.

Вивиан откинулся в кресле, положил ногу на ногу и с довольным видом посмотрел на собеседника — вероятно, такой реакции он и ожидал.

— Нам нужно открыть ночной клуб.

От удивления Адам даже наклонился вперед. Стакан с соком покачнулся, и он взял его в руки.

— Как вы это себе представляете?

— Я располагаю основной концепцией и деньгами. Более того, я уже нашел подходящее помещение в городе и купил его — слава кредитным картам и Интернету, они облегчают все бюрократические процедуры. По приезду домой мы займемся дизайном, а потенциальные клиенты у меня уже есть. Думаю, и у вас — насколько мне известно, вы располагаете широким кругом знакомств. Только подумайте. Все, что хочет клиент. И каждый раз что-то новое. Вряд ли моя фантазия сравнится с вашей, но, думаю, вместе у нас получится хорошо...

Адам промолчал, подумав о том, что доктор Мори на фантазию тоже жаловаться не должен.

— Что вы думаете по этому поводу? — нетерпеливо спросил Вивиан.

— В городе есть несколько закрытых клубов. Чем наш будет отличаться от остальных?

— Это самое простое. — Он сделал последнюю затяжку и потушил сигарету. — Сейчас я вам все объясню.

Мирквуд, Европа

Восемь месяцев спустя

— Вы приглашены?

Молодой охранник в черном прохладно улыбнулся, изучая стоявшего напротив него человека.

— Я друг одного из хозяев. Меня зовут Джеральд.

Охранник достал сотовый телефон, набрал номер и, сказав пару слов, снова спрятал аппарат в карман.

— Проходите, — сказал он.

Снаружи клуб выглядел невзрачно, как и все заведения подобного рода. Впрочем, ничего из ряда вон выходящего нельзя было увидеть и внутри — небольшое помещение (по крайней мере, та часть, в которую посетитель попадал сразу же после того, как переступал порог), несколько столиков и немногочисленная публика. Освещения здесь почти не было, за исключением неярко-красноватого света, а в воздухе пахло хорошими духами и сигаретным дымом. Когда вошедший закрыл дверь, где-то зазвенел колокольчик, и рядом с ним появилась девушка.

— Добрый вечер, — поприветствовала она гостя и улыбнулась — в отличие от улыбки охранника, это была вполне приветливая улыбка, в которой никто не заметил бы фальши. — Вы тут впервые?

— А вы знаете всех посетителей в лицо? — ответил мужчина вопросом на вопрос.

Девушка скрестила руки на груди и снова улыбнулась. В длинном белом платье с разрезом почти до середины бедра и открытой спиной, в туфлях на высоком каблуке и пышными темно-рыжими волосами, не собранными в прическу, она выглядела кем угодно, но только не официанткой.

— Конечно, — ответила она. — Меня зовут Колетт, я главный распорядитель клуба. А как вас зовут?

— Джеральд.

— Вы друг Вивиана или Адама?

— Я друг Адама.

Колетт поправила волосы и оглядела зал.

— Я сейчас найду его. А с месье Мори вы не знакомы?

— Нет. Но буду рад познакомиться.

— Я оставлю вас на несколько минут. Только найду вам место, откуда видно сцену.

Колетт провела гостя на второй этаж, в зону для особо важных персон, и кивнула на один из столиков рядом с перилами. Джеральд воспользовался приглашением.

— Выпьете что-нибудь?

— Виски с колой, если вас не затруднит.

Джеральд закурил и посмотрел вниз, на сцену. Две девушки-азиатки, похожие друг на друга как две капли воды, танцевали, передавая из рук в руки огромную змею. В какой-то момент один из зрителей поднялся на сцену, и ему тут же предложили принять участие в игре. В ответ на это он предостерегающе поднял руки, но к танцу присоединился.

— Так и думал, что ты опоздаешь. А ведь мог позвонить. Я встретил бы тебя у входа.

Адам занял один из стульев у стола — Джеральд сидел вполоборота к лестнице, и поэтому заметил его не сразу.

— Ну, что ты сидишь и ничего не пьешь? Или ты пришел только для того, чтобы посмотреть?

— Я жду заказ.

На Адаме были черные брюки, темно-зеленая рубашка и, как показалось Джеральду, слишком кричащий жилет из золотистой ткани. Выглядел он довольным — по крайней мере, именно с таким видом он наблюдал за гостем.

— Ну, как тебе? — задал он очередной вопрос.

— Уютно. Как давно вы открылись?

— Пять месяцев назад. Если бы кое-то не сослался на дела, то смог бы прийти и на открытие.

— Ты же знаешь, я бываю в городе редко. В последнее время буквально живу в поездах.

— Хочется верить, что теперь ты будешь появляться чаще. — Адам привстал и посмотрел в направлении подножья лестницы. — И где же Вивиан? Ох уж эти его «я буду через две минуты»! Вот он, кажется. Ничего не вижу в этой темноте. Да-да, вот он. Вместе с Колетт и твоим заказом.

Колетт в сопровождении высокого брюнета в показавшемся гостю старомодном костюме подошла к столику и поставила перед Джеральдом его заказ.

— Прошу, — сказала она, улыбнувшись. — Лед отдельно.

— Добрый вечер, — поздоровался брюнет. — Простите, я задержался — обычно мы с Адамом встречаем новых гостей вместе. Вивиан Мори.

Брюнет протянул ему руку в тонкой белой перчатке, и Джеральд пожал ее.

— Мое почтение, доктор, — сказал он.

— Я люблю, когда ко мне обращаются по имени. — Вивиан повернулся к Колетт. — Дорогая, ты можешь идти. Если нам что-то понадобится, мы тебя позовем.

— Пожалуй, и я пойду, — сказал Адам, поднимаясь. — Знакомьтесь.

Вивиан занял стул, на котором секунду назад сидел его компаньон, и выложил на стол портсигар.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Джеральд.

— Я знал одного Джеральда. Писателя. Джеральд Гентингтон. Вы, наверное, о нем слышали.

— Разумеется. — Он улыбнулся. — Вы не поверите, но я тоже писатель.

Вивиан достал из портсигара сигарету, чиркнул спичкой и посмотрел на собеседника.

— Наверное, Адам уже спрашивал, нравится ли вам тут. Эти скучные светские беседы. Хотите? — Он кивнул на сигареты.

— Нет, спасибо. Я курю свои.

Девушки-азиатки со змеей ушли за кулисы — их сменила блондинка в черном кожаном плаще. На первый взгляд, выбор песни для стриптиза был странным — «Corrupt» «Dereche Mode», но публика так не думала. Не казалось ей странным и отсутствие одежды под плащом блондинки. Плащ она сняла после первых нот, и теперь танцевала обнаженной.

— Вам нравится? — заговорил Вивиан.

Джеральд отвлекся от происходящего на сцене.

— Да, впечатляет.

— Значит, вы писатель, Джеральд. А чем вы занимаетесь помимо писательского творчества?

— Я журналист. Я писал статью о вашей поездке в Ливан.

Вивиан кивнул.

— Это было давно, — сказал он.

— Вы больше не занимаетесь медицинской практикой?

— Можно сказать, что нет.

— И... чем же вы занимаетесь?

Он пожал плечами, продолжая наблюдать за блондинкой.

— Даю другим возможность получать от жизни удовольствие. А они, в свою очередь, получают удовольствие, и этим доставляют удовольствие мне.

Джеральд улыбнулся.

— Занятно, — сказал он. — То есть, клуб — это ваш основной доход?

— Клуб, мой друг, это не доход, а удовольствие.

— Наверное, все хотели бы иметь такой бизнес.

— У вас есть плохие привычки?

Джеральд недоуменно посмотрел на Вивиана.

— Плохие привычки?

— Что доставляет вам удовольствие? Я люблю женщин, секс, красное вино и опиум. Вы предпочитаете женщин? Мужчин? Вы принимаете наркотики?

Блондинка продолжала свой танец, но уже не на сцене, а на находившемся рядом столике. То, как она умудрялась держать равновесие, оставалось загадкой, но двигалась она изящно и без доли скованности.

— Я не могу сказать так, навскидку, — наконец, ответил Джеральд. — Мне нужно подумать. Но я предпочитаю женщин, если отвечать на один из ваших вопросов.

— Одну? Двух?

Джеральд сделал глоток виски и посмотрел на собеседника. Вивиан пару секунд рассматривал остатки вина в бокале, который принес с собой, а потом поднял глаза.

— Вы предпочитаете брюнеток? Блондинок? Рыжих? Белокожих? Азиаток? — продолжил он задавать наводящие вопросы.

— Если бы я знал, что вы будете у меня это спрашивать, то я бы подумал заранее, по дороге сюда, — рассмеялся Джеральд.

— Неужели вы думаете, что мы пригласили бы вас сюда только для того, чтобы предложить вам выпить? Вы могли бы выпить в баре или зайти в другой клуб.

Джеральд не ответил. Вивиан поднял бровь.

— Вы нерешительны? Или боитесь злоупотреблять нашим гостеприимством? Скажите уже что-нибудь, а то я подумаю, что вам неудобно. Вам нравится Колетт?

Гость и на этот раз не решился нарушить молчание — хотя бы потому, что в этот момент за спиной Вивиана появилась Колетт. Она стояла, слушая разговор, и улыбалась.

— Нет? Тогда вам, может, нравится дама, которая танцует под «Dereche Mode»? Я бы выбрал Колетт, но о вкусах не спорят.

Колетт положила руку на плечо Вивиана и наклонилась к его уху.

— Приятно слушать, как ты обсуждаешь меня с другими, — сказала она негромко, но так, чтобы Джеральд разобрал каждое слово.

Вивиан легко сжал ее пальцы.

— Разве я сказал что-то нелестное?

— Вовсе нет. Поэтому я и сказала, что мне приятно это слушать. Не будь тут посетителей, я бы сделала акцент на слове «ты», но нас могут неправильно понять. Все в порядке, Джеральд?

— Принеси нашему гостю кофе, дорогая, — ответил за него Вивиан.

Джеральд проследил взглядом за удаляющейся Колетт.

— Кофе?

— Вы ведь не собираетесь спать? Ночь только началась.

— Мне никогда не предлагали кофе в клубах, да еще в такой час.

— Все когда-нибудь происходит в первый раз.

Блондинка закончила свой танец, взяла плащ, грациозно поклонилась и скрылась за кулисами.

— Прекрасный номер, — подвел итог Вивиан. — Я уже успел пожалеть о том, что его придумал не я, а Адам. Что вы думаете по поводу экзотических близняшек со змеей? Они вас впечатлили?

— Да, мне очень понравилось.

— Так, может быть, сегодня вы остановитесь на них?

Джеральд допил остатки виски и сделал глоток колы.

— Экзотические близняшки — это соблазнительная мысль, — признал он.

— Думаю, змею мы оставим в покое, да?

Вивиан рассмеялся, откинулся на спинку стула и посмотрел на Джеральда.

— Вы так серьезны, — сказал он. — Надеюсь, со временем вы будете чувствовать себя более раскованно.

— Просто у меня на языке уже несколько минут вертится вопрос о цене.

— Что вы, мой друг. С каких это пор люди платят за те удовольствия, которые они видят перед собой? Если бы вы попросили у меня что-то другое — что-то, чего у нас на данный момент нет, и мне пришлось бы это достать — то я попросил бы у вас определенную сумму. Если вам понравится, и вы придете еще, мы обязательно обговорим вопрос оплаты.

Вернувшаяся Колетт поставила на стол чашку кофе.

— Я поднимусь вверх, — сказала она Вивиану.

— Надолго?

Она подняла глаза к потолку и задумалась на секунду.

— На часок.

— Если только на часок, то мы справимся без тебя.

После этого он сказал пару предложений на французском, услышав которые, Колетт заулыбалась и послала ему воздушный поцелуй.

Некоторое время Джеральд разглядывал кофе, потом осторожно понюхал напиток. Вивиан кивнул, предлагая попробовать.

— Вам должно понравиться.

Джеральд сделал глоток.

— Что это? — спросил он.

— Разве вы не видите? Кофе.

Появившийся за спинами гостей Адам устало вздохнул и присел.

— Как белка в колесе, — пожаловался он и посмотрел на Вивиана. — Как ты можешь так степенно расхаживать и все успевать?

— У каждого свой темп, — резонно заметил тот. — Будь добр, проводи нашего гостя во вторую половину. И позови близняшек. Только пусть запрут змею в надежном месте — у меня от одного ее вида останавливается сердце.

Джеральд поднялся, и Адам последовал его примеру.

— Рад знакомству, — сказал Вивиан. — Надеюсь, мы еще увидимся и познакомимся поближе.

— Я надеюсь, что мой график позволит мне зайти к вам еще раз.

— Если в мире и существует что-то, что нельзя подчинить графику, то это наши пороки. Скорее, это наш график в какой-то момент начинает подчиняться им. — Он поднял руку и указал в направлении второй половины клуба. — Желаю приятно провести время.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net